

Православия 1947 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Перед составителем была трудная задача—изложить стариннейшие эпохи Древней истории для младших классов средней школы. Знакомить учеников с этим далеко от нас отстоящим миром вообще не легко, но в последнее время дело стало еще затруднительнее вследствие того, что прибавился новый богатый исторический материал, и раскрылся ряд веков, особенно отдаленных от нас. Центр тяжести исторического интереса передвинулся с кратковременной и поздней греко-римской истории, известной нам главным образом по данным литературы, на продолжительную и раннюю историю Востока, доступную по большей части лишь археологически. Само понятие о пределах и содержании Древней истории изменилось. Теперь уже нельзя трактовать Египет и Вавилон лишь в качестве введения к последующим векам, как это делалось прежде. Ранние восточные культуры перестали быть для нас каким-то сном человечества на заре младенческих времен; все более и более мы научаемся видеть в них оригинал, определивший в дальнейшем содержание жизни всего античного мира.

Никто не будет спорить против этих ясных и определенных требований, выставляемых исторической наукой, но ведь трудность состоит в приспособлении научных построений к педагогическим условиям. Здесь все зависит от подбора материала, его распределения по известному плану и от самой формы рассказа и описания. Все должно служить к тому, чтобы облегчить для ученика знакомство с самым трудным, но и самым содержательным отделом Всеобщей истории. В виду новизны дела обработки этого нового исторического материала, составитель считает необходимым обратить внимание преподавателя на некоторые особенности изложения предлагаемого учебника.

Прежде всего составитель отказался от разграничения «внешней истории», с одной стороны, и «бытовых древностей» с другой—и вот почему. Такой разрез материала с неизбежностью ведет к сухости и безжизненности изложения. Что касается внешней истории, то всякому ясно, в какой мере скучно и бесплодно изучать хронологические даты, имена вождей, название полей сражений и т. д. Нужно ли напоминать, что в такой же мере сухо и неинтересно будет описание египетских и вавилонских мод, перечисление по порядку плащей, сандалий, париков, блюд, ложек, скамеек и тому подобных предметов обихода. Для того чтобы сделать историческое прошлое

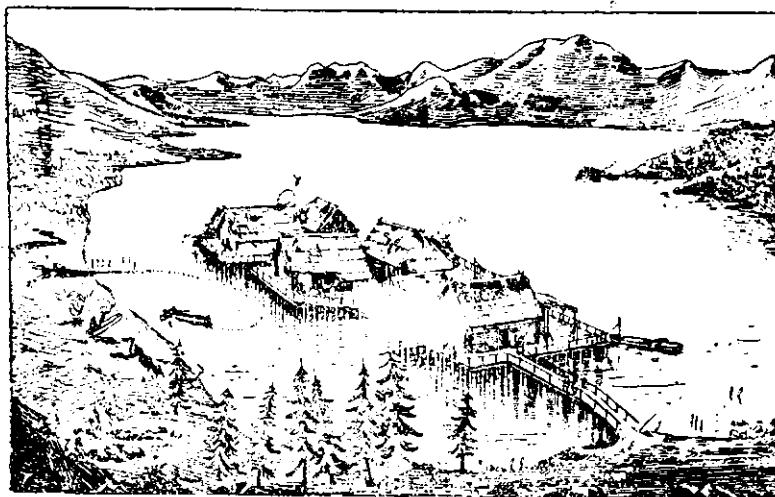
привлекательным, открыть его уму и воображению, нужно, без сомнения, что-то иное, непохожее на такое механическое разнесение материала по рубрикам. Другой вопрос, как достигнуть соединения разных сторон деятельности и быта народа в одно живое целое. Но нет сомнения, что изложение учебника должно стремиться к этой цели.

Вот пример, взятый наудачу. Дело идет о характеристике Вавилона времен Хаммураби и позднее, в эпоху Халдейской державы. Перед нами — пестрая роскошь вавилонской жизни, выступающая в постройках, в убранстве храмов, во всей обстановке, вплоть до костюма вавилонянина, который описан еще Геродотом. Нас поражают далее такие культурные факты, как развитие письмоводства, господство математических выкладок вместе с игрой символическими цифрами, наконец смешанные религиозные верования, в которых характерно соединяются тонко развитая, рассудительная астрология и суеверная демономания. Можно ли понять все эти элементы «быта» без знакомства с «внешней» историей Вавилона? Можно ли объяснить вавилонскую культуру, не давши очерка завоевания земледельческого края кочевниками, которые явились одновременно и организаторами крупного государства, и военной силой державы, и торговыми предпринимателями, при чем они присоединили к старой хозяйственной, научной и религиозной системе шумеров, полной яркости, изобилия и спокойного творчества, свою необузданную энергию и мрачные верования пустыни? А если оба ряда явлений так тесно связаны между собою, возможно-ли их разрезать в изложении?

Далее составитель считает необходимым напомнить, что он намеренно избегал краткости и конспективности изложения. Ведь ученика надо заинтересовать, ввести в предмет; поэтому в учебнике неизбежен элемент рассказа и описания. Только обстоятельная характеристика делает понятным тот сюжет, который вводится в круг зрения учащихся, и только при таком способе усвоения возможно действительно запомнить исторические факты. Между прочим, более всего трудностей для изучения представляет, без сомнения, 4-ая глава «Великие восточные державы», в виду обилия сменяющихся племенных групп и больших государственных катастроф. Тем важнее здесь было остановиться на характеристике отдельных народных и политических индивидуальностей.

Преподавателю, который ознакомится с учебником, будет ясно, как лучше всего распределить материал в ходе изучения. Некоторые отделы, может быть, удобно прочитать в классе: таковы, напр., рассказы об археологических изысканиях, особенно история Шлимановских раскопок, или параграфы о возникновении и развитии азбук, египетской и вавилонской. Иное можно предоставить на прочтение дома самому ученику: таковы, напр., сказания, мифы, рассказы о путешествии финикиян вокруг Африки, характеристика скифских нравов и т. п.

Москва, апрель 1914 г.

Старинная свайная деревня на озере.

I. Каменный век в Европе.

Памятники истории. Мы называем историей подробный рассказ о судьбе народов, живших в старину и живущих теперь на свете. Составить историю народа можно лишь, когда он оставил в чем-нибудь память о себе, когда есть *памятники* его дел и его быта. Памятники могут быть: 1) письменные, 2) устные и 3) вещественные.

1. Во времена, близкие к нашему, образованные люди заботятся о том, чтобы сохранилась память о прожитом, ведут записи о событиях и человеческих порядках. Эта забота возникла не так давно. Когда на Руси вместе с христианской верой появилась грамота, ученый монах Нестор, живший во времена Владимира Мономаха, *первый записал* дела, которые прошли перед его глазами. Нестор записал также предание о том, что было за 200 и за 100 лет до него: о прибытии варягов, о походах князей на Царьград, о встречах русских славян с другими племенами.

2. Раньше, когда грамоты еще не знали, рассказы об этих событиях передавались *устно* от отцов сыновьям. Не записав их Нестор, они через некоторое время стали бы забываться. Из той поры, когда не было грамоты на Руси, остались еще стихотворные *былины* об Илье Муромце и других богатырях, окружавших киевского князя

Владимира. Мастера-сказители распевали их и сопровождали музыкой. Но теперь у нас сказители почти исчезли; лишь немногие крестьяне на крайнем Севере, в Олонецкой и Архангельской губернии, знают былины, дошедшие по памяти от отцов и дедов.

3. О том, что было на Руси раньше варяжских набегов, никто уже не помнил и не оставил ни письменного, ни устного рассказа. Если мы хотим узнать о веках более старинных, нам нужно рыться в земле, поднимать засыпанные сверху слои ее, на которых жили люди две, три, четыре тысячи лет тому назад. Тогда перед нами откроются остатки жилищ и могил, орудий и оружия, утвари, платья, украшений, игрушек древних людей, наконец, останки их самих и тех животных и растений, которые им служили. По этим следам жизни можно представить себе, как человек работал в поле, как ходил на охоту и на войну, как развлекал себя, как хоронил умерших и что думал о смерти. Эти остатки—тоже памятники истории, только, в отличие от устных преданий и записей, немые, *вещественные*.

Остатки глубокой старины. Во всяком большом европейском городе есть музей, где хранится народная старина. Войдя в Исторический музей в Москве, начните осмотр с того зала, где стоит надпись: —*Каменный век*. Вы увидите под стеклом небольшие кусочки камня, беловатого, желтого, серого и черного, похожие на лезвие ножа или на пилку, или на плоскую ложечку; черепки красноватой посуды, расписанные черточками и завитками и т. п.

Собирать эти вещи и хранить их стали совсем недавно. Исторический музей в Москве существует всего 30 лет. Прежде на невзрачные кусочки камня и глины, которые нам так интересны теперь, никто почти не обращал внимания. Когда случалось крестьянину или рабочему, раскапывая землю в поле, или при постройке дома, найти каменный топорик или молоток, находку объясняли просто: это каменный град упал с неба после страшной грозы. Иной себе спрячет странный громовой клинок, воображая, что у него будет теперь защита от дурного глаза или от лихорадки.

Первые *археологи*, т. е. искатели старины, появились лет 100—120 тому назад. Один из самых неутомимых был французский ученый Буше де Перт (родился в 1788 г., умер в глубокой старости в 1868 г.). Ему пришлось быть долгое время директором таможни в Аббевилле на северном берегу Франции; Аббевилль лежит на реке Сомме, глубоко прорезавшей свое русло среди меловых холмов; в ее верхнем течении на берегах обнажились старинные, давно засыпанные слои земли, и река унесла вниз большие груды этой земли в виде ила и мусора. Вот здесь-то и начал Буше де Перт (с 1830 г.) собирать небольшие камен-

ные, костяные и роговые обломки; он был уверен, что открывает орудие древнейшего человека. Когда же мог жить этот старинный человек?

Надо заметить, что найденные Буше остатки человеческого обихода лежали по соседству с костями носорога, бегемота и мамонта (порода слона с длинными загнутыми клыками). Мамонт сейчас вовсе исчез с лица земли, а носорог и бегемот водятся теперь лишь в тропических странах. Это значит, что в Европе был когда-то жаркий и влажный климат, как в нынешней Африке. Но потом произошла большая перемена: наступил как бы ледяной потоп. Ледники надвинулись с Северного моря и долго лежали в большей части нашего материка. Тяжелый ледяной покров, под которым погибло все живое, занимал большой полукруг: серединой его была нынешняя Швеция, края захватывали Англию, Германию и Западную Россию. До сих пор остались следы ледяного потопа: это—*валуны*, громадные камни, лежащие всюду на полях, точно обломки разрушенных гор; между тем местность кругом ровная, и никаких гор вблизи не видно. Валуны когда-то занесены сюда из гористого северного края оледеневшими потоками.

Льды доходили до нынешних Альпийских гор. Постепенно в Европе стало теплее; лед начал таять, глыбы его отступали к северу; на скатах он сползал и превращался в широкие потоки, реки и озера. Только среди вершин очень высоких горных хребтов остались до настоящего времени старые светло-зеленые ледники. Снова поля стали покрываться травой, вода и земля наполнились живыми существами, но прежний теплый климат не вернулся более. В Европе было холодно, как в Сибири; в местах, где теперь находятся Москва, Берлин и Париж, росли только те жалкие цветы и кустарники, какие сейчас встретишь под Архангельском. Появились совсем другие животные, чем раньше: большой пещерный медведь, крупный олень, называемый теперь северным; этот олень, сохранившийся лишь около Белого моря, водился после ледяного потопа по всей Европе.

Буше де Перт видел ясно, что найденные им камни и скелеты должны были пролежать под ледяной корой; бегемоты и носороги, конечно, были древнее мертвой ледяной коры; но ведь это значило, что он открыл следы жизни допотопного человека.

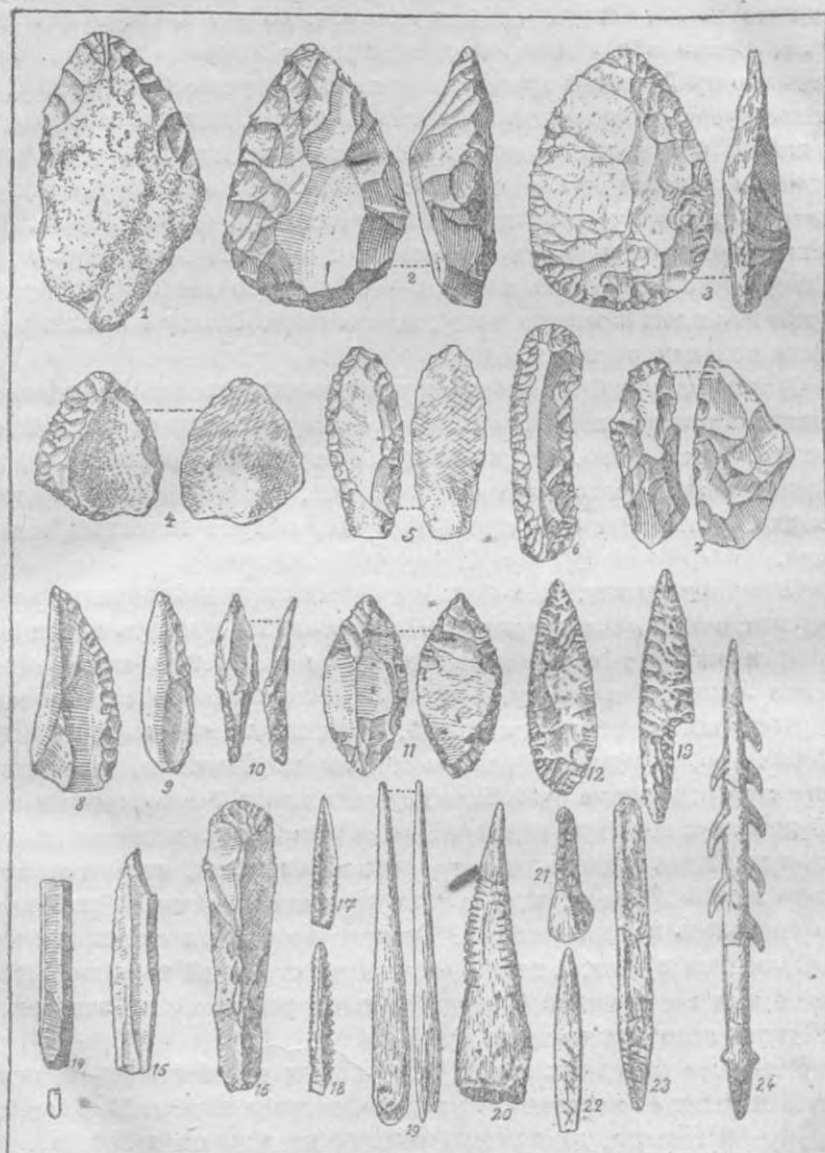
Сначала почти никто не хотел верить Буше. Тогда не было еще фотографии, которая верно и точно снимает все предметы; рисунки в изданиях Буше, которые передавали его находки, были, на его беду, плохо исполнены: по ним трудно было судить, что за вещи—эти камешки и кусочки костей. Недоверчивым читателям казалось,

что в обломках вовсе не заметно работы человека; просто это дело реки, которая постоянно обтачивает гальки в круглые и овальные плитки, в стрелки и т. д. Но все-таки Буше де Перт заинтересовал многих ученых, писателей, любителей во Франции, Англии и Германии. Тогда железных дорог было мало в Европе и путешествовали гораздо меньше, но в Аббевилль, который лежал у переезда в Англию, на полпути между Парижем и Лондом, было не трудно заехать. Особенно часто навещали к Буше английские археологи; они много раз осматривали найденные им вещи и те места, где производились раскопки. Мало-по-малу все должны были согласиться, что Буш нашел действительно следы жизни очень старинных людей.

Старый каменный век. Орудия, которые находили археологи в глубоких слоях земли, были очень жалки и плохи; понятно, что так долго сомневались, подлинно человеческая ли это работа. Судя по этим поделкам, старинный человек был грубый, бедный дикарь. Окруженный страшным зверьем, человек был слабее крупных животных, но все-таки имел перед ними большое преимущество. Животное не может добыть огня, у него нет другого оружия, кроме своих лап, когтей, зубов, рогов. Человек самый дикий умел развести огонь, чтобы согреться и приготовить пищу; он умел также усилить действие своих рук и ног, своих пальцев, ногтей и кулаков. Дикарь отыскивал суковатые палки, острые и крепкие кости зверей и рыб, брал себе рога большого оленя и клыки кабана, набирал остроконечные и тонкие обломки кремня. При встрече со зверем, он уже размахивает дубиной или колом, словно у него прибавилась еще рука; или зажмет острый камень между большим пальцем и ладонью и орудует им точно двойным кулаком.

Понемногу люди стали более изобретательны и ловки. Напр., острый рог или кость насаживали на деревянную палку: получалось длинное копьё с крепким наконечником, которым можно было сильнее ударить, чем деревянным колом. Плоский камень, похожий на лезвие, укрепляли в трещине палки и обвязывали, в роде веревки, жилкой, вынутой из убитого животного; получалось нечто похожее на топор. Срубить дерево нельзя было таким топором, но обтесать брусок можно. Из такой же жилы и несколько загнутой ровной упругой палки человек устроил лук: стрелками служили ему зубы животных или острые кусочки кремня, насаженные на конец палочки; на другом конце палочки, чтобы усилить полет стрелы, он втыкал перья, вырванные у птиц.

Сначала дикари только отбирали подходящие куски дерева, кости и камни и скрепляли их как-нибудь вместе. Потом они научились

Орудия старого каменного века из камня (1—16), кости (17—19, 21, 22) и рога (20, 23, 24). Два рисунка под одним и тем же номером показывают орудие с двух сторон, спереди и сбоку. По таблице можно видеть, как улучшалось мастерство человека. В верхнем ряду—самые старинные вещи, еще грубо сделанные, в двух нижних—самые новые, более искусные по выделке. Сравни напр., клинок 1 с клинком 12 и 13.

скоблить, точить и заостривать свой материал. Из камней кремнь особенно хорош своим острым изломом; но его края, острия или ребра, можно при некотором терпении еще лучше заравнять. Если ударять о край кремня другим камнем, то от первого будут отсекаться мелкие кусочки; получишь стрелку или лезвие, или клинок; посадив на палку, будешь иметь топор, нож, скребок, шило. А уж такими орудиями можно многое сделать: можно резать мясо животного, сдирать его шкуру, прокалывать кожу, снимать кору с дерева. При помощи нехитрых инструментов человек мог теперь вырезать куски меха убитого животного и шить себе из него напудку: в прокол он продевал или крепкую жилу, или толстую бичеву из сплетенных вместе волокон растений.

В таком диком быту прошла жизнь многих поколений. Археологи называли старинные времена *каменным веком*, в отличие от позднейшего медного, или бронзового, когда люди научились добывать металл. Обделка камня долго была очень грубая, несовершенная. Поэтому археологи отличают еще самый древний, *старый каменный век* от *нового*.

Пещерные жители. Что было с европейскими дикарями во время ледяного потопа, мы не знаем. Но археологам удалось найти жилища, в которых скрывались старинные европейцы после отступления ледников к северу, когда еще было весьма холодно всюду.

В скалах гористых местностей, лежащих по обе стороны Пиренейских гор, в южной Франции и северной Испании, встречается много пещер, которые проточила подземная вода. Часто потом каменную комнату, вырытую водой, опять заливала река и заносила илом и песком. Если удалить мягкую землю от входа, откроется свод, иногда целый коридор, иногда ряд связанных между собою пещер. Что оказалось в этих пещерах? Скелеты громадных старинных медведей, волков и гиев, а также остатки их страшной трапезы, обглоданные ими кости быков и антилоп; иной раз на кости задранного животного ясно видны следы зубов гиев.

В тех же каменных домах, выделанных самой природой, скрывались и люди от непогоды, от холода, ветра и дождя. В земле, заполняющей пещеры, закаменели остатки их грубого хозяйства: тут кости животных, которые служили им в пищу, раковины, шелуха, всякие отбросы, кухонный сор.

Можно представить себе, как жили эти пещерные люди, или *троглодиты*. Часто человек выгонял гнездившегося тут зверя; но случалось, что и, наоборот, страшный пещерный медведь уничтожит человеческое убежище. Трудно было биться жалким старым оружием

с громадным зверем. Охота на него обращалась в сражение, где несколько смельчаков, попавших в его лапы, погибали растерзанные. Охотники выходили толпой, старались окружить зверя издали, метали в него камни и стрелы; если удавалось нанести ему смертельную рану, добивали его дубинами и колами. С туши животного охотники срезали шкуру своими каменными скребками и, оставив на месте туловище, уносили домой куски; особнным лакомством считался свежий мозг, который высасывали из головы или костей. В пещере охотники разводили костер, на котором жарили добычу.

Как добывали себе огонь троглодиты? Должно быть, так же, как некоторые дикари нашего времени: высекали искру из кремня и потом раздували ее в тлеющей золе или труте; или терли один о другой два куска сухого дерева; или сверлили деревянным шилом брусок до тех пор, пока дерево не начнет дымиться, и, наконец, не выкинет пламени.

Жизнь была тяжелая и неопрятная. Подолгу приходилось голодать, если не было удачи на охоте. Дорвавшись до богатой добычи, человек не знал умеренности в еде; после трапезы он сваливался спать, а все, что было набросано кругом, сучья от костра, зола, объедки, оставалось неубранным. Иногда накопится такая куча сору, что загородит вход в пещеру; тогда останется только искать себе новое жилище.

Несмотря на стужу, люди ходили голые, лишь прикрываясь мехом животного, как шубой; такую выносливость можно наблюдать сейчас у дикарей Огненной земли: они не имеют одежды и только набрасывают на плечи шкуры, а климат там, как у нас около Белого моря.

У старинных европейцев была еще одна черта, общая с нынешними дикарями: они *татуировались*, т.-е. натирали краской тело и накалывали на нем рисунки.

Живопись пещерных дикарей. Внутри пещер археологи нашли такую чудную вещь, что просто не верили собственным глазам: иногда на стене нарисованы фигуры тех зверей, на которых охотились троглодиты. Тут есть громадные бизоны с выгнутой круто спиной и дико выпученным глазом; большерогие олени, пасущиеся на воле; волосатый старинный слон с длинным хоботом; дикая лошадь, бегущая со своим жеребенком. Своим каменным шилом троглодит выцарапывал контур, иногда чернил очертание, а то покрывал красноватой краской всю фигуру нарисованного зверя.

Удивительно, как могли грубые охотники нарисовать такие великолепные картинки! Когда в первый раз один испанский архео-

лог описал рисунки в гроте Альтамира на берегу Бискайского залива, ему почти никто не поверил: разве не могли проникнуть в пещеру какие-нибудь рисовальщики нашего времени и начертить что угодно? Ведь не раз замечали озорников, которые царапали на сводах пещер и потом выдавали свои рисунки за древность: один шаловливый

Из картин, написанных красками на своде пещеры Альтамира в Испании: дикий бизон на воле

студент в Швейцарии, не долго думая, забрался в пещеру с детской книжкой и срисовал оттуда волка и медведя.

Но эти незамысловатые способы обманщиков очень быстро раскрывались. Грубую подделку никак нельзя смешать с древним рисунком. Там были изображены большей частью такие

звери, которых никто не запомнит в нынешней Европе; что они водились в глубокую старину, подтверждают их кости, находимые в тех же пещерах. Притом подделыватель всегда нарисует фигуры на видном месте у входа, где светло. А старинные рисунки все очень далеко от входа, в темных, словно недоступных местах. Иной раз нужно по подземному коридору пройти несколько сот шагов, пока до них доберешься.

Первые перестали удивляться старинным рисункам *этнографы*, т.-е. знатоки быта нынешних дикарей. Есть племя бушменов в южной Африке, малорослое, безобразное, не умеющее ни пахать, ни избы строить; живут они охотой, по временам угоняют быков у своих соседей, кафров, зажиточных скотоводов. При всей своей грубости, бушмены замечательные мастера рисовать. Разными красками они изображают битву с кафрами из-за скота: тут маленькие серые бушмены заметно отличаются от черных крупных кафров; одни из бушменов, присевши на корточки, отстреливаются, другие спешат угнать быков.

Другое племя таких же дикарей, австралийцы, тоже умеют хорошо рисовать фигуры животных. Особенно часто они изображают большую птицу эму; иногда выкладывают ее очертание на

земле. Зачем нужна им эта работа? Они верят, что от эму зависит их благополучие и что, если сделать хороший портрет этой птицы, эму будет дольше жить и у нее больше будет родиться птенцов. Начертив рисунок, взрослые мужчины сходятся около него, танцуют и поют песни в честь эму, подражают его прыжкам и взмахиванию крыльев. Место, где они собираются, окружено *табу*, т.е. запретом; женщины и дети не смеют к нему подходить.

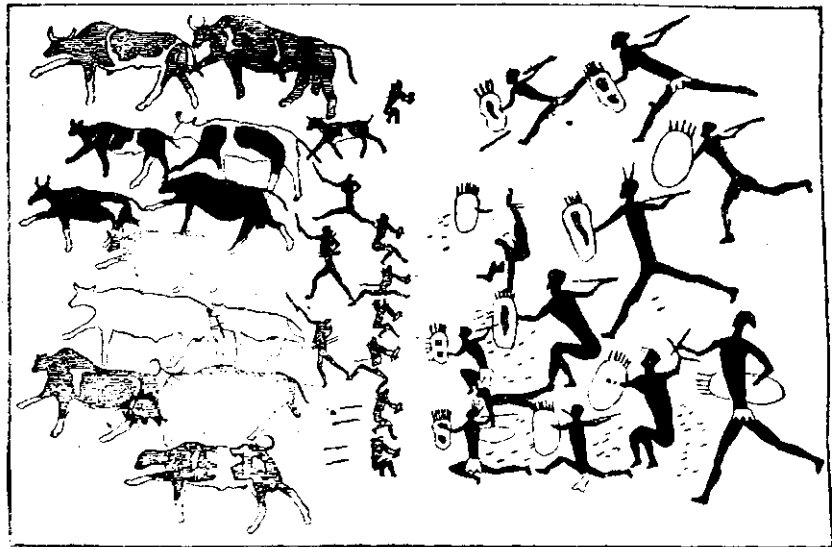

Рисунок современных нам бушменов: серые фигуры налево—бушмены, черные направо—кафры.

Не то же ли самое было в уме у троглодитов, когда они рисовали бизонов, лошадей, оленей и других зверей, на которых охотились? Они хотели, может быть, портретом околдовать животное, заманить его, может быть, верили, что от их волшебства увеличатся стада бизонов и оленей. Древние охотники, так же как австралийцы, скрывали от непосвященных тайны своего колдовства: оттого картины помещены в тайных недоступных углах.

Домашние животные. Чем дальше уходило время ледяного периода, тем мягче, теплее становился климат в краях, где мы теперь живем. Европа покрылась великолепными густыми лесами. С юга пришли и всюду распространились новые растения: яблони и сливы, орехи, земляника, смородина; заколосились высокие травы, каких прежде и не видывали: ячмень, просо, рожь и пшеница. Для человека прибавилось много здоровой и вкусной пищи.

Стали также исчезать страшные крупные породы зверей, которые так тревожили человека в старинную холодную пору: пещерный медведь, волосатый слон, пещерный лев, бизон и огромный древний бык. Вместо них появились животные меньше ростом, большей частью не опасные для людей: собака, рогатый скот нашей нынешней породы, овцы, свиньи.

Охота перестала быть страшным побоищем между зверем и людьми. К человеку присоединился теперь неожиданный товарищ, *собака*. Чувя охоту, собаки собирались стаями, выгоняли лаем из лесу волков, лисиц, оленей, догоняли убегающих. Потом, при дележе добычи, им бросали несколько кусков, остальное человек забирал себе. В таком роде сейчас австралийцы пользуются услугами диких собак, динго; и в старинной Европе собаки жили на воле и сходились с людьми только на охоте.

На коров, овец, свиней не стоило охотиться: не стоило подстерегать их и убивать сразу много штук. Эти животные ленивы и спокойно переносят неволю; их было не трудно загнать и держать стадом подле себя за загородкой. Вместо того чтобы ходить на охоту, человек мог себе завести постоянный запас дичи для убоя.

Теперь у человека не было постоянного страха голодной смерти, но он уж и не проявлял непомерной жадности при виде добычи. Кругом у него было достаточно пропитания. Надо было только не пропустить срока, когда зреют ягоды, орехи, плоды и хлебные колосья, хорошо спрятать излишки сбора, чтобы занас подольше держался и не испортился. Надо было, загнавши к себе живую дичь, не дать ей убежать; если животные начинали в загоне плодиться, так казалось, можно себе обеспечить пропитание на много лет.

Весь обиход человека переменился. В своей голодной беспокойной жизни старинный дикарь был рад найти какое-нибудь отверстие в камнях, чтобы только спрятаться от холода и сырости. Теперь, когда человека окружало изобилие, он начал устраивать для своих живых и мертвых запасов особые помещения: рыл землянки, погреба, куда складывал съедобные корни, зерна, плоды и т. д.; загораживал камнями, древесными стволами, земляной насыпью хлеб, чтобы держать найманную живую дичь.

Из охотника человек стал *скотоводом* и *земледельцем*. Все достояние старинного охотника было в меховой накидке да луке со стрелами. У скотовода накопилось порядочное имущество, а больше всего ему приходилось беречь захваченный скот или, говоря иначе, свои *домашние животные*.

В то время как мужчины пасли и загоняли скот, женщины добывали ягоды, коренья, зерна. Вместо того чтобы ходить и разьискивать случайно выросшие в лесу и на лугу травы и плоды, женщины стали пересаживать и разводить вблизи дома те породы, от которых питались, особенно ячмень, просо, пшеницу. Чтобы злаки лучше росли, землю взрыхляли *мотыкой*, т.-е. палкой с насаженным на конце загнутым назад каменным острием. Мотыкой ударяли по земле и вскапывали небольшие ямки или грядки, как теперь делают в огороде.

Скотоводам и земледельцам нельзя было больше бродить из одной пещеры в другую, потому что не легко перевозить с собою погреб и хлев с животными. Лучше было оставаться на одном месте, из кочевника стать *оседлым*, как мы теперь говорим. Значит, прежде чем поселиться, человек старался хорошо выбрать место, напр., у реки или ручья, чтобы близко была свежая вода, около леса, чтобы близко было ходить за сучьями для костра. На таком месте нужно было самому построить себе дом, на манер искусственной пещеры; сложить стены с отверстием в одной из них для входа и покрыть крышей от непогоды.

Свайные постройки. Самые замечательные из старинных построек—свайные деревни на озерах. Следы их открыты были случайно. Зимой 1854 года вода в швейцарских озерах очень сильно убывла и обнажила дно вдоль берегов. Крестьяне, жившие около Цюрихского озера, захотели весной распахать неожиданно прибавившуюся землю. Против деревни Обермейлен они натолкнулись на глубоко вбитые в землю деревянные сваи; около столбов был уголь, кости, куски глиняной посуды, вещи из камня и рога. Деревенский учитель сообщил об этом ученым археологам в Цюрихе. Скоро нашли также остатки поселений на других озерах Швейцарии.

Можно представить себе, как они были устроены. На небольшом расстоянии от берега в дно вбивали несколькими рядами столбы наподобие того, как у нас теперь воздвигают леса при постройке дома. Края этих свай, поднимавшиеся над водой, соединяли поперечными балками и настилали на них помост. Этот неровный деревянный пол покрывали глиной, песком и булыжником, а на нем ставили несколько изб; тут же помещались и хлева для домашних животных. Свайная деревушка выходила чем-то вроде островка; с берегом ее соединяли лавы, или плотинки, но так, что их легко было разнять. Люди могли также выехать из своего жилья на одnodеревке, т.-е. лодке, выдолбленной из обрубка большого ствола. У каждой избушки в полу была сделана дверка, как у нас над погребом: открывши ее

161540 118110 118110
118110

спускали в воду корзинку и вылавливали рыбу. Маленьких детей, чтобы они не свалились в воду, привязывали за ногу к столбу.

Зачем люди строились на сваях среди озер? Может быть, у них были такие же причины, как сейчас у разных народов Азии, Африки и Америки, выстраивающих деревни над водой: обеспечить себя и животных от нападений дикого зверя, спастись от насекомых, жить поближе к месту рыбной ловли. Археологи нашли, впрочем, следы свайных деревень на сухих местах; такие поселки оказались, напр., в разных местах широкой равнины вдоль реки По в северной Италии. Тут была уже какая-то другая причина; может быть, хотели устроить искусственное возвышение в стране, где нет холмов, чтобы жить поближе к реке и чтобы, все таки, жилища не смывало во время наводнений.

Орудия нового каменного века. Люди старого каменного века не могли возвести таких больших сооружений. Их мелкие пилки, пила, скрепки, стрелки не годились в дело; чтобы срубить крупные деревья, из которых сделаны столбы и бруски, чтобы заострить концы свай, вбиваемых в дно, нужно было тяжелое орудие с острым лезвием. Строители свайных деревень выбирали большие куски крепкого камня для клинков и уж не подвизывали топор к рукоятке, а просверливали в нем отверстие, чтобы крепче насадить ручку; они научились хорошо обтесывать клинки и даже шлифовать их.

Мастера, которые готовили эти крепкие красивые орудия, начинают собою *новый каменный век*. Старинный охотник не очень старательно разыскивал материал для своих стрелок и ножей: ему было достаточно тех кучек обломков и галек, которые лежат на берегу реки или у обвала холма. Строителю деревянных помостов и домов, напротив, нужны были большие запасы свежего материала для орудий. Лучший кремнь лежит внизу под землей; поэтому для добывания его стали устраивать каменоломни: рыли ямы в земле и вышибали ударами каменного молота большие твердые куски. Местами археологи откопали следы таких каменных колодцев. Около них видны остатки мастерской изготовителей каменных орудий; тут, кроме больших глыб, всюду разбросаны мелкие обломки, похожие на разбитое стекло, это—кусочки, отколовшиеся на краях при завастривании кремневого лезвия или полировке какого-нибудь твердого камня.

Ломать камень в колодцах, точить и шлифовать его, готовить инструменты—ремесло мужчин. У женщин были другие занятия: они добывали пряжу из волокнистых стеблей льна, тянули нитки и вертели веревки, ткали холст. Их дело было также сплести корзины

1436/13

В 5 1291

1436/13

1436/13

340

1436/13

Орудия нового каменного века. Сравнительно со старым каменным веком искусство выделки из камня и кости чрезвычайно поднялось; клинки крупнее и толще обделаны. Обрат. внимание на тонкие лезвия и острия клинков 1, 3, 4, 9 и 10, стрелки 12; на шлифовку 3, 4, 5, 6. Во многих орудиях просверлено отверстие для рукоятки; 13—каменный клинок, крепко насаженный на рог; 21—веревочная сеть; 19 и 20—костяные иглы.

ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА И ВОСТОК.

из тростника и тонких веток. Плетушку нельзя поставить прямо на огонь; но если ее обмазать слоем вязкой глины, то в ней можно сварить еду и даже не пролить кипятку; вместе с тем глина высохнет и затвердеет. Вот это и была *первая посуда*, которую сделал человек; потому он стал складывать горшки и кувшины из одних глиняных слоев, без плетушки внутри.

Хлебные зерна или поджаривали, или размягчали на небольшой ручной мельнице и пекли из этой грубой, плохо перетертой муки лепешки. В Египте сохранились фигурки женщин, согнувшихся на коленях перед каменным жерновом, по которому они катают круглую каменную скалку. Работа эта в такой мере считалась де-

Работница, растирающая зерно ручным жерновом (из фигурок, которые египтяне клали в могилу умершему).

лом женщины, что мельницу и не разлучали с работницей: в могилах женщин постоянно лежит жернов со скалкой.

Нравы людей нового каменного века. По всему видно, что люди нового каменного века и жили и думали иначе, чем старинные дикие охотники. В отличие от дикарей они носили полотняные рубашки и длинные шерстяные платья; но на ногах была кожаная обувь, на голове шапка или высокий убор. Шею,

руки, ноги, головную прическу украшали ожерельями, браслетами, иглами и кольцами из цветных полированных камешков, зубьев, раковин и т. п. У хозяйки в распоряжении была разнообразная посуда: миски, чашки, кружки, блюда; большие кувшины, снабженные ручкой или двумя ручками, при чем для выливания на одной стороне сделан носик. Вечером зажигали лампочку; это была продолговатая закрытая чашка, с небольшим отверстием в одном углу; в чашку вливали масло, а в отверстие вставляли фитиль.

У людей нового каменного века тоже были краски, как в старину, и они любили расписывать цветными полосками и узорами косяки дверей, выступы крыши, стены комнаты, посуду. Но у них нет живых изображений зверей, на которые такие мастера были охотники старого каменного века. Отчего? Скотоводы и домохозяева рассудительнее и практичнее, больше привыкли к порядку и работе и не любят ничего лишнего; у них нет фантазии прежних охотников, нет и того досуга, который был у бродячего жителя пещер.

Охотники старого времени жили врозь в своих тесных пещерах и землянках и лишь на ловлю зверя сходились небольшими товариществами. Люди нового каменного века селились вместе, большой деревней. Нередко они выжигали в лесу поляну, строили на ней избы и разводили кругом нивы и пастбища. Только дружной работой многих сильных и ловких мужчин можно было устроить большой помост на сваях или обвести поселенье высоким валом, чтобы защитить свой скот от волков и вообще оберечь свои жилища от нападения недругов.

Для работы такого рода нужно еще одно: чтобы кто-нибудь придумал план всего дела, чтобы кто-нибудь распоряжался и показывал каждому работнику, где становиться и что делать. Старинные охотники не любили подчиняться чьей-нибудь команде. Они все были равными между собой товарищами; всякий умел приготовить себе стрелку, топорик, дубину, содрать с убитого зверя шкуру и сделать себе плащ. В новом каменном веке плотники, оружейники, гончары и др. все отличались друг от друга. Каждое из этих занятий—дело сложное; нужно долго учиться, пока добьешься мастерства в своем ремесле. Во всяком деле появились особые искусники, которые выделялись большим опытом или талантом. Когда надо было приниматься за большую работу, они становились надсмотрщиками и начальниками на манер того, как в наше время, при постройке дома, архитектор и десятники сами не носят и не кладут кирпичей, а распоряжаются работой носильщиков и кладчиков.

Мегалитические сооружения. Самый поразительный памятник этого века—большие каменные сооружения (мегалитические, от греческих слов мега—большой и литос—камень).

То стоймя врыт в землю громадный камень в виде столба; то несколько таких столбов поддерживают огромную плиту, образующую над ними крышу. То два ряда столбов составляют аллею, коридор; то большие камни сложены в круг или образуют два-три кольца, одно вокруг другого. То, наконец, все эти сооружения соединены вместе: длинный крытый ход, сложенный из больших столбов и покоящихся на них плит, ведет в каменную залу или камеру; сама она шире и выше коридора; потолок ее составлен из нескольких плит, при чем начиная от краев к середине всякая плита выступает немного над другой; кругом камеры поставлены правильными рядами большие камни.

Столбы, коридоры и каменные залы большею частью стоят под открытым небом; иногда они засыпаны землей, образующей над ними курган. Больше всего этих сооружений в Бретани, т.-е. обла-

ети на западе Франции, выдавшейся полуостровом в Атлантический океан. Поэтому у археологов они слывут под бретонскими названиями: столб—*менхир*, крытая камера—*дольмен*, круг—*кромлех*. Но они встречаются и в других странах: в Англии, Португалии, Испании, Италии и Греции; у нас в Крыму и на Кавказе; также в северной Африке; вообще их больше всего в областях, лежащих кругом Средиземного моря.

Дольмены и менхиры воздвигнуты в очень далекую старину, о которой исчезла всякая память. Простому человеку кажется, что ворочать такие громадные глыбы могли только великаны или волшебники. О менхирах и дольменах ходят разнообразные рассказы: их называют могилами исполинов, камнями дьявола, печами ведьм. Иногда, напротив, местные жители верят, что у огромного столба или плиты подвизался святой, показывают на камне след человеческой ступни. Да и правда, удивительны эти старинные каменные палаты и колонны: ведь сейчас никто не сумеет и не захочет поднимать такие страшные тяжести. Зачем же это делали в старину?

В некоторых камерах нашли скелеты, и рядом с человеческими костями, различные вещи, украшения, посуду, ткани. Значит это были могильные склепы. Иногда человеческие останки лежат несколькими рядами, один над другим, разделенные тонким слоем земли: видно, усыпальница служила многим поколениям одной семьи в течение, может быть, сотен лет. Вход в склеп заложен тяжелой плитой: точно дверь к нему навек заперта.

Теперь подумать только, какой несокрушимый дом строили умершему, сколько на это кляли усилий, сколько пзобретательности! Это значит, мысли о смерти и о загробной жизни очень занимали строителей каменных усыпальниц. Каковы же были эти мысли?

Верования нового каменного века. Старинные охотники мало заботились об умерших. Тело покойника зарывали часто тут же в пещере, рядом с убежищем живых, иногда под тем местом, где разводился костер. Трудно сказать, что при этом воображали его близкие. В тот дикий страшный век люди редко доживали до старости и погибали обыкновенно не своей смертью, а на охоте, под когтями зверя или от укуса змеи. Что думали другие охотники о такой смерти? «Может быть, убитый и растерзанный зверем товарищ вошел в этого зверя и рыскает теперь по лесам! Ведь если я сам съем сердце убитого льва или медведя, я приобрету дикость и отважность этих зверей! Среди людей много оборотней, напр. волков, в образе человека. Может быть, все люди произошли от зверей и птиц, храбрые от сильных, трусливые от слабых; значит, человек превращается в зверя и обратно, зверь переселяется в человека».

Так приблизительно рассуждал старинный охотник. Иная жизнь, иные понятия были у зажиточных, бережливых людей нового каменного века. Человеку грозило меньше опасностей, и больше людей доживало до преклонного возраста. Старик, который приобрел большой опыт жизни, обыкновенно пользовался почетом; часто его боялись, слушались беспрекословно его приказа. Когда грозный владыка большой семьи умирал, не очень-то верилось, что он навсегда исчез. Близкие часто видели его во сне и, просыпаясь от страха, спрашивали, не приходил ли он к ним вправду. Ночью в завывании ветра чудился голос умершего, точно он опять тут, требует, чтобы его впустили.

Как избавиться от этого страха? Лучше всего принести умершему какую-нибудь *жертву*, т.-е. отдать на съедение самое лучшее, что есть в хозяйстве: крепкого быка или только что родившегося теленка. Кровь зарезанного животного надо вылить на могилу и напоить ею умершего.

Могло случиться, что умный владыка оставил по себе добрую память: при нем очень умножилось богатство местных людей, увеличились их стада; может быть, он сам придумал какое-нибудь новое орудие или привил новое растение, приручил новую породу скота или сумел хорошо устроить запасы для своей деревни или для целой округи. Во всех странах встречаются рассказы о старинном правителе, при котором было общее благоденствие; иногда прибавляют, что он научил людей пахать землю или сажать виноград или показал им искусное новое ремесло. Память о таком благодетеле округи живет очень долго; люди не могут поверить, чтобы он со смертью вовсе исчез; он конечно, тут близко, только стал невидим, но продолжает благоволить людям.

А если так, нужно выстроить умершему дом, и при том более крепкий, чем тот, в котором он обитал при жизни. Этот дом должен быть неразрушимым, чтобы вечно оставалось над округой благоволение великого волшебника. Под каменным сводом помещают могилу его; вход к ней закладывают тяжелой плитой, чтобы никто не нарушил его покоя. По дороге к могиле выкладывают ход из громадных плит; по этому коридору двигались почитатели умершего торжественным шествием в день памяти о нем, при чем несли ему подарки, цветы, плоды или ценные вещи, которые складывали в склепе: в наглухо закрытой двери к могиле иногда просверлено отверстие—может быть, оно и служило для приношений.

И в постройках, и в обрядах нового каменного века видно участие людей *ученых*, много наблюдавших. Без точной мерки, без чер-

тежа нельзя правильно сложить такие громадные круги. Кроме того, видно, что при постройке больших кромлехов старинные люди внимательно наблюдали небесные явления.

Вот что заметили археологи, рассматривая большое старинное сооружение Стоунхенг (в юго-западной Англии): если стать на широкой каменной плите в середине и глядеть утром в самый длинный летний день на северо-восток, то увидишь блестящий диск солнца в самую минуту восхода как раз между двумя столбами, составляющими вход в круг. Видимо, в этом искусно устроенном кругу весь народ собирался в большой летний праздник, когда солнце достигнет самой большой силы: при восходе приветствовали великое светило, возносили ему молитвы, просили благословить стада и посевы. Определить самый длинный день и то место, где солнце восходит в этот день, могли только люди, хорошо знакомые с движением светила.

Старинные ученые, которые руководили постройкой, которые установили праздники и обряды, были *гадатели*, или *жрецы*; они знали также лечебные травы, умели готовить исцеляющие напитки. Они хранили всю мудрость и весь опыт, который накопился у народа за сотни и тысячи лет.

Начало бронзового века. Люди нового каменного века очень любили украшения. Они старались отыскать для ожерелий, для нанизывания на волосы и на головные уборы красивые блестящие и отливающие на свет камешки. В руслах рек, протекающих среди горных пород, можно найти стекловидные кристаллы причудливой формы, самоцветные камни, наконец, песчинки и кусочки *золота*.

Скоро заметили главное отличие металла от камня: от действия огня он плавится, т.е. становится мягким, лется. Можно слить вместе несколько мелких крупинок или, напротив, разделить на равные кусочки один большой самородок. Можно вылить из золота круглые бусинки или тонкие листочки и нанизать их на нитку.

В поисках золота открыли другой металл, по своему цвету и блеску похожий на золото—*медь*. Из меди тоже сначала делали серьги, ожерелья, кольца, обручи на руки и ноги, украшали медными пластинками пояса. Но так как медь встречается местами в большом количестве, то ее скоро стали забирать мастера, изготавливавшие орудия. У меди один недостаток: она слишком мягка, гнется. Но так как уже умели плавить металл на огне, то этой беде скоро помогли: чтобы сделать медь покрепче, к ней прибавляли то свинцу, то мышьяку, то олова. Особенно прочным и красивым выходил сплав меди с оловом, который мы называем *бронзой*.

Мастера обрабатывали медь и бронзу так же, как привычный им камень, т.-е. били по ней тяжелым молотком, обравнивали края, шлифовали. Но они работали еще и другим способом: выливали расплавленный металл в глиняные формы; тогда можно было сделать бронзовую чашу, блюдо; можно было вылить длинный нож, загнутый серп и т. п.

Люди сделали чрезвычайно важное изобретение. Как ни хороши были иные крепкие породы камня, из которых изготовляли орудия, но камень гораздо меньше дается человеку. Напр. ножик можно сделать только короткий, что мы называем кинжал; длинный каменный нож, меч, будет слишком слаб, не выдержит удара, рассколется. Камен-

ным лезвиям нельзя придавать любую форму, потому что камень состоит из слоев, и обсекать или шлифовать его можно только в одну определенную сторону.

Металл без сравнения более гибок и прочен. Теперь можно было сделать себе прочный металлический *плуг*, чтобы глубоко вскапывать землю, кривой серп и косу, чтобы срезывать колосья и траву; крепкие топоры и широкие пилы для срубания и обтесывания древесных стволов. Придумали множество мелких вещей для удобства в обиходе: металлические гвозди, чтобы плотно скреплять брусочки и доски при постройке; булавки, пряжки и пружины для того, чтобы сцеплять и застегивать платье. Металлическое лезвие и кинжал можно гораздо прочнее насадить на рукоятку, прорезавши в нем небольшие дырочки, в которые вставляются гвозди; камень не позволяет такой тонкой отделки.

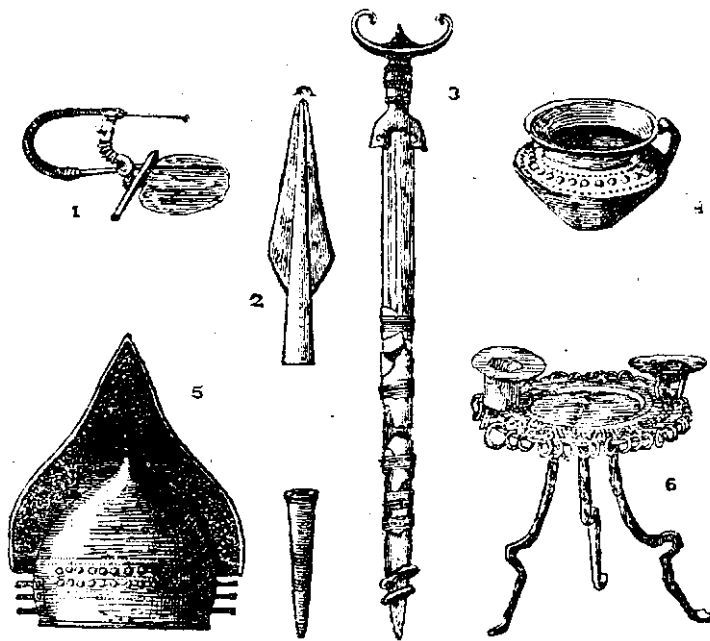
Понятно, что люди, незнакомые с секретом добывания и плавки металла, считали его каким-то волшебством, а мастера этого дела представлялись колдунами. В старинных сказках говорится, что золото, медь и железо берегут в горах карлики, хитрые и опасные для людей. Древние греки рассказывали, что гром и молния грозного бога Зевса скованы киклонами, одноглазыми великанами. Сын Зевса, Гефест, необычайно искусный мастер в ковке металла; он построил великолепные палаты другим богам, каждому сработал

Бронзовая фигурка, найденная на острове Зеландии (в Дании): солнечный круг и лошадка поставлены на вертящиеся колесики; показывает старинное почитание солнца,

золотой трон, а себе приготовил чудо из чудес: изваял из золота двух девушек, вдохнул в них жизнь и ходит, опираясь на них и скрывая свою хромоту. Кузница в сказках часто выходит каким-то таинственным местом, где живут духи. Есть такие кузницы, где работает невидимый мастер; положи ему на ночь кусок железа да какой-нибудь подарок—на другой день получишь готовый меч.

Там, где вошли в употребление металлические орудия, быт людей отчасти изменился. Но не все одинаково могли воспользоваться новыми

Орудия и посуда бронзового века. 1—пружинная застёжка для скрепления платья (вроде нынешней английской булавки). 2—пшлем, верх которого укреплен широким металлическим гребнем для защиты от ударов.

вещами. Прежний материал, дерево, кости, рог, камень, везде было легко достать. Совсем не то руда, которая имеется только в некоторых горных краях. В старину славились два места, где добывалось особенно много меди: *Синайский* горный кряж на полуострове, лежащем между Африкой и Азией у Аравийского залива, и гористый остров *Кипр*.

Кипр получил свое имя от меди (на языке ассириян медь—киппар). Европейцы так привыкли получать медь с Кипра, что металлы в свою очередь называли по имени острова: по-латыни медь—сиргум, по-французски—cuivre, по-немецки—Kupfer, у нас есть слово купорос, что значит раствор меди.

Торговля и набеги бронзового века. Очень трудно было получить редкий материал тем, кто жил далеко от источников руды. Иные собирались большой дружиной, садились на парусные лодки и отправлялись за море добывать золото и медь. У древних греков есть такой рассказ: лучшие витязи собрались дружиной и поехали на волшебном корабле Арго через проливы, Геллеспонт и Босфор, по Черному морю в далекую Колхиду (Закавказье); греческие богатыри хотели отбить у колхидского царя золотое руно волшебного барана, которое берег в заповедной роще страшный дракон. Позднее греческий ученый Страбон так объяснял подробности этой сказки: в Колхиде было много золота, и жители этой страны промывали золотоносный песок реки Фазис (нынешний Рион) в бараньих шкурах.

От изобретения бронзы люди получили много удобств. Но из-за обладаний металлом пошли также ссоры, грабежи, войны. На море появился особый вид разбойников—искатели металла. Они забирали гораздо больше золота, серебра, меди и бронзы, чем было нужно им самим, и везли потом домой на продажу. На своих больших лодках они въезжали в реки, впадающие в море, Днепр, Дунай, По, Рону, и поднимались вверх сколько можно было. Если река приводила к горной местности или встречались пороги, как на Днепре, они выгружали свой товар и тащили его на полозьях. Воители превращались в торговцев, распродавали награбленное и становились богатейшими людьми у себя на родине.

Но бывало также иначе. Местами владельцы руды сами сделались воителями, наковали себе отличное оружие и отбили всех посторонних грабителей. Излишки своего богатства они стали сами продавать приезжим; они выменивали на куски металла все, что могли им доставить другие племена морем: быков и овец, вино в мехах, шкуры зверей, воск и мед, полотно и шерсть, хлебное зерно. Когда торговля шла бойко, владельцы заготавливали для мены наперед куски определенной величины и веса. Кусок имел вид двусторонней секиры, просверленной посредине, чтобы вставить ручку. Продавцы отдавали их как *деньги* и получали за них товар. Покупатель мог воспользоваться куском или как готовым оружием, или перелить его в другую форму, сделать из него несколько новых вещей.

Плохо приходилось тем, кто имел старые каменные орудия при встрече с дружиной воителей, вооруженных в медь и бронзу. Одетые в бронзовые панцири и шлемы, закрытые медными щитами, метавшие копья с металлическими наконечниками и рубившие длинными мечами, эти воины легко рассеивали большую толпу людей, у которых щиты были деревянные, а секиры и короткие кинжалы—

из камня и костей. Появились особые мастера и любители военного дела. Они отдавали всю жизнь на упражнения в оружии, на битвы и набеги. Под начальством отважного вождя, вроде князя Святослава киевского, воители отправлялись в походы, приносящие им богатство и славу. Они покидали мирную работу и ремесло и становились опять бродячим товариществом, как дикие охотники старины.

Но разница с прежним была в том, что на них работали теперь другие. Воители нередко располагались среди побежденных большим лагерем: со всей округи они сгоняли плотников, каменщиков и землекопов и заставляли их возвести крепкий вал *большим кольцом* вокруг своих шатров. В середине кольца эти подневольные рабочие выводили крепкие кладовые, где воители берегли свое богатство, оружие, куски металла, украшения; иногда они строили большой зал, где вождь пировал со своей дружиной. Со всей округи приносили ему *дань*, т.-е. съестные припасы, одежду, лучшие поделки своего ремесла, а он распределял подарки между товарищами по оружию. Чем больше он паводил страху на окружающих, тем богаче он становился, тем привольнее жилось его дружине.

Когда умирал такой счастливый и славный вождь, воины хоронили его с особенной пышностью и жестокими жертвами. Складывали большой костер из древесных стволов для того, чтобы сжечь тело умершего. Перед сожиганием воины убивали пленников и даже приближенных вождя, закалывали коней и бросали все трупы на костер: это—спутники и слуги, которые должны были отправиться вместе с умершим на тот свет и угождать ему там. Прах вождя собирали в небольшой закрытый сосуд и ставили его в склеп; рядом помещали лучшее оружие, золотые чаши; надо всем этим насыпали *курган*.

Могильных курганов очень много в южно-русских степях. Они остались в память о воинственных дружинах, которые большею частью появлялись из Азии. Воители проходили беспрепятственно по широким равнинам, которые тянутся от Туркестана вдоль морей Каспийского и Червого к Венгрии; они нападали на мирные племена, жившие на лесных полянах и вдоль рек Дона, Двепра, Днестра и Дуная.

Богиня Нут, мать Озириса, простирает над сыном свои крылья.

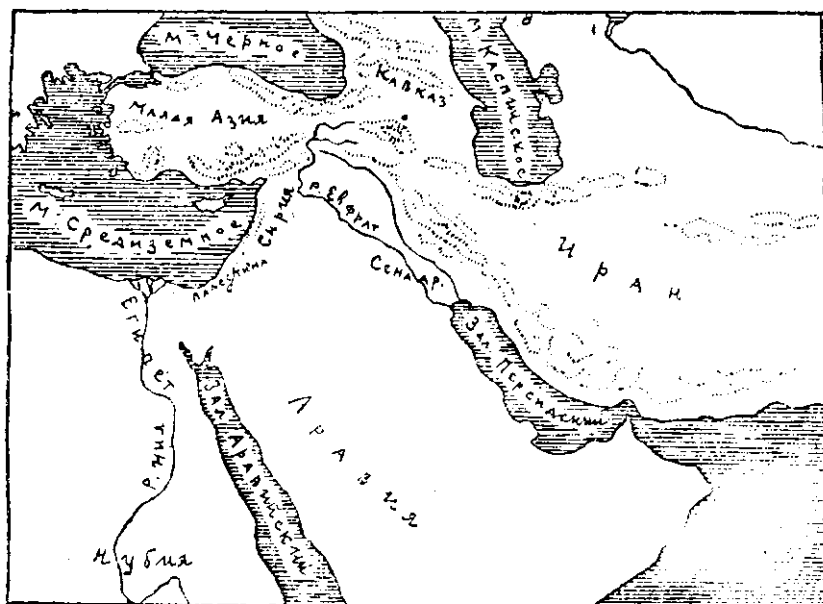
2. Египет.

Страны древнего Востока. Археологи считают, что за 2000 лет до Рождества Христова почти во всей Европе знали бронзу. Но в это время европейцев уже перегнали в изобретениях жители более теплого края, который теперь называют обыкновенно *Востоком*.

Когда говорят о древнем Востоке, то разумеют *Египет*, *Палестину* с *Сирией*, и страну *Сенаар* (так в Библии называется равнина по течению рек Тигра и Евфрата). Причисляют сюда также окружающие земли: полуостров *Малую Азию*, горные страны *Кавказа* и *Ирана*, лежащие за Тигром, а также расположенные на юг от Египта и Палестины *Нубию* и *Аравию*.

Во всех этих странах природа совсем иная, чем в Европе. Нет здесь дремучих лесов, через которые так трудно было пробираться европейцам. Круглый год стоит тепло. Летом оно доходит до раскаленной жары; в зимние месяцы, от ноября до февраля, становится не холоднее, чем в нашем апреле и мае; эту зиму проводят в Египте перелетные птицы, которые возвращаются весной к нам. Человеку тут нет нужды думать о тяжелой одежде для защиты от холода, заготавливать топливо для согревания дома. При тепле ему можно быть умеренным в пище: гораздо меньше есть мяса, больше плодов и овощей. В обилии тут находятся плодовые растения: виноград, оливковое дерево, финиковая пальма, фиги, персики, вишни, гранаты. Жители теплого края скорее могут добыть себе пропитание; они могут жить вообще легче, беспечнее, отдавать досуг на украшение жизни. Вот почему они ушли вперед в искусстве и науке сравнительно с европейцами.

Египет. Ни одна из восточных стран не манила так европейцев, как Египет. Каким-то волшебством природы кажется этот край всякому приезжему. От Атлантического океана через всю северную Африку тянется пустыня Сахара, и к ней примыкает отделенная только узким Аравийским заливом большая Аравийская пустыня в Азии. Среди этого громадного пространства бесплодных песков и камней лежит поперечной полосой чудесный оаз долины Нила. Плодородные поля, пальмовые рощи тянутся вдоль великой, единствен-

Страны древнего Востока.

ной реки. Вся эта узкая полоса земли густо заселена; непрерывно тянутся по обе стороны Нила города и деревни. На полях работает темнокожий трудолюбивый народ, *феллахи*, как их теперь называют. По старинным египетским рисункам и картинам видно, что такие же корячневые люди, жилистые и длинные, работали в Нильской долине 3 и 4 тысячи лет тому назад. Среди белых мазанок с плоскими крышами видны старые камни, остатки великих древних построек; на краю пустыни, точно горы, поднимаются пирамиды, громадные старинные гробницы.

Давно ли живет этот народ в прекрасном оазе Сахары? Кто такие были его предки, которые выстроили самые крупные памятники

цвета?—Эти вопросы занимали еще греческого путешественника Геродота, родом из Галикарнасса в Малой Азии, побывавшего в Египте более 2000 лет тому назад, около 450 года до Р. Х.

Геродот о древнем Египте. Во время путешествия Геродота Нильская долина принадлежала великому персидскому царю: за 80 лет до Геродота Камбиз, сын Кира, разбил египетского фараона Псамметита, и египтяне стали платить дань персам. Персидские власти оставили египтянам их богов, их обычай; не тронули они также греческих торговцев и ремесленников, приехавших морем и поселившихся на низовьях Нила близ морского берега. От этих греков, живших в Египте, Геродот много узнал о чудесной стране. Но он и сам посетил многие города в Египте, между прочим большой Мемфис, проехал вверх по Нилу до порогов, где граница Египта, смотрел большие праздники египтян.

Геродот поражен всем, что он видел; он описывает течение великой реки, ее разливы. Никто, по его мнению, не сможет объяснить, откуда берется сила летнего наводнения. Оттого ли, что тают снега на верховьях? Но какой может быть снег в той жаркой стране, где Нил берет начало! Оттого ли, что Нил образует рукав великого океана, окружающего землю со всех сторон? Или, наконец, оттого, что солнце в жарком климате собирает испарения и потом скопившуюся в воздухе влагу низвергает великим потоком?—Ни греки, ни египтяне не знают причины разливов; но одно ясно: могущественная сила живет в разливающейся реке. Старинное сказание говорит, что однажды могучий царь смотрел на вздувшуюся от разлива реку, над которой поднялся вихрь; вдруг ему пришла дерзновенная мысль бросить свое копье в середину потока; за такое дело боги тотчас поразили его слепотой.

Геродот описывает дикие растения и животные Египта. Красивые кувшинки, растущие в реке и называемые лотосом, со съедобными плодами и корнем. Кривоносых пбисов, которые истребляют змей и за то почитаются священными птицами. Громадных нильских крокодилов, которых ловцы выманывают из воды следующим образом: бросают кусок свинины с берега и тут же держат на веревке визжащего поросенка; как только крокодил на этот крик выйдет на берег, закидывают ему «свинные» глаза грязью и убивают. Наконец, толстокожих гиппопотамов, которых Геродот описывает так: у них большие клыки, грива и хвост—лошадиные. А рядом с изображением виденных в Египте животных Геродот рассказывает о фантастической птице фениксе, прилетающей в Египет в редкие сроки, через каждые 500 лет. Величиной с орла, в великоленных

красных и золотых перьях, молодой, вновь народившийся феникс появляется из далекого южного края; он приносит в яйцо тело старого умершего феникса, от которого сам родился, и кладет его в святилище бога Солнца.

Геродот описывает гробницы древних египетских царей, подобные горам; громадные плотины, выстроенные для защиты Мемфиса от наводнений; большие водоемы, в которых сохраняют воду на случай засухи; бесчисленные каналы для орошения долины Нила. Он не устает повторять, что египтяне—самый искусный и умный народ на свете. По словам Геродота, египтяне раньше всех других людей изобрели счисление дней в году и разделили год на 12 месяцев. Они же первые придумали геометрию, т.е. измерение земли.

По рассказам Геродота видно, как сильно греки интересовались Египтом. Все диковинки Нильской долины у нас до сих пор зовутся греческими именами: большие гробницы—*пирамидами*, остроконечные победные колонны—*obeliskами* (по гречески обелиск значит копье), каменные фигуры животных с человеческими головами—*сфинксами* (сфинкс по-гречески «загадка»), письмо египтян—*иероглифами* (по-гречески значит «священные или таинственные знаки»).

Египет от Геродота до наших дней. Более ста лет спустя после Геродота Александр Македонский разгромил персидскую державу, и в Египте стали властвовать греческие цари, по имени Птолемеи. Незадолго до Рождества Христова в Египет пришел римский завоеватель Юлий Цезарь, и на место греков стали римские императоры. Терпеливый, темнокожий народ, работавший на полях, покорно слушался всех властителей, которые сменялись в стране.

Египтяне были из первых принявших христианство; тут появились и первые ревностные монахи. Суровые отшельники уходили из богатой цветущей долины Нила в голую неприветливую пустыню и жили в пещерах, одинокие, вдали от человеческого общества.

В 640 году после Рождества Христова на Египет надвинулась новая гроза с востока: через Суэцкий перешеек пришли воинственные арабы. Они только-что приняли веру, проповеданную Мохамедом: по новому закону надо было или истреблять неверных или обращать в мусульманство. В деревнях все подчинилось новым господам и стали мусульманами. Лишь немногие горожане остались верны христианству; их потомки зовутся теперь *кoptами*; у них больше всего сохранилась наружность древних египтян: узкие длинные глаза, прямой нос, желто-коричневый цвет кожи.

Египет на долгие века закрылся для народов христианской Европы. Мусульманские халифы выстроили себе новую большую

столицу близ древнего Мемфиса, *Каир*; гробницы их воздвигнуты возле пирамид старинных фараонов.

В 1798 году молодой генерал французской республики, Наполеон Бонапарт, мечтая о завоеваниях наподобие Александра Македонского, отправился морем во главе большой экспедиции на завоевание Египта. Армию сопровождали ученые и художники, которые хотели увидеть чудеса древней страны, известной только по рассказам Геродота. Мусульмане оказали Бонапарту жестокое сопротивление. Под Каиром, где на краю пустыни виднеются большие пирамиды, конница непобедимых мамелюков напала на французов. Бонапарт, думая воодушевить свое войско, крикнул: «солдаты, помните, что сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!» Конечно, солдаты ничего не поняли в словах генерала, но, видя его горячее, возбужденное лицо, бросились отважно в бой и расстроили мамелюков.

Для преследования побежденных мусульман был послан вверх по долине Нила летучий конный отряд. Чуть-ли не впереди всех верхом спешил художник Денон, человек уже пожилой, но необыкновенно подвижной и увлекавшийся: ему хотелось видеть все знаменитые развалины и зарисовать египетские пейзажи и старинные памятники. Денон, как он сам рассказывает, молил судьбу только об одном: чтобы мусульмане продолжали свое бегство, но не исчезли бы вовсе, иначе французам придется вернуться назад, и они не увидят чудес далекого южного края. После экспедиции Денон издал большое «Путешествие по Египту» с великолепными рисунками. Впервые по этой книге в Европе знакомилась с древней страной; ученые ревностно занялись разбором таинственного письма египтян.

Всем захотелось владеть хоть частицей старинных египетских сокровищ. Недаром чуть не во всякой столице, и в Лондоне, и в Париже, и в Риме, и в Константинополе, и даже в Нью-Йорке, красуется на лучшей площади обелиск, увезенный из Египта. Европейцы перевезли в свои музеи много художественных вещей старинного Египта, а также груды *папируса*, т. е. бумаги из нильского тростника, покрытой древним египетским письмом.

Французы не удержались в долине Нила. Их место в Египте заняли потом англичане. Англия держит для защиты египетского хедива (султана) войско, управляет его казной. Англичане воздвигли у нильских порогов громадную плотину, чтобы задерживать наплыв больших наводнений и поднимать воду на высокий уровень. Таким способом доставляют воду в отдаленные края долины, куда она не могла достигать до сих пор. Пока не было этого большого новейшего

сооружения, египетский оаз орошался все тем же способом, который был в этой стране с древнейших времен и который видел еще Геродот. Посмотрим, в чем состояло это орошение.

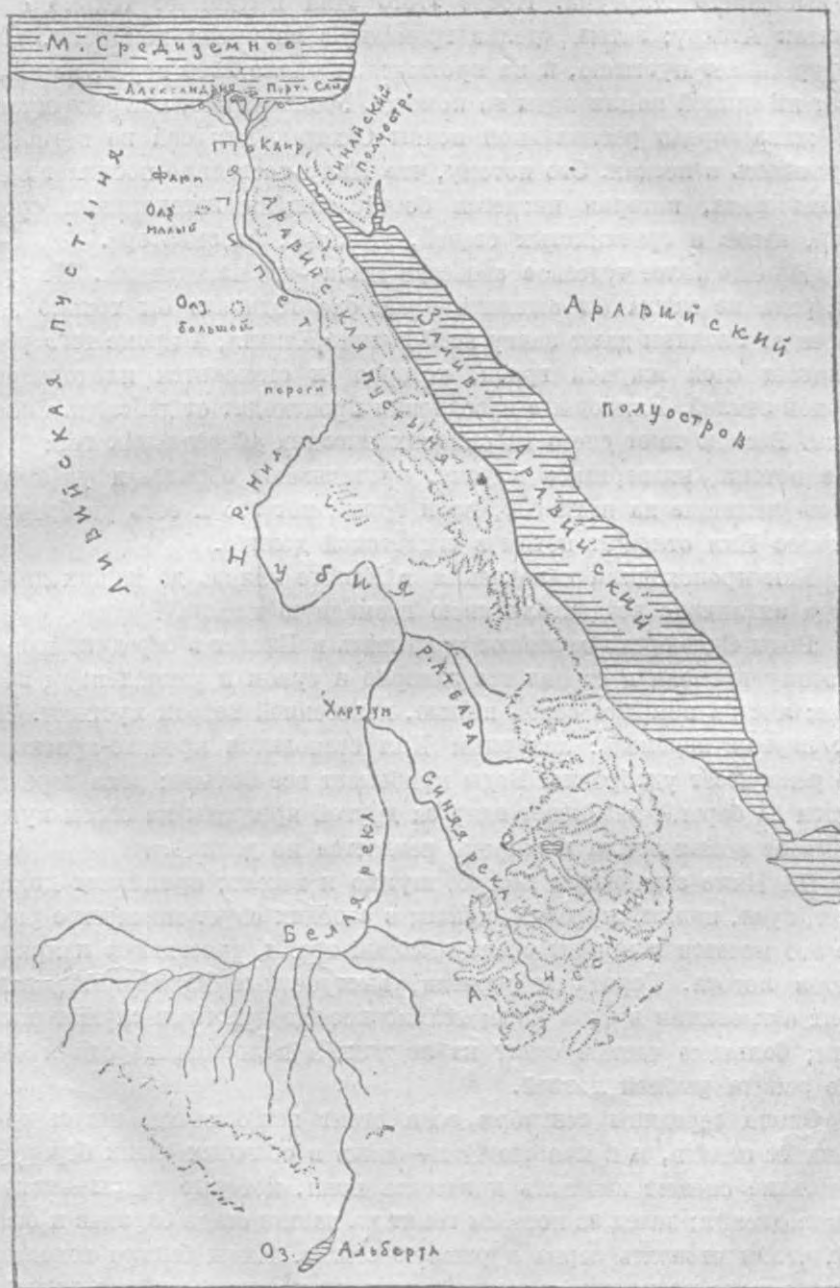
Долина Нила и разливы реки. Египет начинается на юге у порогов Нила, где река прорывает гранитную гряду. В Египте Нил течет среди двух цепей возвышенностей, которые сопровождают реку с запада и востока. Западная цепь, Ливийская, широкая, плоская и низкая, больше отступает от реки. Восточная, Аравийская, повыше, покругче и ближе подходит к Нилу; иногда ее скалистые обрывы точно загораживают реке путь. Вся земля на высоте этих холмов и за ними—камень и песок; древние египтяне называли ее *красной* землей. Плодородную часть долины Нила они звали *черной* землей. Долина местами очень узка; от одного обрыва до другого иногда всего 15—20 верст; шире 40 верст она нигде не становится. Но Нил захватывает своими разливами далеко не всю ширину долины.

От порогов (у города *Ассуана*) черноземная долина вдоль реки тянется верст на 800 к северу. Верстах в 300 ниже порогов от Нила отделяется большой рукав, так наз. Иосифов канал (по арабски Бар-Юсуф). На расстоянии более 300 верст рукав этот сопровождает Нил; он не доходит до моря, а внезапно прорывается через ущелье Ливийской цепи и впадает в озеро, которое лежит среди цветущего оаза *Фаюма*. За Каиром обе цепи возвышенностей, сопровождавшие Нил, отступают, и к морю раскрывается широкая, совершенно плоская равнина.

Река разливается тут без препятствий и делится на рукава, расходящиеся веером. Древние греки звали эту часть Египта *Дельтой*, т.-е. буквой Д, писавшейся в виде треугольника Δ (на нашей карте север приходится наверху, и Дельта Нила образует опрокинутый треугольник). Самая широкая сторона Дельты—берег моря; расстояние от западного края, где лежит город Александрия, до восточного, где теперь город Порт-Саид у начала Суэцкого канала, немного более 200 верст. Дельта так же, как большая часть долины Нила, состоит из плодородной земли, но не вся: вдоль моря тянутся болота и стоят озера. Внизу Нил становится таким ленивым, что уже не в силах увлечь эту воду в море.

В Египте мало дождей. Изредка бывают ливни, но после них почва быстро высыхает, и от них нет пользы растениям. Все, что в Египте растет и дышит, получило свою жизнь от великой единственной реки и от ее разливов.

Нил составляется из двух рек: *Белой* (т.-е. прозрачной), которая берет начало в больших озерах центральной Африки, и *Синей*

Течение Нила и рек, его составляющих

древняя Европа и восток.

(т.-е. мутной), которая течет из горной Абиссинии. Они сливаются у нынешнего Хартума. После этого Нил принимает только один приток Атбару; затем, сделав громадную излучину по Нубии, Нил перерезывает пустыню, и на протяжении около 2500 верст, не получает ни единой капли воды на помощь. Удивительно, как река остается жива среди раскаленной почвы Сахары, как она не погибает, зарывшись в песках. Это потому, что Нилу постоянно посылает воду Белая река, которая питается бесчисленными источниками среди озер, лесов и травянистых степей, лежащих на экваторе.

Но еще более чудесное свойство Нила—его наводнения. Не будь их, река не могла бы оживить край; она годилась бы только для проезда. Разливы дают влагу всей долине Египта, и кроме того река отлагает слой жирной грязи, которая и становится плодородной черной землей. Ежегодные наводнения происходят от действия Синей реки. Весною тают снега на склонах высоких абиссинских гор; бурные потоки, низвергаясь в реку, протачивают обрывы и уносят с собою лежащие на пути сор, ил и грязь; вот это и есть удобрение, которое Нил отложит потом в египетской долине.

Как происходили наводнения в Египте вплоть до наших дней, когда англичане воздвигали свою громадную плотину?

Воды Синей реки начинают прибывать в Египет в середине июня. К этому времени в стране все замерло в сухом и раскаленном воздухе; листва покрыта серой пылью, нанесенной ветром пустыни. Но вот первая перемена: лазурный Нил становится кроваво-красным; что река несет удобрение. Воды прибывает все больше; река переливается за берега, разбивает одну за другой преграды на своем пути, отрывает комья земли и широко раздается по долине.

На Ниле становится пестро, шумно и весело; прилетают дикие утки, гуси, цапли, журавли, ибисы; в заводях спует множество рыб; все это мечется и кричит среди высокой травы, тростников и ярких цветов лотоса. Города и деревни, выстроенные на возвышениях, стоят островками в этом море; только кое-где дорогами служат плотины; большею частью ездят на лодках, а половина народа и без того занята рыбной ловлей.

Около середины сентября вода стоит всего выше, потом она начинает падать, и к ноябрю Нил—опять в обычных своих берегах. Крестьяне спешат вспахать и засеять поля, которые разрыхлились от наводнения; вслед за посевом гонят на пашни стада баранов и свиней, чтобы втоптать зерна в рыхлую землю. Нивы быстро всходят; и опять надо поспешить с жатвой, пока не наступило время засухи. Нет беды хуже *хамсина*: этот сухой ветер, дующий с пустыни, по-

крывает небо раскаленным красным туманом и наметает на землю горы песку.

Так идет борьба между Нилом и пустыней; от нее получились три времени года в Египте, непохожие на наши четыре: 1) засуха (от марта до июня), когда пустыня все отняла у Нила, точно закалила землю, 2) наводнение (от июня до ноября) и 3) процветание страны (от ноября до февраля), после того как Нил возродил землю. Или, как сказал арабский вождь Амру, завоевавший Египет, Нильская долина бывает: 1) пыльным полем, 2) пресным морем, 3) цветущим ковром.

Все зависит от Нила: не будь его благодетельного наводнения, в Египте водворилась бы такая же мертвая пустыня, как рядом в безбрежных песках Сахары. Древние египтяне не знали, как и благодарить могучую реку. Нил был для них богом, к которому они возносили молитвы.

«Слава тебе, Нил, приносящему мир и жизнь Египту... Твои волны разливаются по садам, которые создало солнце; ты утоляешь все, что жаждет, небесной влагой. Когда ты спустишься на землю, бог ее подает зерно, и закипают работы в мастерских. Ты—творец пшеницы и ячменя, тобою держатся храмы. Когда твои руки утомляются от труда, и ты страждешь, все живое, боги и люди, гибнут, стада стонут, вся страна, все великие и малые мучатся. Когда же молитвы услышаны тобою и ты приходишь, земля начинает играть от радости, все смеется... Ты даешь всякому счастье по его желанию, и никому не отказываешь. Ты—царь, и приказы твои расходятся по всей земле».

Египетские каналы и плотины. Благодеяния реки очень велики, но люди должны много и упорно работать для того, чтобы воспользоваться разливами. Если Нилу оставить полный простор, он потопит всю Дельту, образует там громадное озеро и еще вдобавок унесет в море весь плодородный нанос, а выше в долине будет засуха сейчас же после разлива. Надо принять меры, чтобы удерживать воду с ее драгоценным удобрением для верхней части долины и напоить сначала ее поля. Как это сделать?

С очень давней поры египтяне прорыли каналы, чтобы отводить воду из реки. Каналы идут сначала поперек к Нилу; к ним опять под прямым углом проведены другие каналы, которые уже придутся вдоль реки, вроде ее рукавов. Вся долина разделена была этими каналами на четырехугольники. В каждом из этих четырехугольников устроен был водоем, куда отводили воду во время разлива; из водоема воду пускали по небольшим каналам и канавкам и распределяли по всем полям. Вдоль больших каналов возведены были

*Принято
для изд. Пресс
Сит. Сит*

крепкие плотины так, что каждый четырехугольник загораживался со всех сторон валами: вода могла войти внутрь, только если спустить плотину.

Нужно хорошо доглядеть срок, когда спускать плотины. У нильских порогов, где теперь город Ассуан, существовал с давних пор *Ниломер*. Это—длинный шест, утвержденный в скале, которая поднимается в середине реки; на нем отмечали уровень наводнений за разные годы. Как только вода на Ниломере дошла до нужной высоты, давали сигнал по всей стране. Тогда спускали те плотины, которыми загорожен был путь воде из Нила в поперечные большие каналы. Река вливалась быстро в повороты, затем в продольные рукава и проходила в водоемы. Когда начинался отлив, плотины опять запирали, и воде загораживали обратный путь. Отдавша часть разлива долине, Нил потом уже приносил меньше воды в Дельту, и она спасалась от потопления.

Все это нам теперь не трудно понять и объяснить, но как удивительно, что древние египтяне сообразили исполнить такие крупные и сложные сооружения! В настоящее время копать каналы и водоемы, строить мосты и большие плотины поручают обученным инженерам и архитекторам; под их руководством работают плотники, каменщики, кровельщики, слесари и т. д. В числе наук, которые проходят инженеры, есть геометрия (или геодезия), т.-е. измерение земли и вычисление углов; она нужна, потому что нельзя без точного плана сделать сложную постройку. Знали эту науку и египетские строители, руководившие работами; недаром Геродот говорит, что египтяне первые изобрели геометрию.

Ученые жрецы в Мемфисе и Гелиополе. Самая большая школа инженеров, архитекторов и землемеров была в городе *Мемфисе*, стоявшем недалеко от нынешнего Каира. Эта школа пахотилась при храме бога Пта, покровителя ремесл и художеств, похожего на греческого Гефеста; ее руководителем был первосвященник бога Пта.

Не в одних только постройках видно руководство ученых; а Ниломер, а сигналы, которые возвещают наводнение! Ведь это, конечно, устроили люди, которые долго наблюдали разливы Нила и заметили уровень реки за много лет. Потом дальше: для того чтобы вб-ремя предупредить разливы, надо было сосчитать число дней в году и точно заметить, на какой день приходится начало наводнения. А ведь составить календарь—тоже целая наука.

Мы теперь давно забыли, как эта наука началась. С раннего возраста мы запоминаем дни недели, названия месяцев, потом учимся в школе, на какой день приходится равноденствие, когда

самый длинный, когда самый короткий день в году. Всякий покупает себе в декабре календарь на будущий год и узнает оттуда, когда придутся главные праздники, какие будут затмения. Все это кажется очень просто, и никому не приходит в голову, что календарь очень старинное изобретение, и что человеку оно не легко далось.

Геродот верно сказал, что египтяне раньше всех составили календарь. Они первые заметили, что, кроме ежедневного восхода и заката, солнце делает еще особый великий круговой путь по небу от одного наводнения Нила до другого; при этом оно переходит из одного созвездия в другое, и вечером после заката над горизонтом поднимаются в разное время года разные звезды. Египтяне заметили, далее, что годовой круг солнца составляет 365 дней, но не ровно, а с небольшим лишком почти в 6 часов.

Как быть при счете времени с этим лишком? Если его не замечать и считать год в 365 дней ровно, то через несколько лет отстанешь в счете от солнца; тогда не будет вообще пользы от счета. Мы теперь помогаем беде так: прибавляем через 4 года целый день и считаем каждый четвертый год високосным, т.-е. в 366 дней.

Египтяне поступали иначе. Для точного счета времени они наблюдали восходы самой яркой звезды, Сириуса. Во время засухи Сириус совсем не виден на небе, скрыт под землей. Как только в первый раз он покажется ночью над горизонтом,—это бывает перед самым началом прибыли воды в Ниле—ученые считали, что начался истинный год. По восходу Сириуса ученые астрономы выправляли календарь на весь год. От них узнавали простые люди, работавшие на земле, все сроки, когда надо открывать и закрывать плотины, когда пахать, когда сеять какой хлеб, когда собирать жатву.

Ученые астрономы, вычисляя путь светил, записывали и зарисовывали свои наблюдения. Опытные старые люди обучали астрономической и календарной науке молодых преемников. Более всего было астрономов среди жрецов великого Солнца в городе Солнца, на одном из рукавов Нила. В Библии имя этого города *Он*, у греков *Гелиополис* (от *Гелиос*—солнце, и *полис*—город).

По указанию своих ученых жрецов, египтяне устроили в стране сеть каналов и научились правильно обрабатывать землю. Руководители потребовали еще одного: чтобы народ выстроил большие амбары и свозил к ним хлеб и другие предметы питания, а также шерсть, которую стригли с овец. Все запасы посвящались богу, а жрецы записывали приход. Часть запасов они брали себе на прокормление; считалось, что ежедневные мелкие заботы не должны отвлекать их от служения богу. Остальное жрецы распределяли между семьями;

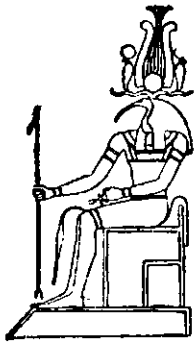
раздавали шерсть мастерам пряжи и тканья, а зерно отдавали по числу едоков. Жрецы считались управляющими бога; ему отводилось целое поместье с дворцом посредине, со всеми службами, садами, озерами и стадами. Окрестные жители, искавшие благословения бога и его служителей, приписаны были рабочими на божье поместье.

Египетские области и их боги. В каждом городе Египта чтили особое божество, которое считалось покровителем всей округи, или области этого города.

Этих областей (по гречески *ном*) было 42: из них 20 лежат в Дельте, иначе называемой *Нижним Египтом*, и 22 в долине Нила, или *Верхнем Египте*.

Области Верхнего Египта начинаются на юге у порогов и лежат все в один ряд вдоль реки. Области Дельты начинаются с «Белой стены» (в этой области город Мемфис); отсюда они расходятся веером в несколько рядов по рукавам Нила.

Каждая область имела свой герб в виде зверя, птицы или орудия. В Верхнем Египте были области Двух соколов, Божьяго скинтра, Трещетки, Змеиной горы, Зайца, Шакала, Лавра, Ножа; в Нижнем Египте—области Ибиса, Тельца, Черной Коровы, Острога, Белой стены. Каждая область чтит своего бога или богиню в образе какогонибудь животного.

Бог мудрости Тот с головой ибиса в высоком уборе, украшенном рогами, змеями, страусовыми перьями, солнечными кружками и пучком лотоса.

В Верхнем Египте в городе Дендера покровительницей считали Хатор, богиню небесного свода. Она имела образ коровы; но богиню изображали также в виде женщины с головою коровы или на человеческой голове у нее высокий убор с рогами коровы. Богиня Сехмет в Мемфисе имеет вид львицы, а богиня Бастет в горах Бубастис вид кошки. Бог солнца Хор в Верхнем Египте принимает вид сокола; или он человек с головой сокола, на которой убор в виде солнечного круга, обвитого змеей. В Фаюме почитают бога Собека, живущего в водяной бездне, и представляют его себе в виде крокодила. В пустыне живет бог Анубис, провожающий души на тот свет; он принимает вид хищника пустыни, шакала. Бог мудрости Тот, обыкновенно пишущий пером на дощечке, имеет голову ибиса.

Откуда взялись в Египте эти страшные картины и статуи? Видимо, народ верил, что боги вселяются в зверей и птиц; а эта вера удержалась от очень старинной поры, когда многие животные казались вещами, обладающими чудесной силой. Из тех же времен остался

обычай отыскивать зверей с особыми отметинами и кормить их в храме, чтобы городу было счастье. Всего известнее из них был бык Апис в Мемфисе. Геродот описывает его так: он—черного цвета, с белым треугольником на лбу и белым пятном в виде орла на боку, на языке же—фигура черного жука. В Фаюме Геродоту показывали священного крокодила, у которого уши и передние лапы были украшены золотом и драгоценными камнями.

Из рассказа Геродота видно, что почитание священных животных осталось у египтян до поздних времен. Веда, говорит он, убить ястреба или ибиса; это значит заслужить смертную казнь. При пожаре люди больше беспокоятся о спасении кошек, чем о тушении огня. В одном городе бальзамируют мертвых кошек, в другом—землероек и ястребов, в третьем ибисов; в иных местах собак и ихневмонов (животное это иначе называется фараонова мышь, величиною с кошку, истребляет крокодиловые яйца). Все эти животные хоронятся очень тщательно в особых могилах.

Просто не хотелось бы верить этим рассказам Геродота, если бы не громадные кладбища животных, которые открывают в наше время: кошки похоронены сотнями тысяч, есть могилы крокодилов, погребенных вместе с яйцами и вылезшими из них детенышами. Все эти трупы завернуты в повязки, положены в ящики, поверх которых иногда поставлены фигурки из бронзы.

Почитание богов и праздники. Изображение бога стоит в глубине его дворца, в месте, которое считается самым святым; здесь статуя еще спрятана в небольшой камере, сделанной иногда из цельного куска гранита. Утром приходит служащий богу жрец, наполняет святилище дымом благоуханий и отпирает крепкий затвор камеры. Несколько раз он преклоняется до земли, поет священные гимны, опрыскивает статую водой из 8 кувшинов, обвязывает её затем повязками 4 цветов, белого, зеленого, красного и розового, мажет маслом и подводит зеленой и черной краской. Затем кормит бога, т.-е. ставит перед статуей хлеб, гусей, уток, окорока, вино и воду; на столе должны быть также цветы.

В большие праздники, в новый год, в первый день месяца весь город и окрестные деревни принимают участие в служении богу.

Хатор в головном уборе на рог коровы и Сехмет с головою львицы.

Приносят хлеб, пироги, жаркое, которыми угощают собравшийся народ. Ему показывают «красоту владыки»: статую выносят из святилища в переднюю часть храма на носильках, которые имеют вид лодки и ставят на каменный столб; жрецы отдергивают занавески и открывают народу изображение. Иногда статую переносят на богатую украшенную барку под балдахин и везут по Нилу, при большом стечении народа; везут в соседний город, к другому богу в гости.

Геродот описывает один такой шумный праздник, справлявшийся в Нижнем Египте. На плотках спускается множество людей к городу Бубастис, где готовится большая жертва. Женщины гремят трещетками, мужчины играют на флейтах; вся толпа танцует, поет и бьет в ладоши. Подъезжая к какому-нибудь селению, музыканты и плясуны стараются рассмешить местных жителей своими шутками и выходками. В Бубастисе набирается до 700,000 человек; и выпивают тут виноградного вина больше, чем за весь год, прибавляет Геродот.

Еще очень поразил Геродота ночной праздник «возжигания лампад», справляемый во время большой жертвы, которую приносят в городе Саисе. По всему Египту зажигают под открытым небом множество огней; всю ночь горят лампы, наполненные маслом с примесью соли.

Возвратившись к себе домой с праздника, жители дальней области рассказывали о боге, к которому ходили в гости, все, что видели и слышали на торжестве. Таким образом, бог становился известен по всему Египту: везде о нем умели рассказать сказание (по-гречески *миф*).

Сказание об Озирисе. Бог Озирис особенно почитался в Нижнем Египте, но его знали и чтили также по всей стране египетской. Вот миф, который о нем рассказывали.

Когда-то Озирис царствовал над всем Египтом; все были счастливы при нем и любили его. Но у Озириса был злой брат Сет, который решил его погубить. Сет позвал Озириса на пиршество, стал ему показывать диковинки, между ними искусно сделанный ларь, подобный тем, в которых египтяне хоронили умерших. Точно для шутки предложил он Озирису лечь в ларь, захлопнул крышку и бросил в Нил. Долго искала Изида, верная жена Озириса, тело погибшего; наконец, она нашла гроб, прибитый

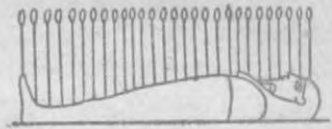
Сет, враг Озириса.

к берегу, оплакала мужа и похоронила его в тайном месте. Изида поспешила затем к своему маленькому сыну Хору, которого надо

было скрыть от злого Сета; мать с ребенком долго прятались среди непроходимых болот Нижнего Египта. Между тем Сет, на охоте за кабаном, наткнулся в тростниках на тело похороненного Озириса, яростно бросился на него, рассек на 14 частей и раскидал по всему Египту. Опять Изида стала искать останки Озириса, и где находила часть убитого, там хоронила и ставила могильный памятник. Поэтому в Египте показывали несколько могил Озириса в разных местах.

Но вот Хор подрос и решил отомстить убийце за смерть отца. Поднялась страшная война между Хором и Сетом. Злой бог вырвал у Хора глаз, но мудрый Тот-целитель залечил боль и разнял воюющих. Боги собрались в большой зал в Гелиополе судить великий спор. Они признали правду за молодым Хором и возвратили ему власть и престол отца. Изида пыталась оживить Озириса: своими широкими крыльями она обвевала его, пока он не пробудился, протянул руку, поднял голову. Но Озирис уже не может воцариться над живыми; он правит в далеком западном крае, куда вместе с солнцем улетают души умерших.

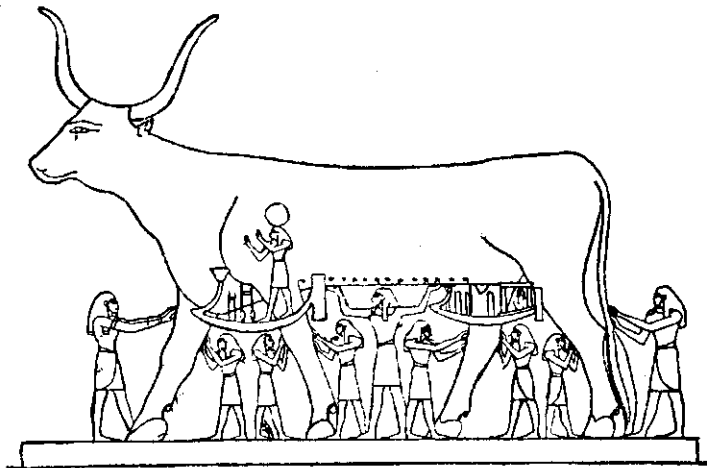
Из тела мертвого Озириса поднимаются травы и колосья.

По другому сказанию, Озирис царит в подземном мире и судит души умерших, которые выступают перед его престолом.

В рассказе об Озирисе египтяне передавали свои мысли о смерти человека и его загробном возрождении. При этом они также думали, что нечто похожее на смерть и возрождение происходит каждый год на земле. После расцвета наступает засуха, трава вянет, листья облетают с деревьев, нивы и сады покрываются песком пустыни, точно саваном. Это, говорили они, Озирис умер, сошел в преисподнюю. Но на другой год опять вырастут цветы и колосья, из омертвевшей земли родится опять живое. Египтяне рисовали мертвое тело Озириса, из которого поднимаются стебли растений.

Сказание о небесных богах. Землю представляли себе вообще великаном, на спине которого растет трава и деревья; небесный свод—гигантской женщиной, которая пальцами рук и ног касается земли. Выходило обратно с нашим словоупотреблением, потому что по-египетски «то» земля—мужеского рода, а «пет»-небо—женского рода. Небо представляли также в виде громадной коровы, которая утвердилась четырьмя ногами на поверхности земли. Египтяне часто говорили: небо покоится на четырех великих опорах; на севере, востоке, юге и западе поднимаются четыре горы.

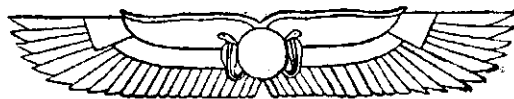
А то, казалось, небо—громадное, сверкающее голубым блестящем море; по волнам его на лодках и кораблях плывут звезды и светила. На великолесной барке под золотым балдахином едет по небесному океану солнце; днем этот великий бог, господни небес, правит вселенной. Его имена: Ре, Хор, Атум. Солнечный круг под-

Небесный свод в виде коровы. Под звездами посредине с поднятыми руками— бог воздуха. Лодка солнечного бога изображена два раза: направо—солнце недавно народившееся, вскоре после восхода, налево—солнце в полдень во всей своей силе.

нимается над головой бога в виде высокого убора; блестящий шар обвивает змея, страшная спутница бога, пыщащая огнем на врагов его.

Светлого бога подстерегают на пути страшные чудовища. Особенно грозен дракон Апофис, скрытый в темной туче. Но солнце отражает все опасности и к концу дня благополучно достигает западной горы; за этим пределом светлый бог, покинув утренний корабль,

Изображение солнца в виде круга, крыленного, обвитого двумя змеями и украшенного рогами.

садится на корабль вечерний и продолжает свой путь уже в подземном мире. Тут солнце светит великому богу Озирису, вечному властителю. Мертвые поднимаются из своих пещер,

их очи раскрываются, и они приветствуют радостно солнце. Они воздевают руки, славят его и говорят ему все свои желания. Он слышит молитвы тех, кто лежит в гробах, он исцеляет их муки, прогоняет все страдания; опять они начинают дышать, как живые. Жители подземного мира помогают даже везти корабль бога: в пре-

исподнюю ведь не проникает свежий ветер, который дует на поверхности земли; и вот мертвые хватают веревку, привязанную к носу корабля, и тащут его, совсем, как бурлаки на Ниле.

А подземный мир и устроен так же, как надземный; посредине течет великая река. И видимый, и подземный Нил оба выходят из одного источника; у нильских порогов около Элефантипы, где река бьет каскадами, берет начало и невидимый Нил преисподней.

С кем только ни сравнивали солнце! Оно похоже на могучую птицу, сокола или коршуна, парящего высоко в небесах. В Верхнем Египте рисовали солнечный диск, обвитый двумя змеями с двумя широкими крылами по бокам. Похоже солнце на жука, который зацепляет свое яйцо в павозный шарик и катит перед собою. Сходство тут находили вот в чем: как новый жук родится из шарика, который слеплен старым жуком, так и солнце каждый день вновь родится из блестящего шара, который бог катит по небу. Вот почему среди маленьких поделок в Египте встречается множество изображений жука из красивых цветных камней. Эти жуки (по-гречески *скарабеи*)—амулеты, т.-е. предохранительные средства против болезней: жук означает солнце и обеспечивает человеку жизнь.

Есть, наконец, о солнце и такое сказанье: властитель небес состарился и утомился долгим правлением; он решил тогда уйти на покой, взобрался на спину великой небесной коровы и оставил заботу о людях другим богам.

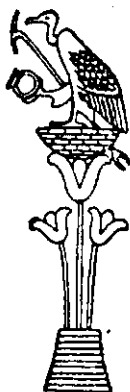
Объединение Египта. Трудолюбивые египетские земледельцы и ремесленники долго применяли каменные орудия и достигли большого искусства в выделке камня. Когда началось добывание меди и появилась бронза, с египтянами случилось то же, что со многими племенами Европы: их одолели пришлые воители, завладевшие новым металлическим оружием.

Завоеватели пришли с двух сторон: 1) с запада—из Ливии (нынешняя Барка), покорившие Дельту, 2) с юго-востока из стран, лежащих у Аравийского залива, другие воители, которые покорили Верхний Египет. Завоеватели потребовали у землепашцев, садоводов и ремесленников *дани*, т.-е. доставки хлеба, овощей, плодов, птицы и рыбы, полотна и шерсти; они заставили также туземных жителей работать на себя, строить им дома, возводить укрепления; ученые жрецы должны были служить им своим искусством и знаниями.

Так в Египте составились два царства, северное—в Нижнем Египте и южное—в Верхнем Египте. Властитель Нижнего Египта имел столицу в городе *Буто* недалеко от моря. У него была красная корона в виде шапки с рогом назад и султаном спереди; его охраняла

богиня в виде змеи. Царь Верхнего Египта жил в городе *Нехемт*, где считалась покровительницей богиня в образе коршуна. Его коропой был высокий белый плем.

Южные цари старались покорить север, и это им удалось.

Богиня-змея на лотосах и богиня-коршун на лилиях, первая — покровительница северного царства, вторая — южного.

В их пользу было течение Нила: легче спускаться по реке плоты и барки, наполненные вонцами, чем подниматься с войском против течения. По преданию пми завоевателя, покорившего северный край. — Менес. Он соединил под своей властью весь Египет и столицей выбрал *Мемфис* на границе двух стран, у выхода Нила в Дельту. Но о Менесе потом ничего точного не знали. Могилу его забыли. Сказание передавало, что Менес погиб, проглоченный гиенопотамом.

Преемники Менеса правили над всем Египтом и назывались «царями обеих стран». В своем головном уборе царь всего Египта соединил короны обеих стран, красную и белую. Царь не жил в самом

Мемфисе. Он строил себе дворец недалеко от столицы и выводил вблизи Нила большую усадьбу со службами. Тут помещались его придворные, его гвардия, многочисленные слуги. Против дворца на берегу Нила устраивали пристань; сюда подвозили все припасы, необходимые для царского двора; отсюда царь выезжал со свитой на лодках и кораблях вверх или вниз по Нилу: на охоту, для сбора дани, для того, чтобы вместе с большой процессией провезти изображение бога. От реки ко дворцу вела гладкая, выложенная плитам дорога; лошадей в то время не знали совсем в Египте; тяжести тащили люди на санях.

От дворца такая же широкая гладкая дорога вела в сторону, противоположную Нилу, к пустыне. Здесь на краю плоских гор, которыми обрывается Ливийская возвышенность к долине Нила, на одном из выступов царь устраивал сам себе заранее огромную гробницу, пирамиду

Белая корона южного царства, красная корона северного царства и двойная корона всего Египта.

Все пирамиды, выстроенные старинными царями Египта, стоя на *левой* стороне реки, в стране заходящего солнца, которая считалась страной смерти. Их всего около семидесяти. Они протянулись цепью на юг от Мемфиса до оаза Фаюма; все они расположены над долиной, на высоте, где их не может достать наводнение Нила.

Строители пирамид. Самые большие пирамиды находятся вблизи нынешнего Каира и развалин древнего Мемфиса на поле *Джизехском*. Они выстроены тремя царями, которых Геродот называет Хеопс, Хефрен и Микерин (по-египетски Хуфу, Хафра, Менкаура). По его словам, над самой высокой пирамидой, Хеопса (вышиной около 70 сажень), работали 30 лет. Приходилось ломать камень на другой стороне Нила в горах Аравийской цепи, перевозить на плотах через реку и доставлять на выступ Ливийской возвышенности. Так как ни выючных, ни упряжных животных не применяли в этой работе, и люди должны были тащить все тяжести на полозьях, то сначала построили широкую дорогу из гладких тесаных камней от реки к холму, где должна была выситься пирамида. Над постройкой дороги, подвозом материала и устройством подземных комнат работали 100,000 человек в течение 10 лет по 3 месяца в году (остальные месяцы были заняты наводнением и полевыми работами, которые отвлекали от постройки плотников, каменщиков и носильщиков).

Следующие затем 20 лет ушли на возведение самой пирамиды. Ее строили уступами, точно колоссальную лестницу. Машинами поднимали громадные камни в 30 футов вышины с одного уступа на другой, потом заравнивали гладко обтесанными плитами углы между уступами и делали ровные бока у пирамиды. Геродот говорит, что за эту адскую работу народ возненавидел Хеопса также, как его брата Хефрена, который воздвиг пирамиду немного только меньше первой. Оба они были беспощадны и нечестивы: в течение долгих лет их царствования храмы были закрыты, и народ не мог собираться на богослужение.

Строители пирамид жили более чем на 2000 лет раньше Геродота. Обычай строить большие гробницы потом совсем вывелся в Египте, и во времена Геродота никто не мог ему объяснить, зачем нужно было воздвигать умершему такой огромный вечный дом; в глазах позднейших египтян те цари, которые заставляли народ нести ненужную и тяжелую работу постройки пирамид, были жестокие тираны.

Посмотрим несколько ближе на постройку и постараемся понять, в чем состоял старинный обычай погребения.

Устройство старинных гробниц. Вблизи каждой из больших пирамид есть несколько малых; здесь похоронены родственники

царей. Еще подальше расположены каменные могилы, выстроенные проще: четырехугольные, с подземным склепом, но без остроконечной пирамиды сверху; это—гробницы придворных царя, которые добивались чести быть похороненными около него. Такие могилы (по-арабски *мастаба*, т.-е. скамьи) есть около всех больших пирамид: царская гробница выслалась среди обширного кладбища, занятого слугами, сановниками, приближенными царя.

Мастаба похожа на европейский дольмен: над могилой возведено из несокрушимо крепкого материала вечное жилище. Пирамида похожа и на дольмен, и на европейский курган: как там для вождя старались насыпать высокий холм, так здесь для царя складывали каменную гору. Сама усыпальница царя составляет очень небольшую комнату в середине пирамиды, близко к земле; к этой комнате ведет узкий длинный ход, несколько раз перегородженный тяжелыми каменными плитами. Остальное все в пирамиде—сплошной камень. По вычислению одного археолога, в большой пирамиде Хеопса 2,300,000 крупных тесаных камней.

Так же, как во всех делах, и в работе над могилами египтяне показывали необыкновенное умение все точно измерить, вычислить, а потом искусно выполнить. Пирамида—не беспорядочно сложенная груда камней. В ее основании квадрат, т.-е. правильный четырехугольник. Стороны его без малейшей ошибки выложены по 4 странам света; вход прямо глядит на север. Все четыре стены, сходящиеся наверху в одну вершину, наклонены совершенно правильно под одинаковым углом. По всему видно, что работой руководили очень дельные математики.

Могильные склепы пирамид стоят теперь совсем пустые. Много раз через узкие ходы внутрь проникали грабители, которые воображали, что найдут в каменной горе несметные сокровища. И обманувшиеся воры, и другие разрушители уничтожили, выломали и унесли все, что тут было: *мумию* (т.-е. бальзамированное тело умершего), каменную крышку гроба, великолепные плиты с рисунками и надписями. Только в пирамиде Микерина удалось одному английскому археологу найти остатки царской мумии, которые и были привезены в Британский Музей; каменный *саркофаг* (наружный гроб) тоже увезли, но корабль потёрпел крушение у берегов Испании, и драгоценная находка утонула.

В иных мастабах внутренность лучше сохранилась, чем в пирамидах. Вот что мы знаем об устройстве могил. Дом, выстроенный над склепом, не имеет входов. В деревянном или каменном раскрашенном ящике лежит мумия: из тела вынута внутренность, оно залито

асфальтом и обернуто тканями, на лице полотняная, покрытая известью и расписанная маска. К умершему нельзя проникнуть внутрь, но, по мнению египтян, он сам невидимо может выходить; на стенке гроба у головы нарисованы большие глаза, которыми он будто бы глядит наружу.

Родственники умершего должны были ему устроить продолжение прежней жизни. Для начала ставили немного пищи в могилу; а главное, помещали в склеп целое хозяйство в виде игрушечных вещей и кукол: тут был домик со службами, сделанный из глины; амбар с рабочими, которые тащат мешки; работница, которая растирает зерно, и другая, которая печет хлеб. У деревянных и фаянсовых кукол часто отбиты ноги; это для того, чтобы рабочие не могли убежать от господина.

В поминальные дни родственники приходят к могиле, приносят цветы и припасы всякого рода, курят перед нею благоухания, поручают жрецу читать молитвы. Для поминальных даров устроена с восточной стороны могилы ниша, отделенная от склепа глухой дверью. Если могила велика, это углубление расширяют в целую приемную комнату. Или над могильным склепом устраивают зал, подпирая колоннами широкий потолок; в этом зале родственники собираются на пиршество в память умершего. В царской пирамиде нет такой пристройки. Для поминанья царя жрецы, родственники и приближенные собираются в особом храме, выстроенном близ пирамиды.

Самая удивительная вещь в старо-египетской могиле, это—большая в рост человека каменная статуя, *портрет* умершего. Статуя—точно двойник погребенного; ее ставят часто в коридоре, обращенном к приемной комнате, совсем близко к приходящим; в стене делают щель, чтобы двойник мог слышать запах курения и присутствовать при пиршестве родственников.

Мумия Озириса, около которой хлопочет Анупис, провожающий умерших на тот свет.

На внутренних стенах могильного склепа и залы собрания нарисовано множество ярких картин жизни.

Картины жизни в большом поместье. Очень интересно расписана могилка царского архитектора Ти, около большой пирамиды в *Саккаре* (эта пирамида поднимается шестью уступами—в отличие от других, имеющих гладкие заровненные бока).

Стены большого зала и могильного склепа покрыты *фресками* (цветными картинами), изображающими жизнь и богатства Ти. Он, видно, был взыскан царской милостью, получил в дар большие имения с рабочими людьми. Картины представляют все, что делается в усадьбе, в садах, на полях и в мастерских богатого владельца. Вот—охота в Нильских тростниках на водяную птицу и на гиппопотамов; плывущая по Нилу парусная лодка; быки, переходящие брод; бараны, которых гонят в поле втоптывать посеянное зерно; карлики (шуты),

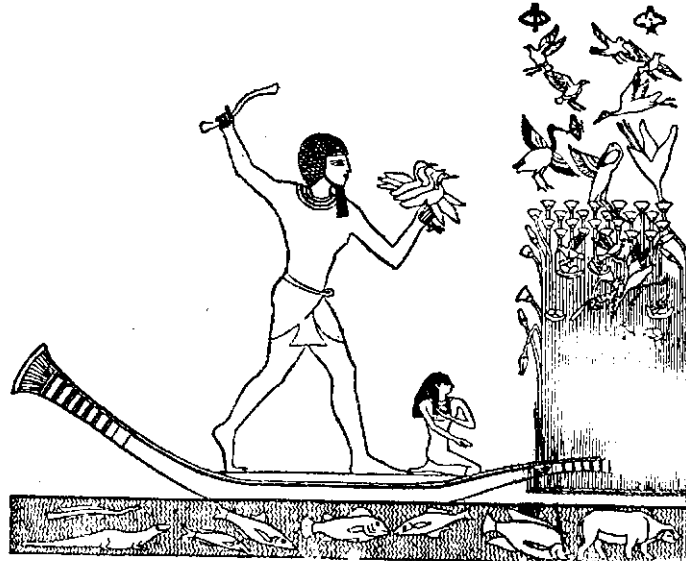

Картинка из гробницы Ти: направо—писцы, записывающие приход и принятые товары, налево—слуги владельца, которые привели крестьянских старост.

ведущие охотничьих собак и обезьян; кормежка гусей и журавлей, которых готовят па убой; работа плотников, строящих барку; крестьянки, которые на головах несут тяжелые корзины с провизией, и т. д. На многих картинах сбоку изображен сам хозяин, иногда с женой; фигура его втрое больше всех остальных; он смотрит на то, что делают его подчиненные. У него много слуг. Одна картина изображает следующее: сторожа привели па господский двор крестьянских старост; в комнате сидят несколько писцов, которые записывают, положив бумагу на копытки, счет доставленных припасов; тут же шкапчики со старыми счетами, чернильницы с перьями; сторожа держат паготове палки—в случае неисправности старосты тотчас получают наказание ударами.

Фараон и его двор. Недаром царская пирамида так возвышается над гробницами остальных людей. Царь считался существом, близким к богам. В синайских рудниках, куда египтяне ездили за медью

и за бирюзой, нашли недавно камень, на котором вырезан титул царя Менеса: «великий бог». О придворных, ухаживающих за царем,

Охота на водяную птицу в нильских тростниках; охотник вооружен бумерангом. В воде внизу рыбы, крокодил, гиппопотам.

говорили: «они ежедневно славят бога». При нем, как при нынешнем султани мусульманском, есть великий визирь; царь не входит в дела, за всем наблюдает этот высший сановник, который зовется: «тайный советник неба, зрящий тайну небесную». Высокую особу царя нельзя называть по имени; это будет непочтительно. О нем говорят: «так решил Высокий дом», вроде того, как в наше время выражаются в Константинополе о султани: «Высокая Османская порта (т.-е. ворота)». Высокий дом по-египетски *пар-хо*. В Библии это слово звучит *фараон*. Большею частью мы так и называем теперь египетского царя.

Первосвященник бога Пта в Мемфисе постоянно пребывает при фараоне. Этой духовной особе поручены самые важные дела: составить план для великой царской гробницы, распорядиться заготовлением крепкого гранита и песчаника, наблюдать за постройкой пирамиды и украшением ее внутренних покоев: после

Старинное изображение фараона.

смерти фараона верховный жрец бога Пта будет в храме у гробницы читать заупокойные молитвы.

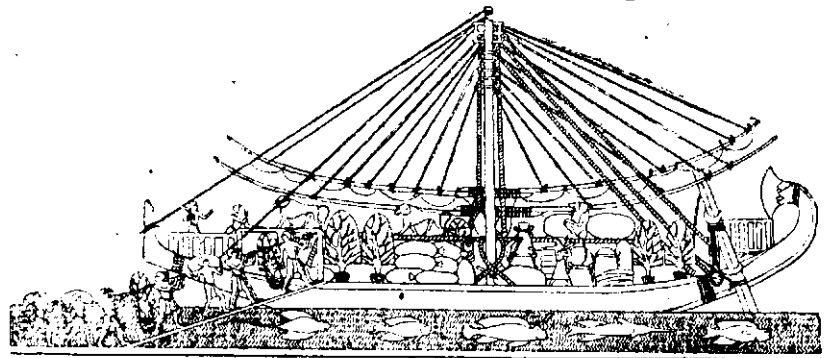
У царя большая казна и множество подчиненных. Каждые два года рассылаются по всей стране *царские писцы*. Они описывают имущество крестьян, ремесленников, купцов и владельцев земли, т.-е. считают все, что есть у каждой семьи, сколько золота имеется в украшениях, сколько хлеба кто получает со своих полей, сколько числится скота в хлевах, сколько кто выручает со своей торговли. Сосчитав имущество, писцы определяют, сколько кто должен уплатить в царскую казну, по своему достатку, золотом, серебром или товарами.

Часть этих предметов доставляют к царскому двору. Остальное привозят в большие склады, которые находятся в каждой области: есть склады хлеба, склады оружия, склады шерсти. Фараон выдает—из них награды и прокормление своим слугам. Главное дело на службе—уметь писать и считать. Самые знающие люди в науке—жрецы; у них при храмах и учатся все, кто хочет служить у фараона. При дворе фараон, кроме гвардии для себя, набирает еще толпу молодых сверстников для детей своих. Потом, когда товарищи царских сыновей подрастут, их назначают заведовать складами, исполнять разные царские поручения: они делаются судьями; сборщиками дани. Кому большая удача в службе, тот становится наместником области, или царь приближает угодное ему лицо к своей особе и зачисляет в придворные. В виде особой милости позволено потом любимцу царя вывести могилу вблизи царской пирамиды.

Конец мемфийских фараонов и начало фиванских. После Хеопса и Хефреда было еще несколько могущественных фараонов. Но спустя некоторое время наместники дальних областей перестали слушаться царя мемфийского: то не приведут солдат по его требованию, то не пришлют золота в его казну и припасов ко двору. Фараон обеднел, и служба у него перестала быть такой выгодной, как прежде. Вдобавок он и не мог нагнать на непослушных, чтобы заставить их слушаться: нечем было платить солдатам.

Кончилось тем, что наместники областей стали распоряжаться у себя, как хотели, не справляясь с волей фараона. Он только по имени остался государем всего Египта; на деле во всяком городе был свой маленький государь, подобно удельным князьям на Руси. Каждый имел свой дворец, свою пристань на Ниле и выводил свою большую гробницу на ближайшем выступе западных гор; к Мемфису и пирамидам никто уже не тянулся. Обедневшие фараоны и сами перестали строить большие пирамиды.

Самым независимым из князей был правитель города *Фив* в Верхнем, или южном Египте. Фивы лежат в области Божьего скиптра, четвертой по счету, начиная от порогов; покровителем этого города был бог Амон. Немного выше Фив от Нила на восток отходит к морю глубокая впадина, похожая на старое русло реки. Эта долина—очень удобный путь для караванов, идущих от Нила к Аравийскому заливу. Жители Фив, пользуясь этой дорогой, подходили к *Белой гавани*, занятой теперь городом Косейр. Отсюда у них открывались две поездки: на север, к *Синайскому* полуострову, где были горы, богатые медью и бирюзой, и на юг, в страну *Пунт*, откуда привозили

Нагружение египетского корабля, отходящего из страны Пунт. На палубе уже положены упакованные товары, стоят корзины с тропическими растениями и усажены обезьяны; налево носильщики продолжают грузить корабль. В воде диковинные рыбы.

карликов, диковинных обезьян, попугаев и слоновьи клыки. Страна Пунт лежала близ южной части Аравийского залива; это—может быть, нынешняя Счастливая Аравия, может быть, противоположный ей берег Абиссинии и Сомали.

Фиванские князья богатели от этой заморской торговли. Они ходили еще за нильские пороги в *Эфиопию*, или *Нубию*; их привлекали здесь золотые россыпи, которые расположены среди пустыни, окаймленной большой пелючиной Нила. Сильные темнокожие дикари Нубии не могли сопротивляться искусным, хорошо вооруженным египтянам; фиванский князь заставлял их поступать к себе на службу и увозил отряды нубийцев в Египет.

Обладая большим войском и хорошей казною, фиванские князья двинулись вниз по Нилу и покорили одно за другим египетские княжества. Опять во второй раз объединили они весь Египет; и опять, сделавшись фараонами, они стали жить близ Дельты.

Могущество фиванских фараонов. Самый воинственный из фиванских фараонов был Сесострис III. Он совершил несколько походов в Нубию, далеко за пороги Нила, и в Азию, через Суэцкий перешеек. Здесь у египтян с давних пор была построена длинная стена поперек перешейка между Средиземным морем и Аравийским заливом, недалеко от нынешнего Суэцкого канала, разделяющего Африку и Азию. Стена эта служила для защиты от кочевников, *бедуинов*, как они сейчас зовутся. Азиатские кочевники прорывались однако через великую стену. Сесострис решил пройти далеко вглубь азиатских степей, чтобы сломить окончательно беспокойных соседей. В своих походах он покорил Ханаан, страну, где впоследствии утвердился народ израильский.

В Библии страна Ханаан описывается как богатый цветущий край, текущий медом и молоком; лазутчики, посланные туда Моисеем, принесли показать виноградную кисть, которую пришлось тащить двоим, так она была тяжела. Такими же словами изображает страну Ханаан египтянин Синухэ, живший в ней незадолго до Сесостриса: «там были смоквы и виноград, и больше вина, чем воды. Богат был мед этой страны и много масла, всякого рода плоды на деревьях... у меня было вареное мясо и жареные гуси, а также дичь из пустыни, которую ловили для меня в западных, кроме той, которую загоняли мои охотничьи собаки».

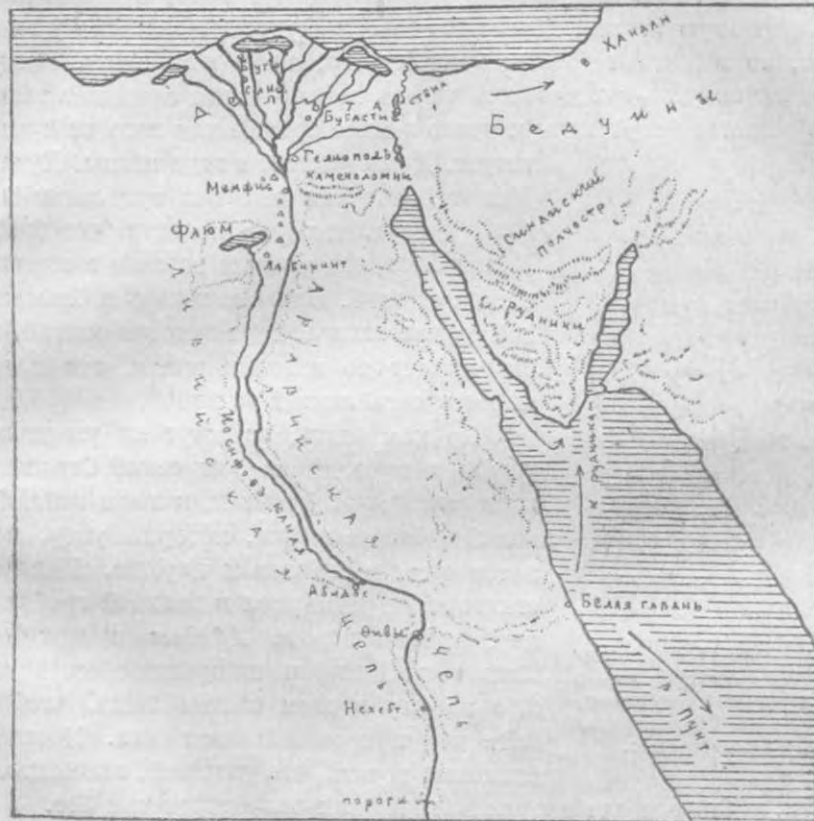
О великих походах Сесостриса осталась память надолго; она перешла в народные сказки. Полторы тысячи лет спустя Геродот рассказывает об этом фараоне чудеса: будто Сесострис доходил со своими войсками до краев населенного света; будто он был и в нынешней России у берегов Черного моря, покорил скифов и поселил своих египтян у золотоносной реки Фазис на Кавказе.

Сын Сесостриса Аменемхет III построил большие сооружения в оазе Фаюме. Это низкое место, вроде Дельты, затоплялось при наводнении рукавом Нила, Бар-Юсуфом. Аменемхет велел загородить плотинами ущелье, которое было пробито среди скалистых высот потоком и составляло вход в оаз; болота, заполнявшие низину, осушили; воду стали отводить в бассейны и равномерно распределять по полям оазиса. Благодаря этому Фаюм сделался самой богатой и хлебородной областью Египта. У входа в оаз, на обрыве, Аменемхет вывел свою пирамиду; она гораздо меньше старинных и построена из кирпича. К ней примыкало громадное строение храма для всех египетских богов, которое греки называли *Лабиринтом*.

От этого здания, длиною больше полуверсты, остались жалкие следы, потому что после, во времена владычества римлян, растаскали

все плиты и колонны Лабиринта на другие постройки, фундамент обратили в каменоломни, а докончили дело разрушения пески пустыни, которые, занесли развалины.

Лабиринт описал нам греческий географ Страбон, живший около времени Рождества Христова. По его словам, во всю длину

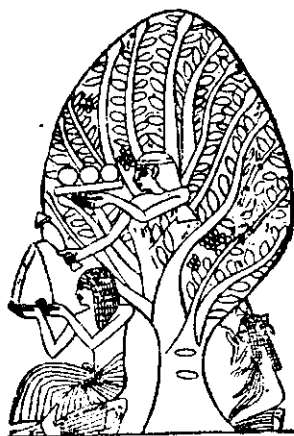

Египет во времена фиванских фараонов,

здания тянулась одна стена, к которой примыкали *портики*, т.е. четырехугольные дворы, окруженные колоннами. Портиков было столько, сколько областей в Египте, и все они составляли непрерывную анфиладу. Каждая область имела свой портик и ставила в нем изображение своего бога-покровителя; в праздник собирались сюда старейшины областей и молились каждый в своей молельне. Но прежде чем добраться до этих святилищ, надо было пройти через крытую галерею, которая состояла из множества колонн и ходов между ними.

Вот эта галлерея и вызывала больше всего удивление греков: ходы в ней были так перепутаны, что без проводника иностранец не мог ни войти, ни выйти из колоннады. Именем «лабиринт» и стали называть потом заколдованный дворец, где можно заблудиться.

Новая вера египтян. Фиванские фараоны уже не строили больших пирамид, как мемфийские. Египтяне стали иначе представлять себе загробную жизнь. Хотя они попрежнему сохраняли тело в виде мумии, но перестали носить к могиле еду, питье и припасы. Когда наступает смерть—так казалось теперь людям—душа покидает тело, и оно остается бездыханным; ничто земное больше для него не суще-

Благодетельная богиня, живущая на сикоморе в оазе среди западной пустыни, кормит и поит блуждающие души человеческие.

ствует. Душа улетает в виде птицы. Куда? Может быть, она еще вот тут сидит на ветке дерева, которое посадил умерший. Может быть, она улетела на небо и глядит оттуда звездой. Или она теперь в блаженной стране запада, куда заходит солнце, и странствует по золотым пивам, где хлеб вырос в семь локтей вышиной.

Но как звать, не ждут ли умерших ужасы и мучения на том свете? Страшно становится от этой мысли, и люди вспоминают о боге Озирисе, который умер, по потом ожил в подземном царстве. Многие египтяне устремляются к великой гробнице Озириса в городе *Абидосе* (в Верхнем Египте на Ниле) и стараются обеспечить себе могилу в этом святом месте, чтобы быть под покровительством бога. Многие начинают верить, что умерший, с помощью Озириса, оживнет после смерти так же, как возродился сам бог.

По этой новой вере, Озирис считался не только заступником, но и судьей загробного мира. Только тот найдет пощаду перед ним, кто был благочестив и не много грешил. Поэтому в могилу, как бы в напутствие умершему, клали особую *книгу мертвых*, где было подробно записано, что должен он отвечать на суде Озириса.

Египтяне часто рисовали картину этого суда. Озирис сидит под балдахином в большом зале, украшенном огненными языками и большими перьями (перо—знак правды). Наверху (т.-е., это значит в зале позади Озириса) сидят 42 судьи—по одному от каждой из 42 областей Египта. Внизу (т.-е. в зале спереди) стоят большие весы, на которых взвешивают сердце умершего; у праведного оно должно

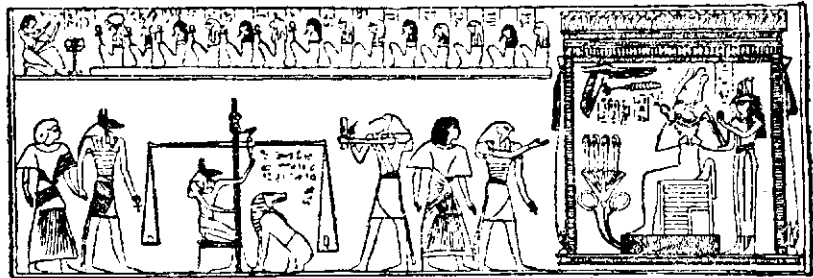
оказаться легче пера (правды), которое положено на другую чашку весов. Умершего вводит в зал бог Анубис, с головою шакала; «писец богов» Тот, с головою ибиса, записывает то, что показали весы; Хор, с головою сокола, сообщает Озирису. У весов чудовище, которое глотает неправедных: оно—полу-лев, полу-бегемот с головою крокодила. Вот что должен говорить умерший, если он вел жизнь праведную: «Я не обманывал никого, я не пребывал в праздности, я не отнимал раба у господина его, не мучил вдов, не грабил могил, не охотился на священных животных, я чист, я давал хлеб и воду нищему, я перевозил в своей лодке бедного, я приносил жертвы богам и молился об умерших». Из этих ответов видно, какие заповеди у египтян считались особенно важными.

Душа в виде птицы.

Рисунки и письмо египтян. Многие из египетских памятников покрыты рисунками. Картины или вырезаны на плитах, при чем очертание фигур проведены острым резцом; или написаны живыми яркими красками.

В египетских картинах *нет перспективы*: т.е. египтяне изображают дальние предметы в такую же величину, как ближние; что находится назади, египтяне рисуют наверху, что спереди—внизу. Если надо представить несколько шеренг солдат одну за другой, то на картине выходит одна поверх другой. Фигуры людей все на-

Суд Озириса в подземном царстве. Слева Анубис вводит душу. У весов опять Анубис, рядом чудовище, проглатывающее неправедных. От весов направо Тот; рядом душа, которую Хор ведет пред лицо Озириса.

рисованы по одному для нас непривычному способу; лицо—в профиль, а глаз глядит прямо, видны оба плеча и обе ноги, одна нога другую не закрывает. Мы скажем; все это неверно, так рисовать нельзя;

а все-таки должны признать, что рисунки египтян очень живы, передают повадку людей, у кого важность, у кого быстрое движение.

К большим картинам на плитах и к рисункам, сделанным на папирусе, т.е. на гладкой бумаге из волокон тростника, всегда есть пояснительная надпись. Письмо состоит тоже из небольших рисунков: тут мелькают фигурки людей, шагающих и сидящих; животных, коровы, сокола, гуся, змея, пчелы; инструментов, трещотки, пилки, скипетра, чернильницы с пером и т. д. Это письмо так непохоже на азбуку греков и наши нынешние азбуки, что его долго считали за какую-то тайну (вроде нашего шифра). Европейские ученые прежде думали, что, ведь, не даром греки называют письмо египетское иероглифами, т.е. священными знаками: должно быть, при помощи этих

На рынке в египетском городе много вещей продают в обмен. Направо рыборотговню предлагают клетку с птицей. Налево женщина продает банки с помадой.

знаков жрецы скрывали свое учение от народа. Но иероглифы оказались обыкновенной азбукой. Каким образом научились их читать?

В числе вещей, открытых в Египте во время экспедиции Наполеона, была плита, найденная в городе Розетте (морской

порт у западного устья Нила). На Розеттском камне написано по-гречески и по-египетски прославление жрецами греческого царя Птолемея, правившего в Египте в поздние времена. Англичанин Юнг в 1819 г. заметил, что в египетском тексте несколько раз встречаются слова, обведенные кольцом; в греческом тексте столько же раз встречаются имена царя и царицы, Птолемея и Береники. Без сомнения, решил Юнг, в словах, обведенных кольцом (или *картушах*) заключены царские имена. Вот значит, как пишется Птолемей (по-греческому произношению Птолемаос)! Но буквы поставлены не в одну строку, и неизвестно, какой звук выражен каждым знаком! Юнг верно определил, что □ есть п, ∩ — т, но ошибся в чтении остальных знаков.

Скоро после него (в 1822 году) молодой французский ученый Шампольон верно определил буквы имени Птолемея. Шампольон стал сравнивать два картуша на одном обелиске: на первом стояло опять имя Птолемея, на втором имя Клеопатры. Очень важно было то, что в этих именах встречаются одинаковые звуки: п, т, л, з, е.

Картуш с именем Птолемея.

Картуш с именем Клеопатры.

Шамполльон и определил прежде всего следующие буквы: \square = 'п' \triangleleft (а также \curvearrowright) = т, ф = о, д = л, п = е, а два п = ай. Теперь ему стали ясны и другие буквы, которые в именах Птолемея и Клеопатры не совпадали: \triangle = к, — = м, п = с, — = р, п = а. На первом картуше след. было написано: Птолмеис, на втором — Клеопатра (под конец направо два знака, сопровождающие всегда имя царицы).

Шамполльон сделал гениальное открытие. Он узнал, правда, только 12 букв. Но, во-первых, он уверился, что в иероглифах нет никакой тайны, и что знаки в виде птицы, льва, пера и т. д. составляют обыкновенные буквы для обозначения звуков. Во-вторых, удачное начало помогло ему открыть всю остальную азбуку египтян: встречая в других надписях знакомые знаки, Шамполльон стал узнавать все новые и новые. За недолгую жизнь свою (Шамполльон умер в 1832 году, 41 года от роду) он успел прочесть множество текстов, выяснить все египетское письмо с его множеством знаков и составить грамматику египетского языка, до него совершенно никому не известного.

В египетской азбуке оказалось букв несравненно больше, чем в наших азбуках. Это потому, что египтяне употребляли буквы и для звуков, и для слогов, и для слов. У них были как бы *три азбуки*, смешанные вместе. Как это произошло?

Сначала египтяне рисовали все, что им нужно было выразить, вроде того, как бушмены изображают свое сражение с кафрами. Очень нетрудно изобразить разные видимые предметы: человека, льва, лопату, звезду. Но вот слова: «день», «молитва», «сила» нельзя нарисовать; их придется только напомнить рисунком: день—кружком, означающим солнце, молитву—изображением человека с поднятыми к небу руками и т. п. Египтяне рисовали «силу» в виде человека, размахивающего палкой п , «ходьбу» в виде двух шагающих

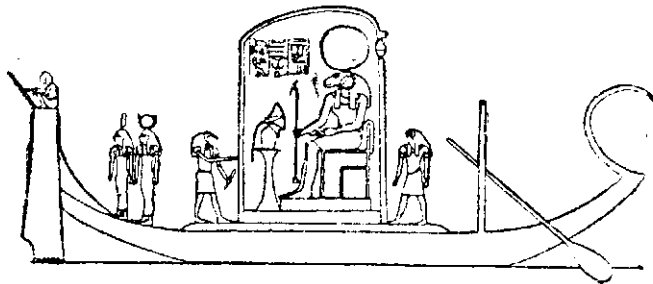
ног п . Сокол, посвященный богу Хору, п означал самого бога, а также царя, охраняемого богом. Плодородная земля изобража-

лась в виде полоски и точек под нею (кора земли и семена); бесплодная—в виде зубчатой стенки (каменистые сугры). Когда нарисован—дом , то это значит «выходить» (т.-е. выходить из дому).

Такой азбукой слов очень трудно пользоваться. Приходилось для каждого слова придумывать особый знак и запоминать столько знаков, сколько было слов. А потом, как написать напр.: день прошел, бог услышал молитву, львы скрылись в пустыне? У нас есть игра в ребусы, где рисунком мы обозначаем какой-нибудь слог, хотя бы он в этом месте имел совсем другой смысл. Напр., нарисован вол, а это—первый слог слова вол-на; нарисован нож, а это середина слова ум-нож-ить. Вот к этому способу письма и стали прибегать египтяне. Они рисовали «гуся» , а это значило «сын», потому

что оба слова звучат одинаково—сз; или рисовали «лютию» а значило «добрый», потому что то и другое слово по египетски одинаково звучит *нофре*. При этом *слоговом* способе письма, знаков придется применять гораздо меньше, чем прежде: ведь сколько в разных словах одинаковых слогов! Еще дальше, можно слог разделить на звуки и всегда писать один и тот же звук, где бы он ни встретился, одинаковой буквой. Египтяне добрались и до *звуковой* азбуки. Мы видели, что этим способом написаны имена Птолемей и Клеопатра.

Придумавши новую азбуку, египтяне не бросили старой. Напр., напишут имя чье-нибудь, а рядом нарисуют фигуру мужчины или женщины; напишут имя города, и рядом нарисуют что-то вроде плана городских стен. Иное слово напишут одним знаком, другое—столькими буквами, сколько в нем звуков.

Корабль Солица. У подножия трона направо Хор, налево Тот, как бы визирь, докладывающий царю-Солнцу.

3. Двуречье.

Во времена строителей пирамид существовали большие богатые города по течению рек Евфрата и Тигра.

Равнина Двуречья. Евфрат и Тигр начинаются в Армянских горах: верховья их недалеко друг от друга. Это два бурных потока, похожие на Синюю реку. Тигр (что значит «стрела») с самого начала течет прямо к Персидскому заливу. Евфрат, напротив, сначала отклоняется к западу, точно собрался впадать в Средиземное море. Но ему загораживают путь горы Сирии, и река после большого загиба поворачивает в ту же сторону, куда и Тигр. Страна, лежащая между заворотом Евфрата и Тигром, называлась *Месопотамией* (междуречьем); к ней прилегает с востока расположенная на левом берегу Тигра гористая *Ассирия*.

Разлучившись в начале, две большие реки вновь сближаются и около нынешнего Багдада расстояние между ними всего 30 верст. Летом воды их сливаются, и они кажутся одной большой рекой. Дальше Евфрат и Тигр опять расходятся, разделяются на рукава и опять перед впадением в море сливаются вместе (соединенная река называется Шат-эль-Араб). Весь край, начиная от Багдада, ровный и низкий, похож на Нильскую Дельту. Его имя в Библии—*Сенаар*; мы называем его также *Вавилонией*, по главному городу Вавилону, который тут был в старину.

В Сенааре, как в Египте, дожди редки. Евфрат катит свои волны по окраине голой Сирийской или Аравийской пустыни, откуда не получает ни единой капли воды. В равнине земля жива только наводнениями двух больших рек. Так же, как Нил, несут они летом воду снегов, стаявших в горах, а с нею вместе чернобурый нанос, который и оставляют на залитой равнине.

В старину черная земля Сенаара была таким же цветущим садом, как Египет. Теперь это—унылая солончаковая степь, прерываемая болотами; живут в ней только нищие кочевые бедуны в жалких

палашах из тростников. Отчего погибла эта цветущая страна, между тем как Египет уцелел? Посмотрим, что рассказывает Геродот о Вавилоне и окружающей стране.

Рассказы Геродота о Вавилоне. Геродот во время своего путешествия по обширным владениям великого персидского царя, посетил и город Вавилон на Евфрате. Царь приезжал сюда зимой совсем своим двором. Четыре месяца в году кормился он в богатом крае со своим родством, свитой и всем войском. Геродота все поражает в этой громадной столице Востока.

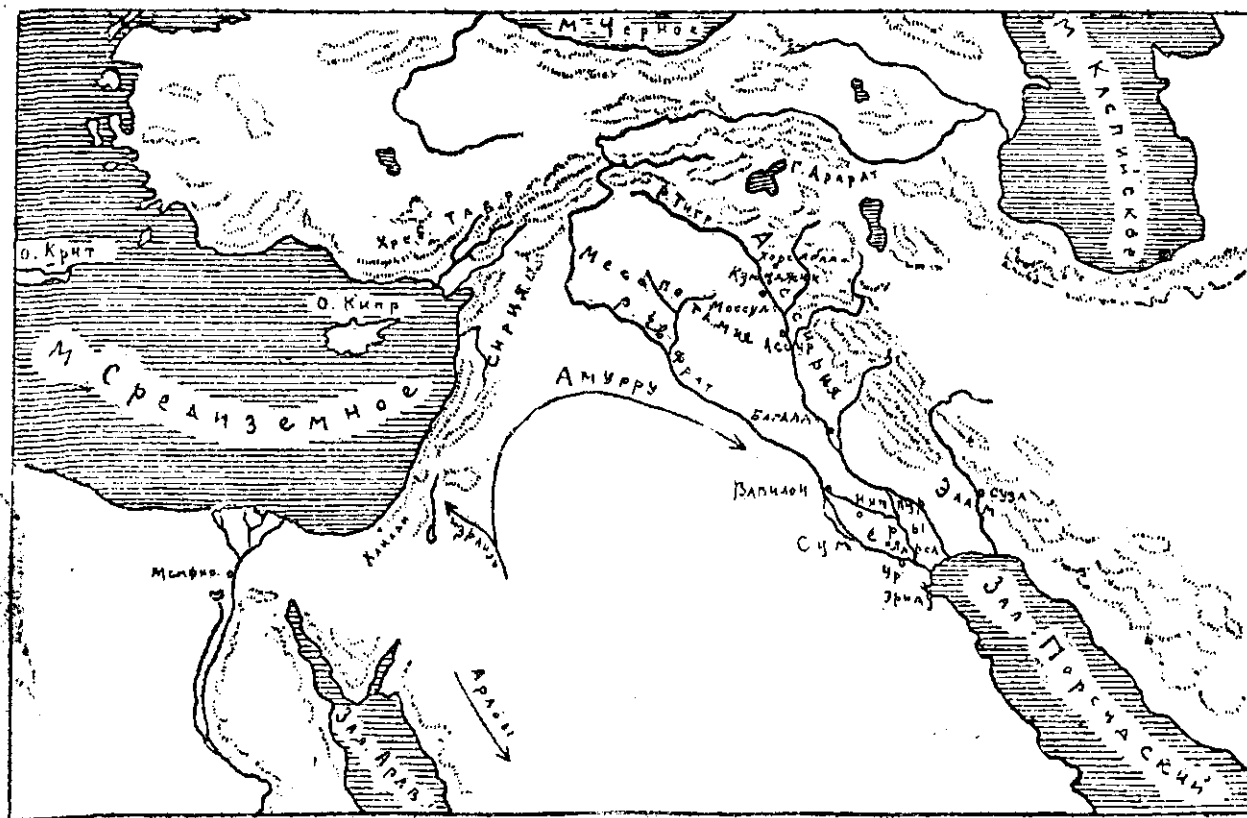
Город с окрестностями образует обширную крепость: четырехугольником обходит ее стена, длиною в 80 верст. Под стеной глубокий ров, наполненный водой. Сама стена шириной в 12, вышиной в 45 сажен; на ней подымается ряд башен. В стене до 100 ворот, все они обиты медью. Посредине города течет Евфрат глубоким, бурным и широким потоком; со стороны реки идет опять крепкая стена, загромождающая город; прямые улицы, выходящие к реке, запираются медными воротами.

С удивлением говорит Геродот о трех-и четырех-этажных домах Вавилона (в греческих городах жилые дома были одноэтажные). Подробно он описывает большое святилище бога Бела, загороженное крепкой стеной. Среди него высилась четырехугольная пирамида, состоявшая из восьми башен или уступов, один над другим. Снаружи, вдоль стен здание обходила лестница; на середине ее была площадка с скамейками для отдыха. В верхней башне стояла богато убранная кровать и перед нею золотой стол: сюда, по верованию вавилонян, ночью спускался бог.

Вообще Геродота поражает обилие золота в Вавилоне. Большая статуя Бела в нижней части храма сделана вся из золота; его трон, подножие и стол перед ним также золотые. Была в Вавилоне еще одна громадная статуя, вышиною более 2 сажен, из цельного золота. Но ее я не видел, говорит Геродот, и передаю только то, что рассказывали туземцы; хотел эту статую захватить царь Дарий, сын Гистаспа, но не посмел; Ксеркс, сын Дария, взял ее и умертвил жреца, который решился загородить ему дорогу.

Край, где лежит Вавилон, Геродот считает самым богатым во всей Азии. Нет страны, которая бы производила больше хлеба: пшеница тут дает урожай сам в 200, а в иные годы в 300; «а какой вышины достигает просо и сезам (из семян которого приготавливали масло) я не хочу и говорить,—прибавляет Геродот,—потому что мне не поверит тот, кто не был в вавилонской земле». Очень много также финиковых пальм, из плодов которых готовят разные кушанья,

Вопрос
Вопрос

Области старинного Двуречья. Залив Персидский входил гораздо глубже на север, чем в настоящее время. Стрелки показывают движение семитов-завоевателей.

вино и мед. Богатство вавилонян заметно во всей их повадке. Они надевают длинные платья, вниз полотняную рубашку до пят, на нее шерстяной кафтан, сверху еще белую накидку; на ногах красные туфли. Длинные волосы собраны в узел; все тело умащено маслом; у всякого есть перстень, который употребляется для приложения печати, и трость с резным набалдашником в виде яблока, розы, лилии, орла, точно его герб.

Разорение черной земли Вавилонской. Геродот видел равнину Двуречья после того, как ее покорили персы. Не раз он упоминает о том, что завоеватели забирали золото, где только могли. Он сохранил такой народный рассказ о жадности Дария. Над главными воротами Вавилона была помещена гробница царицы Нитокрисы с надписью: «пусть из моих преемников только тот возьмет золото, лежащее в моей могиле, кто будет истинно в нем нуждаться». Дарий при виде этих ворот всегда сердился: не хотелось ему проезжать под покойником, да и не решался он брать из могилы клад, хотя надпись так и манила его. Наконец он вскрыл гробницу, но ничего там не нашел, кроме костей; а еще прочитал к своей досаде: «если бы ты не был ненасытен и жаден до сокровищ, ты бы не стал тревожить умерших».

Но еще хорошо, если завоеватели, взявши добычу, оставляли город целым. Часто бывало гораздо хуже. Многие поселения были при завоевании разрушены и разорены до тла. Несколько раньше персов их единоплеменники, мидяне, разрушили громадный город *Ниневию*, столицу Ассирии. О том, как много народу было в Ниневии, можно судить по выражению Библии: «там 120,000 младенцев, не умеющих отличить правой руки от левой». Ко времени Геродота от этого города оставались только развалины.

Много приходило и после завоевателей, европейских и азиатских, разорять черноземный край и его богатые города. Когда сюда нахлынули арабы, воспламененные проповедью Мохамеда, Вавилон уже постигла участь Ниневии: много раз сожженный и разрушенный, он обратился в груды развалин; на его месте стоят теперь две жалкие деревушки. Арабские халифы выстроили себе новую столицу, *Багдад*, вблизи знаменитой старой. Дома, стены и мечети Багдада сложены из камня, который пришельцы ломали в разрушенных храмах и дворцах Вавилона.

Арабы—люди вольных степей, лихие наездники, не любили земледелия; по преданию, их пророк проклял плуг. Но арабы заставляли туземцев работать на земле и кормить степное войнство. После них пришли турки, более дикие и беспокойные; часто они в

иступлении срубали плодовые деревья, жгли дома, убивали мирных жителей. Как ни были трудолюбивы земледельцы и садоводы, они пришли в отчаяние от вечного грабежа. Обнищавши, они стали разбегаться, сами превратились в бродяг и кочевников.

Раскопки в Ассирии и Вавилонии. Лет сто тому назад европейцы начали проникать в этот заброшенный унылый край, который принадлежит Турции. Первыми были англичане, и пришли они с разными целями. Одни хотели устроить судоходство по Евфрату, чтобы подвозить к Средиземному морю товары из Индии. Другие подумывали восстановить каналы и плотины Двуречья, чтобы опять обратить край в цветущие поля и сады. Наконец, третьи хотели отрыть старинные разрушенные города, посмотреть, что же осталось от Вавилона, о котором так увлекательно рассказывал Геродот. Но на Востоке не так легко путешествовать и заниматься раскопками. Первое время мусульмане выказывали большую подозрительность к иностранцам. Англичанин Лейярд, желая хоть проездом посмотреть на холмы, скрывающие развалины Вавилона, должен был прибегнуть к такой уловке: он оделся в постыдный костюм и, выдавая себя за мусульманского кушча, познакомился с дикими бедуинами, которые кочевали в этих местах. Ревностным последователям Мохамеда не нравилось, что европейцы добывают из земли идольские фигуры. Когда в Ассирии выкопали в первый раз большого крылатого быка с человеческой головой, улема, т. е. мусульманский ученый священник, велел немедленно разбить этот нечестивый идол на мелкие кусочки.

Лейярд умел искусно ладить и с турецкими властями, и с северным народом; с своих поисках он не знал усталости; нередко, чтобы выиграть время, проводил за работой лунные ночи. В 1845 году он принялся за раскопки в стране, где была древняя Ассирия, вблизи нынешнего города *Моссула*. Несколько раньше около Моссула начал раскопки тамошний французский консул Ботта (консул должен охранять проживающих в чужом крае купцов своей нации). Моссул—большой новый город, выстроенный мусульманами на правом, западном берегу Тигра. Против него на левом, восточном берегу реки виднелось несколько *теллей* (телль по-арабски значит насыпь). Искатели были уверены, что откроют под этими холмами следы громадной Империи.

Однажды Лейярд приказал своим рабочим-мусульман в величайшем смятении. Они только-что откопали какую-то большую белую голову, но ужаснувшись ее вида, закидали камень тотчас корзинами и палками своими. Один из землекопов бросился в город на базар

и рассказывал всем и каждому, что из земли появился сам Немврод, великий ловец перед Господом. Прискакали кочевые арабы, испуганные чудом явления древнего великана. Долго Лейярд убеждал их шейха (старейшину), что во рву лежит каменное изделие; араб так и остался при своей вере, что это один из подлинных исполинов, какие жили в старину. Загудел весь город Моссул: жители требовали, чтобы турецкий губернатор запретил иностранцу откапывать чудовища.

Большой крылатый лев, открытый Лейярдом в Ассирии.

Ботта и Лейярд больше всего зашли в двух теллях: в *Куянджике* прямо напротив Моссула (на месте старинной Ниневии) и в *Хорсабаде*, — немного подалее в гористой местности (где оказались развалины больших дворцов, выстроенных царями Ассирии). В первый раз тут открыли множество диковинок старинного Двуречья: большие фигуры крылатых львов и быков с человеческими головами из белого алебаstra; каменные плиты с рельефными (выпуклыми) изображениями царской охоты, шествия придворных и воинов, львов, издыхающих под стрелами охотников, корабля, плывущего среди воли, и т. д.; наконец глиняные странички книг, исписанные *клинообразными* знаками (в виде гвоздиков или клинушков, вдавленных в глину).

Открытия в Ассирии были очень интересны, но это были не самые древние вещи края. Ниневия построена гораздо позже Вавилона. Ассирияне не сами изобрели искусство делать статуи, картины и писать книги; они взяли все это у более старинных и более искусных вавилонян. Ученым европейцам хотелось продолжать свои изыскание, найти следы древнего Вавилона и других городов знаменитой черной земли Сепара.

Но уж если трудно было работать в Моссуле, то еще хуже стало в болотистой стране за Багдадом. Приезжие погибали тут от лихорадок, от москитов и скорпионов. Иногда дикари-кочевники, замечая, что искатели уносят крупную вещь, собирались толпою, нападали

на караван, пускали в ход стрелы и копы. Когда Лейярд захотел раскопать тель знаменитого храма в Ниппуре, шейх бедуинов, кочевавших в этом краю, не дал ему устроить жилища вблизи телья, а заставил его поселиться в тростниковых шалашах среди своего племени; каждый день Лейярд и все его рабочие должны были тратить несколько часов на переправу через болото, отделявшее их от развалин Ниппура.

Притом, после богатых находок в Ассирии, то, что открывали в Вавилонии, было бедно и неинтересно. Сам Лейярд, неутомимый искатель, пришел в отчаяние: в тельях Сенаара его рабочие выкапывали только обломанные кирпичи, осколки стекла и окрашенной глины; каменных статуй, художественных вещей тут не могли найти. Это от того, что в южной равнине совсем не было крепкого камня, который имелся в гористой Ассирии. В Вавилонии строили дома из кирпича; это был не наш обожженный красный кирпич, а плиты серой глины, высушенные на воздухе; цементом служил асфальт, которого много у нефтяных источников Сирийской пустыни. Из глины делали также плоские крыши. Очень быстро можно построить такой дом, но так же быстро он и разрушался: крышу размывали дожди, стены трескались и рассыпались. От большого здания оставалась только куча мусора.

Постепенно ученые, французы, англичане, немцы и американцы, привыкли ко всем трудностям и научились искать старину в тельях Вавилонии. Вот что они узнали о древней жизни в этом крае

Города древних сумеров. Лет за 5000 до нашего времени, т.-е. за 3000 лет до Р. Х., города Вавилона еще не существовало. Персидский залив заходил гораздо глубже на север. Нынешнего Шат-эль-Араба не было; Евфрат и Тигр, не успевши слиться вместе, впадали в море отдельным устьем каждый. Приморская равнина была хорошо обработана. Вдоль речных рукавов и вдоль больших кавалов стояли загороженные плотинами города. Теперь от них остались едва заметные на глаз плоские насыпи.

Археологи нашли место, где стоял старинный *Ур*, который Библия называет родиной Авраама. Открыли тель города *Ларса* и города *Ниппура*. На берегу Персидского залива стоял город *Эриду*; из его гавани корабли отправлялись в далекое плавание или в Индию или кругом Аравийского полуострова к Синаю (теперь развалины Эриду лежат далеко от моря среди пустыни). Каждый город чтил особое божество: *Ур*—бога Луны, *Ларса*—бога Солнца, *Ниппур*—небесного бога Бел-Эллиля, *Эриду*—бога морей Эа

Море очень занимало воображение прибрежных жителей. У них было такое сказание.

В старину люди жили в невежестве и без всякого порядка, как звери. Но вот появилось среди них мудрое существо, именем Оан, вышедшее из волн морских. У него тело было рыбе, под рыбьей головой другая человеческая голова, из-под хвоста выступали человеческие ноги, и голос у него был, как у человека. Утром Оан выходил на землю, вступал в беседы с людьми, но ничего не принимал в пищу, а к ночи погружался в море. Оан научил людей языку, научил собирать семена и плоды, строить города и храмы, научил письму и искусствам.

Народ, живший тут в древнейшую пору, назывался *сумерами*. Они не похожи на позднейших вавилонян и ассирийцев, которые в свою очередь напоминают наружностью евреев и арабов. Сумеры брили волосы на лице и на голове; у них длинные острые носы и косые глаза, плотное приземистое тело. Одежда воинов—юбка из лохматой шерстяной материи; верхняя часть тела обнажена, через плечо переброшен плед.

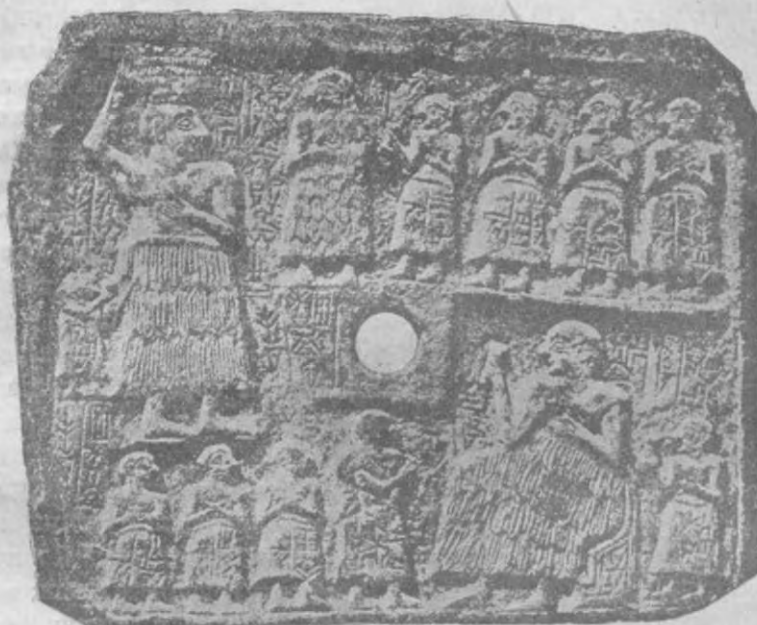
Оан, мудрый бог-рыба (позднейшее ассирийское изображение).

В каждом городе был свой князь, по сумерски *патеси*. По временам патеси Ура или Ларса побеждал соседей и становился царем всего черноземного приморского края. Тогда он отправлялся в Нишпур, чтобы получить одобрение бога, Бел-Эллиля. Святилище Бела было похоже на храм того же бога в Вавилоне, описанный Геродотом. Это—широкая много-этажная пирамида, выстроенная уступами; вдоль наружных стен шли подьемы и лестницы. Нижний этаж, самый широкий, был черного цвета; второй—оранжевый; третий—красный, четвертый позолоченный, пятый—светло-желтый, шестой—темно-синий и седьмой—посеребренный (впоследствии в Вавилоне такая башня называлась *зиккурат*).

Получив одобрение бога, царь делал богатый подарок храму и его жрецам; драгоценности складывали в сокровищнице храма. Царь помещал на видном месте надпись, где называл себя великим патеси бога Бел-Эллиля. Тут говорилось о подвигах царя и его воителей: «во главе богоспасаемого войска, обильного как трава, покорил он земли от восхода солнца и до заката; бог Эллиль открыл ему пути и разровнял дорогу от *Нижнего* моря Тигра и Евфрата (т.-е. от Персидского залива) до моря *Верхнего* (т.-е. Средиземного)».

Какою-же азбукой писали сумеры?

Клинообразное письмо. На Евфрате нет папируса, из которого готовили бумагу египтяне. У жителей Сенаара—другой материал для письма, тот самый, который служил им и для построек, т.-е. глина. Заготавливали тонкие глиняные доски, похожие на наши аспидные; по мягкой глине надавливали острой палочкой, а потом высушивали доску или обжигали на огне.

Сумерский патеси Уринуа и его приближенные. Патеси изображен дважды; налево он представлен несущим корзину с кирпичами для закладки храма. По всей дощечке рассеяны старинные клинообразные знаки.

Сумеры, как египтяне, сначала старались сделать к каждому предмету рисунок. Вот некоторые их старинные знаки: * значит звезда; ◇ (вместо кружка)—солнце; ☿ —тростник. Если надавливать или чертить по глине, такой рисунок будет трудно сохранить. На бумаге чернилами или карандашом можно дотянуть линию и закруглить черту; в вязкой глине сплошная черта не выйдет, а вместо нее получится несколько занятых или клиньев. Три вышеприведенных знака принимают такой вид: ✱ ◇ ☿. А еще позднее их начинают так писать, что прежний рисунок и совсем невозможно узнать: ✱ — это была звезда; ◇ — солнце; ☿ — тростник.

Сумеры аккуратно записывали приход и расход во всяком хозяйстве. При храмах и божьих поместьях этим занимались жрецы; на разграфленных дощечках записано, сколько поступило хлеба, масла, шерсти от крестьян, находившихся под покровительством бога; сколько выдано на прокормление рабочих, мужчин, женщин и детей; сколько отдано шерсти для выделки тканей.

Статуя, изображающая старинного сумерского патеси.

Жители пустыни. К равнине Двуречья подходит с запада большая *Сирийская*, или *Аравийская* пустыня. Сирийской она называется потому, что по другую ее сторону лежат плодородные долины *Сирии*. Аравийской пустыня называется потому, что она протянулась на юг во всю почти ширину Аравийского полуострова; на южной окраине ее лежит также цветущий край—*Иемен*, или *Счастливая Аравия*. Таким образом пустыня везде прилегает к богатым обработанным землям.

У пустыни есть свои обитатели, кочевые племена. Пустыня не вся состоит из голых камней и песков. В ней есть обширные степи; весною после ливней в степях быстро вырастает высокая трава, и кочевники спешат выгнать стада на подножный корм. Летом вся растительность выгорает, и тогда для владельцев стад наступают тяжелые дни: рек и озер в степи нет, приходится держаться около колодцев и переходить от одного оаза к другому.

Быт степных кочевников ярко изображен в рассказах Библии о патриархах, Аврааме, Исааке и Иакове с сыновьями.

У Авраама много овец и рогатого скота, серебра и золота, рабов и рабынь, верблюдов и ослов; он живет со своим родством и челядью в патрах. По временам *весь род*, т.е. все родственники и подчиненные Авраама, снимаются с места и переселяются: из Ура Авраам

перешел в землю Ханаан, оттуда в Египет, из Египта опять в Ханаан. Рядом с патрами Авраама ставит свои шатры Лот, его племянник. Но когда пастухи Авраама стали ссориться с пастухами Лота, родственники решили расстаться: Авраам предложил Лоту выбрать себе область для кочевья со своими стадами, и Лот выбрал долину Иордана, Авраам же остался в Ханаане, т.-е. земле, лежащей между Иорданом и морем. Скотоводы пустыни большей частью бывают многодетны. У Авраама, кроме Измаила и Исаака, которые стали родоначальниками арабов и евреев, было еще 6 сыновей. У Иакова, иначе называвшегося Израилем, было 12 сыновей: отец отправлял взрослых сыновей в степь стеречь свои большие стада.

Владельцы стад должны постоянно передвигаться, чтобы кормить свой скот. У них нет своего хлеба, и за ним приходится далеко ездить. Иаков посылает своих сыновей закупить хлеб в Египет. Они везут в уплату золото, а кроме того берут с собою товары, которых нет в Египте: бальзам и мед, благовонные мази и ладан, фисташки и миндаль. Из этого случая видно, как легко кочевнику стать торговцем: для перевозки тяжестей и для путешествий ему отлично служит верблюд «корабль пустыни», как говорят арабы.

Семиты-завоеватели. Когда кочевников мало числом, они живут мирно с соседями-земледельцами. Но если их скопится много, они не могут прокормиться в пустыне и обращаются в грозных завоевателей.

Лет за 2000 до Р. Х. большая орда кочевого племени *Амурру*, или *аморитов* напала на цветущие равнины по Евфрату и стала теснить сумеров. Похожие на аморитов по наружности и по языку, *израильтяне*, потомки Иакова и его 12 сыновей, двинулись по другую сторону пустыни: они вступили в Ханаан под начальством Иисуса Навина и покорили туземных хлебопашцев.

Еще третий народ пустыни, *арабы*, близок к ним по виду и говорит на том же языке. Арабы в это время не показывались на севере; они пошли на юг и завоевали Йемен на Аравийском полуострове. Всех этих завоевателей, вышедших из пустыни, мы зовем одним именем *семитов*, от Сема, или Сима, старшего сына Ноева.

Более всего воинственных семитов пришло в богатый край Двуречья. Они заняли города, основанные сумерами, захватили их склады оружия и запасы золота и серебра. Главный вождь воителей забрал власть над всей землей Сенаар и провозгласил себя «царем четырех стран света». Воители поселились в северной части Сенаара. Они построили новые города; главным городом сделался *Вавилон*, расположенный в том месте, где Тигр и Евфрат почти сходятся.

Хаммураби, царь вавилонский. Самый замечательный из вавилонских царей был Хаммураби, современник воинственных фиванских фараонов. Хаммураби велел выкопать новый большой канал, который должен был питаться водами Евфрата и Тигра (теперь осталось пустое русло капала, называемое Шат-ен-Ниль). Канал получил название: «Хаммураби—благословенье народа». Близ Вавилона поселили множество земледельцев, и край этот стал давать больше урожая, чем старая приморская земля сумеров.

Хаммураби еще другим способом старался обогатить Вавилон: он стал посылать торговые караваны. Один из этих караванов направлялся вдоль Тигра и углублялся в горные страны Ирапа и Кавказа. Отсюда царю привозили медь и олово; металлы отдавали царским оружейникам, которые жили в особом городе на Тигре и готовили на царское войско мечи, копья, племени и др. Другие караваны двигались вдоль Евфрата к берегу Верхнего (т.е. Средиземного) моря и в Сирию: отсюда везли крепкое кедровое дерево, которое растет в горах Ливана.

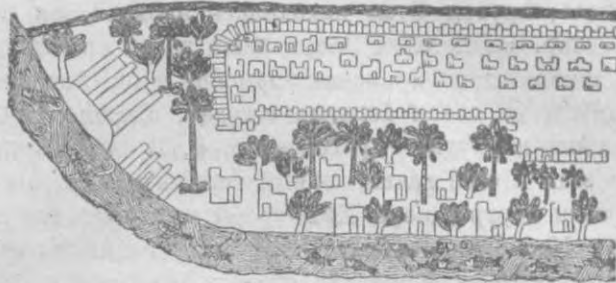
Отправляясь вдоль рек вверх, караваны двигались на верблюдах: это животное пустыни кочевники привели с собою в земледельческий край. Назад всего скорее можно было провезти товары по течению самой реки; их перегружали на барки и плоты. На Евфрате и Тигре до сих пор существуют плоты, состроенные на манер старинных вавилонских: снизу к сколоченным вместе бревнам привязываются надутые барьи меха; бурный поток быстро несет эти легкие суда, и плотовщик, вооруженный шестом, следит только, чтобы не попасть на стремнины и не натолкнуться на другой такой же плот.

Царь Хаммураби приказал выдавать торговцам серебро из своих богатых складов для закупки товаров в дальних краях. Если торговцу, по своей вине, не удавалось сделать покупку, он должен был вернуть занятое серебро. В случае, когда у него отнимет деньги враг, он должен поклясться именем царя, что это—правда; тогда его освобождают от уплаты. Но если окажется, что он солгал, с него берут втрое больше занятой суммы.

В числе того, что можно было купить на рынке, имелся живой товар—рабы. Рабство началось так. Воители перебили тех, кто им сопротивлялся, а жен и детей убитых взяли себе в неволю для работ в полях и в доме. Иногда воители отправлялись как бы на охоту за людьми чужого племени; пленников они приводили домой в цепях и оставляли у себя в вечном рабстве. Чтобы раб не мог убежать, ему выжигают особое клеймо на голове. Владелец раба может его продать, может его наказать, но не имеет право убить раба. Если рабу нанесет

повреждение чужой, то должен заплатить штраф, но не раба, а его господину. Если кто поймает беглого раба, то получает награду, а кто будет скрывать убежавшего или оказывать ему помощь при побеге, того ждет строгое наказание.

На базаре в Вавилоне постоянно толпилось множество купцов, которые съезжались со всех сторон, из Аравии, Индии, Египта, Кавказа, Ханаана. Все они прибегали под покровительство вавилонского бога *Мардука* и оставляли в его храме подарки и приношения. Скоро святилище Мардука в Вавилоне затмило собой старинный храм Бела в Ниншуре. Старые герода сумеров обеднели и уступили место новой столице. Как весь Сенаар должен был признать царем вавилонского владыку, так же и бог вавилонский стал главным богом Двуречья.

Город Суза по рисунку ассирийца.

Больше всего должен был хлопотать Хаммураби о своих войнах из племени Амурру, к которому он и сам принадлежал. Всех воителей, офицеров и солдат он награждал землей. Им пришлось отвыкнуть от кочевой жизни; когда не было войны они должны были заниматься хозяйством. Воин не смел уйти с поля битвы, ему грозила смертная казнь; но также ему строго было запрещено уходить со своего участка, бросать поле и дом. Если воин попадет в плен, его выкупают царским золотом. Царь хотел, чтобы и потомки воинов продолжали ему служить за ту же награду. Убитого в походе воина должен был заменить его сын. Если сын еще малолетний, вдове убитого оставляют треть участка; она должна на эти средства взрастить сына, чтобы он после мог сделаться царским воином.

Житель Элама.

Законы Хаммураби. Хаммураби велел записать на одном большом камне свои указы, изданные для воинов, торговцев, рабовладельцев, судохозяев, врачей, архитекторов и ремесленников. С этого камня писцы приготовили списки на глиняных столбах; в каждом городе

на главной площади был помещен такой столб с царскими законами. Недавно (в 1898 г.) французскому археологу де Моргану удалось открыть подлинный царский экземпляр законов Хаммураби.

Эту замечательную находку де Морган нашел не в Вавилонии, а в соседней с ней стране, которая в древности называлась *Элам*. Главный город Элама *Суза*, стоял на реке *Хоаспе*, впадающей в Персидский залив; кругом Сузы находилась плодородная равнина, похожая на Сенаар. Владетелям Элама было легко пройти по низовьям Тигра в Вавилонию; по временам эламские цари совершали опустошительные набеги на своих богатых соседей, стараясь добыть здесь побольше золота и других драгоценностей. В один из таких набегов эламцы увезли к себе великолепный черный камень, на котором был гравирован портрет царя Хаммураби и записан его закон.

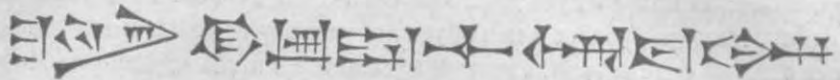
Каменная колонна, на которой написаны царские законы, имеет шесть сторон, и каждая сторона образует длинный столбец письма. Верхняя часть колонны закруглена: на ней изображен царь Хаммураби, принимающий закон из уст бога Солнца. Бог сидит на троне; у него длинная закрученная борода, на голове высокий убор вроде тюрбана; в руке скипетр; его жест повелительный. Царь стоит, внимательно слушая речь божества; правую руку он приблизил к губам, чтобы выразить свое преклонение. Одевание и поведка обеих фигур очень интересны; по ним мы можем судить о нравах при царском дворе. Каким на камне изображен бог Солнца, так одевался, садился и приказывал царь вавилонский; как перед богом стоит Хаммураби, так слушал царский приказ его подчиненный.

Для своих подданных царь—божество; он сам—солнце Вавилона, которое изливает свет на земли Сумер и Аккад (т.е. юг и север Сенаара), которому повинуются все *четыре страны света*; он «призван высшими богами для того, чтобы истребить дурных и злых, чтобы не дать сильному притеснять слабого».

Сумерское письмо в Вавилоне. После того как в Сенааре водворились семиты, на языке шумеров перестали говорить. Но от шумеров остались старинные книги, которые усердно читали вавилоняне. У шумеров они взяли и азбуку.

Разбирать в настоящее время вавилонские письмена еще труднее, чем египетские. У египтян азбука всегда служила их собственному языку. Вавилоняне же взяли азбуку от чужого языка. Вот что при этом получилось. Знак звезды значил по-шумерски «небо» и «бог», а произносился *ан*; по вавилонски эта буква тоже означает «небо» и «бог», но слова эти произносятся *шам*, *илу*; ту же букву однако вавилоняне употребляли, чтобы написать слог *ан*. Или еще:

у шумеров значило «гора», произносилось *кур*. По-вавилонски «гора» будет *шаду*. Тот же самый знак пишется и для слова *шаду*, и для слога *кур*. Похоже на то, что мы, напр. писали бы французские слова *vache*, *part* и обозначали ими по-русски слова «корова» «часть» (то, что они значат по смыслу), а также слова «ваш», «пар» (то, что они значат по произносимому звуку).

Титул вавилонского властителя: «царь четырех стран света».

Вавилонских букв чрезвычайно много, около 12.000. Их очень трудно запомнить, а к тому же еще, как видим, всякий знак может быть применен по смыслу или по звуку. Есть только одна азбука, которая по трудности напоминает вавилонскую, это—китайская; в ней насчитывается до 50.000 знаков.

Можно себе представить, что выучиться грамоте в Вавилоне было нелегко. Зато человек, который добился искусства писца, мог хорошо зарабатывать себе, потому что всем и постоянно нужно было пользоваться его услугами. Когда привозили товар по Евфрату или с моря, доставитель получал от заказчика квитанцию на глиняной дощечке. Когда покупали дом, на доске писали купчую. Эту грамоту для сохранности вставляли в глиняный конверт и на наружной доске повторяли текст грамоты. Если нужно было взглянуть подлинную грамоту, конверт разбивали и вынимали внутреннюю доску.

Сказание о сотворении мира. Понятия о богах у вавилонян отчасти взяты от шумеров, отчасти новые. Вот что у них рассказывалось о сотворении мира.

Сначала был только великий океан. Потом из бездны морской родились боги, сперва одно поколение, старшее, потом другое, младшее. Во главе молодых богов—Эа, Бел и Ану. Старые боги начинают бояться молодых и собираются их уничтожить. Для этого старые боги обращаются к богине-чудовищу Тиамат, царицей в бездне, и она создает гигантских змей, драконов, бешеных собак и людей-скорпионов; все это страшное воинство распаляется яростью. О приготовлениях к бою узнает самый пронырливый из богов, которому все известно—Эа; он передает своим братьям и сестрам об опасности.

Посылают вестника, который созывает всех на совещание. Боги собираются в великом небесном зале; они приветствуют друг друга, ласково целуются и садятся за пиршество; они кушают пшеничный хлеб и запивают вином. За столом боги решают выпустить на бой со

злыми силами самого младшего из своей среды, Мардука. За это Мардук требует, чтобы его провозгласили царем. Все боги преклоняются пред ним и передают ему скипетр, престол и неотразимое оружие борьбы. Это оружие состоит из лука и стрел, молнии и копьа, большой сети и еще страшного абубу в виде струи огненных лучей.

Мардук вступает на колесницу, запряженную четверкой, берет в руки бич; за ним следует дружина семи злых ветров. Встретившись с Тиамат, Мардук бросает в нее абубу, опутывает ее сетью и напускает на нее один из семи ветров, который врывается в пасть чудовища. Мардук пользуется этой минутой и вонзает в тело Тиамат копье. Потом победитель заковывает в цепи великанов, составлявших войнство Тиамат. Он наступает на тело чудовища и разрубает его на две половины.

Половину великой бездны Мардук поднял кверху и поставил в виде крыши неба, задвинул засов, поместил у входа сторожей и

Мардук в борьбе со злым демоном; в руках у бога абубу.

приказал им настрого не выпускать воды. Другая половина бездны осталась внизу; это—земной океан, окружающий населенную землю.

На небе бог выводит сушу в виде крепкой плотины, обходящей большим кругом весь свод. На ней помещено 12 дворцов, или останков солнца; люди с земли могут хорошо видеть их, это—12 больших созвездий, по которым странствует солнце: Рыбы, Телец, Лев, Скорпион, Стрелец и др. Весь небесный мир разделен на три царства, воду, сушу и воздух, между тремя богами: Эа, Белом и Ану. Так же устроен мир земной: великий океан внизу; на нем утверждена земля, над нею воздух.

Сказания о героях (великих людях). Вначале на земле жили могучие люди, подобные богам. Вот что рассказывается о первом человеке, именем Адапа.

В Эриду, в храме бога Эа, служит его сын, мудрый, хитроумный Адапа; он снабжает храм хлебом, водой, рыбами. Адапа очень силен и смел, но у него нет одного, что есть у богов,—бессмертия. Однажды Адапа выезжает в море, навстречу ему вылетает южный ветер, ломает его корабль, и Адапа погружается в дом, где живут рыбы. Чтобы отомстить за эту неудачу, он сокрушает ветру крылья, и тот перестает дуть на земле. Небесный бог Ану, разгневанный дерзостью Адапы, зовет его к своему престолу на ответ. Бог Эа дает сыну своему совет, как вести себя во дворце небесном: если ему подадут хлеб смерти—не есть; если предложат воду смерти—не пить; подадут платье—не надевать его. Адапа должен еще расположить в свою пользу стражей небесных ворот.

Стражи неба заступаются за Адапу, и Ану не только прощает могучего человека, но и хочет ему даровать бессмертие. Он велит подать Адапе хлеб жизни. Тот думает, что это хлеб смерти, и отказывается. Ану велит принести воду жизни, и Адапа, вспоминая наставления отца, опять отказывается. Тогда Ану говорит ему: «горе тебе, Адапа, отчего ты не ел и не пил: теперь не будет тебе вечной жизни».

При потомках Адапы произошел на земле великий потоп. Боги решили наказать людей за грехи и послать на землю ураган и наводнение. Опять у бога Эа есть любимец Утнапиштим, за которого он заступает. Эа советует Утнапиштиму сломать свой дом, построить корабль, набрать туда всякого рода животных и выехать в океан. Все это исполняет Утнапиштим, несет в корабль золото и серебро, отводит свой скот, помещает всех домочадцев, восходит сам на корабль и поручает его кормчему.

Две звезды идут впереди грозной тучи, и вот начинается жестокая буря, разверзаются хляби небесные, темная мгла окутывает землю. Потоп заливает весь мир, и даже боги за тьмой не видят людей. Они начинают сами плакать, но не могут остановить бурю. Непогода бушует 6 дней и 6 ночей, и только на 7-й день прекращается потоп. Корабль Утнапиштима пристает к острову, возвышающемуся над водой; это оказывается вершина высокой горы. Утнапиштим выпускает голубя, но птица возвращается, не найдя пристанища; он выпускает ласточку—тоже самое. Наконец, когда выпустили ворона, тот нашел себе пищу и не вернулся. Тогда Утнапиштим вышел из корабля и принес богам благодарственную жертву.

Сказание о Гильгамеше. Между потомками Утнапиштима выдается могучий Гильгамеш. Тесная дружба соединяет этого богатыря с силачем Эабани.

Гильгамеш в борьбе со львом (старинное вавилонское изображение).

Гильгамеша хочет взять в мужья себе богиня Иштар; она зовет его в сияющий свой дворец и обещает ему повозку, сделанную из бирюзы и золота, на золотых колесах, со вставленными в нее алмазами. Гильгамеш не хочет быть мужем богини. Разгневанная Иштар посылает на него и на Эабани бешеного быка, испускающего огненное дыхание. Друзья убивают быка, но он успел дохнуть

смертью на Эабани, и молодой товарищ Гильгамеша гибнет сам.

Страшное горе и тоска охватывают сердце Гильгамеша. Он не находит себе покоя и отправляется узнать свою судьбу в далекий край, куда боги перенесли его предка, блаженного Утнапиштима. Он идет через горные ущелья, где рыщут львы, и подходит к великой горе Машу, замыкающей мир живых; по ту сторону ее — край умерших. Вход внутрь горы охраняют страшные люди-скорпионы. Стражи пропускают Гильгамеша, и он идет целые сутки во тьме. На выходе из горы он видит чудный райский сад; на его деревьях сверкают плоды, как самоцветные камни.

За садом громадное безбрежное море. Гильгамеш знает, что еще ни один из живых людей не переправлялся через эти воды Смерти; но все же отыскивает лодочника, возящего души умерших на тот свет. Лодочник воспрещает Гильгамешу трогать рукой воду и быстро в три дня перевозит его через океан, хотя обыкновенно путешествие продолжается $1\frac{1}{2}$ месяца.

Утнапиштим со своего дальнего берега видит Гильгамеша, узнает своего потомка и спрашивает, почему у него такой печальный вид. Гильгамеш объясняет смерть Эанаб и спрашивает, какими средствами достиг

Гильгамеш (позднейшее ассирийское изображение).

Утнаиштим бессмертия. Утнаиштим открывает богатую существование чудесной травы, растущей в самой глубине моря: трава эта может дать старику опять юношескую силу. Гильгамеш добывает траву и с тем же лодочником едет обратно. Во время одной остановки Гильгамеш идет купаться, в это время подползает змея, привлеченная запахом травы, и похищает волшебное растение.

Смерть, ад и злые духи.

Гильгамеш не добился бессмертия. Ему удалось только вызвать с того света тень умершего Эабани, которая вырывается из-под земли, подобно вихрю. Дух объясняет ему, что возврата нет из преисподней, а участь умерших там глубоко тягостна.

Есть сказание о том, как сама богиня Иштар едва избежала смертной опасности. Богиня спускается в преисподнюю, и у каждого из семи затворов ада она отдает часть своих украшений. Когда она предстала перед владычицей ада, львиноголовой Эрешкигаль, та поразила прекрасную богиню проказой и 60 ужасными болезнями на всем теле и велела заковать в цепи. Пока Иштар была заключена в аду, на земле цветы завяли, деревья оголились, звери перестали плодиться, потому что Иштар всему дает жизнь.

Боги посылают в ад волшебного певца, чтобы высвободить Иштар, но он не имеет успеха. После долгих молений Эрешкигаль смягчилась: Иштар окропляют водой жизни, и она исцеляется от своих ран; восходя наверх, у каждого из семи затворов, она получает назад свои украшения и сияющие одежды.

Но человеку нет того спасения, какое есть для бога. Смерть не отпускает его на волю, подкашивает, как былинку, пронзает ножом.

Дощечка с изображением злых духов болезни и смерти. Внизу волосатое страшилище, сжимающее в каждой руке по змее, — Эрешкигаль.

Отвратительные духи наполняют подземный ад. Они мучат души умерших. Но они выходят также на землю: они прилетают из страшной пустыни с запада, они свирепствуют ночью. Это—чудовища, которые все истребляют и не щадят даже изображений богов. Подобно змеям вползают они в дома, похищают жену у мужа, вырывают ребенка из рук отца. Они переходят из села в село, уводят детей, гонят птицу из гнезда, бьют волов и ягнят. Они приносят засуху, посылают болезни: один—лихорадку, другой—чуму, третий поражает человека в горло.

Вавилонянам казалось, что человек окружен отовсюду злыми бесами и привидениями. Этот страх перед злыми духами—что-то новое, чего не было у сумеров; его принесли жители пустыни. Когда ночью завывает дикий ветер, или когда нападёт болезнь на людей, затерянных в степи и одиноких, когда от чумы гибнет скот, и нет ни откуда помощи, степняку кажется, что его настигло бесовское воинство.

Вавилоняне часто звали заклинателей, чтобы те своими причитаниями и волшебством отгоняли злых духов. Считали полезным приготовить изображение злого духа и повесить эту куклу перед домом, чтобы ее видом отпугивать самого беса; еще лучше торжественно с проклятиями сжечь изображение. Вавилоняне придавали бесам безобразные черты: оскаленные зубы, рога и щетину, хвост и когти. Так потом европейцы представляют себе чорта.

Вавилонские звездочеты. Лучшую защиту против злых духов вавилоняне думали найти в великих богах, которые царят в небесах и показываются в светилах: солнце (по вавилонски Шамаш), месяце (Син) и пяти ярких планетах, видимых простым глазом (Нергал, Нэбо, Мардук, Иштар, Ниниб; их латинские названия—Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн). К этим семи высшим силам обращались с молитвами и просьбами.

Между ними есть такие, которые приносят счастье, и такие, которые чаще дают горе. Белая звезда Иштары (планета Венера) дает счастливое предзнаменование, красная звезда подземного бога Нергала (планета Марс) обещает что-то зловещее. Очень важно наблюдать, как расположены светила на небосклоне в то время, когда начинается какое-нибудь важное дело, напр. поход, или когда вступил на престол новый царь. Жрецы, знавшие науку неба, предсказывали, глядя на положение светил, какой будет исход задуманного дела, благополучный или несчастный. При рождении человека опять очень важно заметить расположение звезд; можно для него составить предсказание всей жизни (по гречески *гороскоп*). От вавилонян и пошло выражение: «под счастливой звездой родился».

Счет времени, веса и денег. Светила показывают людям порядок, по которому надо жить. Каждое из семи великих светлых божеств царит в определенный день, а через 7 дней возвращается их очередь. Вот отчего у вавилонян установилась *семидневная неделя*; число 7 было у них священным волшебным числом. Этот счет дней неудобным неровным числом приняли потом все европейские народы. У французов и у англичан дни сохранили свои старинные названия от светил; Sun-day—день солнца, Mon-day, lun-di—день луны, mar-di—день Марса, merc-re-di—день Меркурия и т. д.

Движение луны указывает людям другой срок вчетверо больше прежнего, *месячный*. Вавилоняне рассказывали, что Мардук, творя мир, повелел ночному стражу: «Сияй рогами в течение 6 дней! на

Крылатые духи у древа жизни.

седьмой пусть заполнится половина твоего диска (наша 1-ая четверть луны)! на 14 день дойдешь до середины всего своего месячного пробега (полнолуние). Теперь свети позади солнца (т.-е. поднимайся после его захода)! На 21 день приблизься к солнечному пути (вторая четверть)! На 28 день ты должен встретиться с солнцем (новолуние)!»

Наконец движение солнца указывают самый большой срок, *годовой*. Число дней, которые нужны луне, чтобы пройти свой круг, не укладывается ровно в числе дней, которые нужны солнцу, чтобы пройти кругом по всем созвездиям. Как быть, чтобы сохранить тот и другой счет времени, и по месяцам, и по солнцу? Вавилоняне прибавили немного к обороту луны и вместо 28 дней взяли для месяца ровное число 30. Через каждые 30 дней солнце переходит в одно из 12 созвездий великой небесной тверди. Помножив 12 на 30, они по-

лучили 360 дней, опять круглое число. Нехватает только 5 дней до полного годового круга в 365 дней; эти дни добавляли зараз в конце года (а не так, как мы делаем, прибавляя по одному дню к некоторым месяцам и чередуя месяцы в 30 дней и 31 день).

Светила указывают во всем порядок и точный счет. Число 360—очень важное число и не раз встречается в мире. Само солнце отмеряет себе на небесном своде 360 долей. В самом деле, надо поглядеть на солнце в равноденствие, т.-е. когда оно восходит в 6 часов утра и заходит в 6 часов вечера, бывает на небе ровно 12 часов и проходит ровно полкруга по небесному своду. На этом полукруге оно укладывается своим собственным кружком 180 раз, или как говорили вавилоняне, за день оно делает 180 шагов (передвинется на свою собственную длину—значит сделает один шаг). 180 шагов над землей и 180 под землей составляют вместе 360.

Вавилоняне все искали ровных чисел, которые были бы в ладу между собою. Особенно им нравились числа 12 и 60. Шестьдесят есть 12×5 . Число дней месяца, 30, есть половина 60, а полный круг из 360 частей будет 60, помноженное на 6, или 12, помноженное на 30. Час разделили на 60 минут, а минуту на 60 секунд. В делении часа мы до сих пор следуем вавилонянам; также мы взяли от них счет дюжинами, хотя вообще мы держимся счета десятками.

Эти же числа служили вавилонянам в торговле для взвешивания золота и серебра и для денежных расчетов. Самой большой тяжестью был киккар (по гречески талант), равный нашему пуду с четвертью; киккар делился на 60 мин, а мина на 60 шекелей. Для расчета приготовляли плитки, весом в один шекель серебра, в виде кирпичиков, кружков, колец.

Связку серебряных колец удобнее возить с собою, чем кули хлба или свитки материй. Если купец берет займы, то опять ему удобнее взять серебряные или золотые плитки, чем занимать вещами. Удобно также рассчитать весь свой товар на золотые и серебряные кусочки и получить в уплату за него драгоценный металл, который еще тем хорош, что никогда не портится.

Словом, вавилонские шекели очень похожи на наши деньги и служили они так же, как наши деньги. На шекелях только не указана цена, как на наших монетах. Поэтому если при уплате получатель сомневался, верно-ли отвешены шекели, не дают ли ему денег меньше ценой, чем следует, кусочки серебра или золота пробовали на весах. Для проверки на другую чашку весов клали медную гирию.

Рамзес II на своей военной колеснице.
Рядом с лошадью бежит ручной лев.

4. Великие восточные державы.

Господство пастухов в Египте. За 1700 лет до Р. Х. с Египтом случилось то же, что с Киевом, Владимиром и другими русскими княжествами в 1237 году после Р. Х., когда появился из Азии татары. В Нильскую Дельту вторглась большая сила кочевников, пришедшая через Суэцкий перешеек из азиатской степи. У фараонов не хватало солдат, чтобы отразить степных воителей. При этом египтяне не знали, как и сопротивляться новому способу войны.

Кочевники быстро налетели из глубины пустыни на своих верблюдах. В бою они нападали также стремительно. Часть воинов была поставлена на небольшие повозки, запряженные невиданным еще в Египте быстроногим животным, лошадью. Возницы правили прямо в середину выстроившихся рядами пешеходов египтян; не давая им опомниться от неожиданности, кочевники осыпали их градом стрел; когда расстроенные ряды обратились в бегство, победители топтали их своей конницей и повозками.

Воинственные пастухи (так звали египтяне азиатских кочевников) заняли всю равнину Нижнего Египта, взяли Мемфис и прошли вверх по Нильской долине. У них была совсем другая вера, чем у египтян, и они не хотели смешиваться с покоренными. Они разорили храмы египетских богов; их хан выстроил себе большую крепость *Аварис* на границе пустыни у восточного края Дельты и

засел в ней со своим войском, оберегая забранные сокровища. В долину Нила хан посылал сборщиков дани (похожих на татарских баскаков), у которых была грамота с печатью государя. «Пастухи» не умели сами ни строить храмы, ни украшать их статуями. Их хан приказывал стирать на обелисках и сфинксах имена прежних царей и писать свое.

Пастухи отняли у фиванских фараонов почти весь Египет, но не могли покорить самих Фив, где остался самостоятельный владетель. Полтора ста лет продолжалось их господство над Египтом. Тем временем египтяне переняли у кочевников их бой на повозках и завели у себя лошадей. Часть кочевников перешла на службу к фиванскому владетелю (как со времен Дмитрия Донского татарские наездники переходили на службу к московским князьям).

Великая держава фиванских фараонов. Когда у фиванского владетеля стало больше воинов, чем у хана пастухов, египтяне взяли крепость Аварис. Затем они изгнали кочевников из Дельты, и опять фараон стал править над всем Египтом. Как ему теперь было занять своих многочисленных воинов?

В наше время, после войны, солдат распускают по домам, и они принимаются каждый за свое ремесло, кто пахать, кто работать на заводе, кто торговать и т. д. Воины в старинном Египте и Вавилоне смолodu знали только одно дело—упражнение в оружии. Когда не было войны, они скучали; их трудно было удержать от грабежей. Фараон так же, как Хаммураби, многим воинам дал избы и участки земли и заставил заниматься хозяйством. Но каким делом мог он занять остальных?

В Египте одно дело скоро придумали. Вместо того чтобы днем и ночью оберегать границу против пустыни, не лучше ли было пройти в глубину Азии и разогнать орды беспокойных кочевников? Фараон сам стал во главе своего блестящего войска: через Суэцкий перешеек египтяне двинулись на Ханаан и дальше на цветущие долины Сирии. Мелкие князья, сидевшие здесь, сами шли навстречу фараону: они ждали от него помощи против кочевников, которые также разоряли их сады и поля.

Фараон принял ханаанских и сирийских правителей под свое высокое покровительство. Князья стали обращаться к великому египетскому властителю с такими словами: «семь раз припадаю к ногам твоим и еще семь раз; не от отца и матери получил я страну, а из могучих рук царя».

Один фараон за другим возобновляли эти походы в Азию. Военственный Тутмес III зашел всех дальше, до реки Евфрата и до гор Тавра,

окаймляющих Малую Азию. Тутмес хотел, чтобы навеки слава его завоеваний блистала для потомства. В Фивах выстроили высокие *триумфальные* ворота: при возвращении домой фараон проехал под этой аркой на своей военной колеснице, в сопровождении непобедимого воинства. О подвигах Тутмеса рассказывают надписи на 4 громадных обелисках, которые он велел воздвигнуть: два из них были поставлены в Фивах и два на севере Египта в Гелиополе; Европейцы впоследствии назвали их *иглами Клеопатры* (позднейшей египетской царицы). Один из обелисков Тутмеса увезли к себе турки в Константинополь. Папа приобрел один для Рима и поставил перед собором святого Петра. Один обелиск увезли англичане в Лондон, и один американцы в Нью-Йорк.

Каждый из фараонов-воителей старался оставить по себе память — большой постройкой в столичном городе Фивах; каждый пристраивал свое святилище к большому храму фиванского бога Амона. В настоящее время арабская деревня *Луксор* занимает один угол большой храмовой усадьбы. Сохранилось несколько больших колонн, стоявших в середине главного храма; остались входные большие ворота, *пилоны*, в виде двух башен, похожих на крутые срезанные пирамиды. На наружной стороне пилонов были изображены военные картины: фараон разит врагов, стоя в военной повозке, запряженной конями; его фигура втрое, вчетверо больше остальных воинов. Длинная, почти в 2 версты, аллея вела к другой храмовой усадьбе, где теперь стоит деревня *Карнак*; по обе стороны аллеи были расположены большие сфинксы, точно каменные стражи, оберегающие дорогу.

Вход в храмовую усадьбу был блестящий и величественный. Египтяне прикрепляли к пилонам спереди несколько высоких мачт, на которых развевались флаги. Впереди пилонов ставили нередко громадные статуи фараонов.

Две такие статуи, изображающие царя Аменофиса III, сохранились до нашего времени, хотя лиц уже нельзя разобрать. Выпиною они, вместе с подножием, почти 10 сажен; палец на руке длиною в 4 фута. Спустя 1000 лет после жизни фараона Аменофиса, о нем никто уже не помнил. Посещавшие Фивы, греки замечали, что один из двух колоссов издает точно жалобный стон при восхождении солнца. Они решили, что камень изображает героя их сказаний Мемнона, сына богини Утренней зари, которого убил Ахилл под стенами Трои. Когда поднимается Заря, сын встречает ее жалобой на безвременную смерть свою, а богиня-мать плачет утренней росой. Всякому хотелось посмотреть знаменитую стоящую статую, и множество туристов еще в древности нацарапали свои имена на ступне колосса. Думают,

что звук происходил от следующей причины: охладевшая за ночь статуя, нагреваясь от первых лучей солнца, трескалась и сыпала мелкие незаметные кусочки камня. Суеверный римский император Септимий Север, посетив Египет, велел прекратить стоны статуи, которые, казалось ему, предвещают что-то страшное. Когда заделаны были трещины колосса, звуки действительно прекратились.

Статуи Аменофиса III (направо так наз. колосс Мемвона).

Переписка фараона с вавилонским царем. Жители азиатских владений фараона не понимали по-египетски; но в Ханаане и в Сирии понимали по-вавилонски, потому что сюда издавна приезжали вавилонские торговцы; египтяне увидели тут клинописную азбуку.

Фараон Аменофис III захотел вступить в дружбу с царем вавилонским. Из Египта в Вавилон стали отправлять глиняные письма в глиняных конвертах; фараон завел писцов, которые выучились писать по-вавилонски. Государи заключили между собою тесный союз: фараон просил себе в жены дочь вавилонского царя. В письмах они уверяли друг друга в преданности и желали всяких благ дому, женам, сыновьям, вельможам, коням, повозкам, войскам и всей стране. Фараон просил прислать ему ценный голубой камень; вавилонский царь в обмен желал получить подарки из золота.

Хетиты в Малой Азии. Одно время египетское войско не имело в Азии соперников. Но когда египтяне подошли к горам Тавра, от-

деляющим от Сирии Малоазийский полуостров, они встретили храбрых горцев, с которыми трудно было сладить.

Новый народ назывался *хетиты* (или хетты) и пришел из глубины Средней Азии. По наружности и платью хетиты напоминают нынешних кочевников Туркестана. У них длинные, сухощавые, мускулистые фигуры, узкие глаза, выдающиеся скулы, как у монголов; голова бритая, но с затылка спускается длинный чуб, заплетенный в косу. Они носят просторные халаты, достигающие до пят, на голове высокие колпаки. Видно, что им приходится жить в стране, где бывают порядочные холода. Ноги у них обуты в башмаки с острыми, загибающимися кверху носками: эта, странная на вид обувь очень пригодна для защиты ноги от ушибов в горной местности, где почва неровная, много камней.

Хетиты прошли горами из Туркестана вдоль южного края Каспийского моря и дальше через Армению. В Малой Азии, где они поселились, есть цветущие долины, есть обширные горные пастбища, есть и пустынные пространства в виде солончаков и соленых озер.

Хетитские воины по рисунку египтян.

На юго-востоке подымается цепь потухших вулканов; из них самый большой—трехглавый *Арией*, почти в 4 версты вышиной, всегда покрытый шапкой снега; в этой мрачной местности множество отвесных скал, с глубоко проложенными в них пещерами и ходами. Край, где поселились хетиты, отгорожен с юга и востока, от Сирии и Месопотамии, дугой высоких неприступных гор *Тавра*. Только в одном месте, где прорывается в диком ущельи горный поток, можно про-

никнуть в глубь страны; этот перевал через горы, соединяющий берег Средиземного моря с серединой полуострова, называется *Киликийскими воротами*. Если занять изнутри высоты, господствующие над проходом, ворота остаются закрыты, и неприятелю путь прегражден. Оттого арабы потом говорили: «Кто не боится этого ущелья, тот и Бога не боится».

Столица хетитов находилась на горах, повисших над течением реки *Кизиль-Ирмак* (т.-е., по-турецки, Красной реки, в древности называвшейся *Галис*, соленая река). Европейские путешественники уже давно замечали обломки больших каменных львов, а также выпуклые картины на скалах около турецкой деревни *Богацкёй*; нынешние жители селения, разумеется, не догадываются о том, что было на этом месте более 3000 лет тому назад. В 1906 году Малую Азию посетила немецкая ученая экспедиция; Винклер произвел раскопки около *Богацкёя* и открыл остатки большого города, носившего имя *Хатти*. На высоком холме стоял кремль; у его подножия расстился город, который тоже был окружен крепкой стеной из крупных камней; в одном месте сохранились ворота, украшенные двумя львиными фигурами.

В горной стране хетиты сохранили нравы старинного охотничьего быта; среди скал, в пещерах, они устраивали святилища своих богов; там же они хранили, как в кладовых, свои драгоценности. В местности *Лзили-кая* близ *Богацкёя*, оказалось старинное хетитское святилище в глубине ущелья. Тут точно сама природа устроила громадный дольмен: отвесные скалы сошлись тесно друг к другу и образовали стены двух камер, соединенных между собою узким ходом. На одной из скал выпуклая картина, изображающая свадебное шествие богов: со светочем в руке идет бог, в сопровождении свиты и музыкантов навстречу своей невесте-богине, за которой тоже следуют спутники и прислужники. На голове богини замечательная корона из зубцов крепостной башни; сама она стоит на спине пантеры; две женские фигуры ее свиты стоят на крыльях большого двуглавого орла. И боги, и священные животные опираются на горные вершины, точно шагают по ним.

Эти божества непохожи ни на египетские, ни на вавилонские. В свите богини шествует еще бог грозы, у которого в руке двусторонняя секира. Такого бога вовсе не знают ни Египет, ни Вавилон; грозы там почти не бывает, тогда как в горном крае Малой Азии гроза — страшное могучее явление.

Хетиты и египтяне. За горными цепями хетиты жили, как в неприступной крепости. В горных долинах, прорезанных бурными по-

токами, у них были богатые залежи меди. Хетитам не надо было покупать материал для оружия. Они могли сами наготовить себе целый арсенал.

Египтяне привыкли побеждать степняков после того, как переняли у них конницу. Но с горцами им не легко было сладить. Скоро хетиты сами объединились в большую силу, спустились с гор Тавра и заняли Месопотамию и Сирию. Они оттеснили египтян от Евфрата и пошли к югу на захват Ханаана. Фараон Рамзес II собрал все свои силы против них. В отрогах Ливанских го хетиты окружили передовой отряд, в котором находился сам царь и чуть не взяли его в плен; его спасла только большая армия, подоспевшая на поле битвы.

После упорной войны все-таки фараон должен был уступить хетитам большую часть своих азиатских владений. Рамзес сохранил за собою Иерусалим в южной части Ханаана и большую часть берега Средиземного моря (эту страну потом называли *Финикией*). На береговой скале, близ города Бейрута (древнего Берита), Рамзес велел вырезать надпись, где сказано, что он—властитель всей Азии.

Рамзес II был очень славолубив. Он поручил придворному поэту Пентаурту в стихах описать войну с хетитами. Сражение в горах, где чуть не погиб фараон, рассказано так, что его и узнать нельзя. По словам поэта, царя окружили 2500 вражеских повозок, но он обратился к богу Амону, обещал ему бесчисленные подарки и постройки и после этого, будто вооруженный великой мощью, разогнал и затоптал вражескую силу. Рамзес хотел затмить всех предшественников и приписать себе их победы: подобно варварам-пастухам он приказал стереть, где только можно было, имена прежних фараонов и надписать свое.

Заморские поездки египтян. Хетиты отняли у египтян внутренние долины Сирии и Ханаана, но оставили им берег моря, потому что сами вовсе не занимались мореплаванием. Египтяне, напротив, сваряжали в это время множество кораблей, отплывавших к западу.

Мореходы не решались пускаться в открытое море и старались не упускать из виду берега. Точно навстречу Финикии вытянулся длинным мысом остров *Кипр*; в хорошую погоду оконечность Кипра видна с финикийского берега. С северного края Кипра виден опять берег Малой Азии. Переехав из Финикии к Кипру, от Кипра к Малой Азии, корабль может идти вдоль берега дальше на запад, пока не доберется до оконечности Малой Азии. Теперь он может или завернуть на север и вступить в *Эгейское* море, или продолжать свой путь дальше на запад: перебираясь от одного островка к другому, мореплаватель

достигнет большого острова *Крита*, который вроде длинного за-
сова замыкает с юга Эгейское море.

Критские властители. Во времена фиванских фараонов на Крите царствовали могущественные вожди. Греки потом в своих сказаниях часто упоминали великого царя критского Миноса. В сказке всегда одному могущественному герою приписано то, что сделали несколько человек. Надо думать, что был не один Минос, а несколько, и что Минос не имя, а титул вроде фараона или султана.

Критский Минос так же, как египетский фараон, обладал большим флотом. На северном берегу острова Крита много бухт, где стояли корабли властителя. Он посылал суда к островам Эгейского моря за крепким камнем, к берегам Малой Азии и Кипра за медью. Его корабли ходили и к Египту. Как фараон менялся товарам с вавилонским царем, так же пересылался он с властителем Крита. Критяне были большие мастера готовить красивую посуду из красной или желтой глины, разукрашенной цветам и арабесками; в большом количестве эту посуду везли в Египет. В свою очередь критянам очень нравилось убранство египетских храмов, гробниц и дворцов. На Крите нет ни широкой реки, подобной Нилу, ни его тростников и лотоса, ни водяных птиц; но критские живописцы разукрасили стены дворцов картинами нильской жизни: вот, напр., дикая кошка крадется за болотной птицей среди цветущих водяных лилий.

Остров Крит в настоящее время населен большею частью христианами-греками. В течение 400 лет он принадлежал туркам и был недоступен для европейцев. В 1897 году на Крите произошло восстание, и турки должны были предоставить свободу критянам; вместе с тем, европейские ученые, особенно англичане и итальянцы, получили возможность исследовать замечательные развалины старинных дворцов Крита.

У греков был рассказ, что могучий Минос велел искусному мастеру Дедалу выстроить в *Кноссе* большой дворец; это здание с запутанными ходами греки называли *Лабиринтом* и считали его похожим на Лабиринт египетский. Но о критском Лабиринте только и знали по сказке; никто из греков не видел его; еще в старину дворец был сожжен и разрушен какими-то завоевателями. Вот этот разрушенный Кносский лабиринт и открыл в 1900 году английский ученый Эванс близ Кандии, нынешнего главного города Крита.

Большой дворец в Кноссе. Лабиринт был невысок, в два этажа, но зато он раскинулся широко; в одном нижнем этаже было более 100 комнат. Дворец походил на крепость: в наружных стенах его не было ни дверей, ни окон. Двери дворцовых покоев выходили на

глубокий просторный двор, выложенный большими каменными плитами, но и то, что делалось на дворе, не было видно снаружи, так как проникнуть во двор можно было только по длинному загибающемуся углом коридору. Над входом в этот коридор высилась сторожевая башня, а около нее помещались воины, которые составляли гвардию Миноса; во дворце были наготове военные повозки, а также целый склад оружия, мечей и стрел.

В верхнем этаже были жилые комнаты царя и его семьи. Как проникал свет в дворцовые покои?—В крыше были сделаны пролеты,

Египетская картина на стене дворца в Крите.

а под ними помещались небольшие дворик или площадки, на которые выходили двери и окна комнат. В Лабринте устроили водопровод и канализацию: вода горных источников сбегала по глиняным трубам во дворец; здесь ее наливали для питья, для ванн, умывальников, для мытья каменных полов; нечистые воды по другим трубам отводили из зданий дворца в море.

Нижний этаж Лабиринта состоял большей частью из кладовых, мастерских и приемных зал. Минос держал большой двор и кормил много пароду за своим столом. Вино, масло, муку и зерно хранили в огромных кувшинах и чанах, вделанных в пол; они заполняли кладовые, узкие длинные комнаты, расположенные по обе стороны большого коридора и занимавшие почти половину нижнего этажа. В некоторых кладовых помещались изображения богов, которые в праздники посели по террасам, коридорам и дворам Лабиринта.

В числе богов чтили хетитского бога грозы: его двусторонняя секпра нарисована на стенах главного приемного зала. Этот зал, служивший для торжественных выходов Миноса, разделялся двумя рядами колонн на три отделения; в глубине стоял на возвышении трон, с которого властитель мог обозревать всех своих придворных; они становились в длину зала по своему рангу; чем выше чины, тем ближе к государю.

В Лабиринте жизнь была шумная и веселая. Вблизи дворца Минос выстроил театр. Уступами вокруг сцены поднимались ряды сидений, как в цирке; но крыши не было, представления происходили под открытым небом. Царь проходил в театр особым длинным коридором и смотрел из своей ложи хороводы, танцы и пантомимы. На другом конце Лабиринта была открытая арена для боя быков; к ней спускалась от дворца широкая лестница: Минос со своим двором глядели на зрелище сверху, а с другой стороны арены снизу приходила толпа зрителей из города Кносса. Тут акробаты, мужчины и женщины, показывали разные фокусы и прыжки, перескакивали через спины быков, как в нынешней Испании тореадоры.

Придворные дамы рядились в пышные костюмы: высокий убор на голове, туго стянутое в талии платье со множеством сборок топорщится словно на кринолине; мужчины надевали тоже что-то вроде тесных корсетов. Эта церемонная одежда совсем не походила на легкие рубашки и плащи египтян, а также греков, которые поселились позднее на Крите.

Много красивых безделушек из металла, крепкого камня, цветной глины служило для развлечения придворного общества. Особенно искусно царские мастера приготавливали фигуры и игрушки из фаянса и слоновой кости. Однажды Эванс при раскопке нашел изображение морского крабба: оно было так хорошо сделано, что ученый сначала принял его за настоящее окаменевшее животное.

Гибель Кносса и нападение морских народов на Египет. Богатство критского царя привлекло смелых искателей с берегов южной Европы, из Италии, Сицилии с Балканского полуострова. Они пускались на ладьях в море и, приставая к острову, грабили критские города. Властитель Кносса сначала легко с ними справлялся и разгонял грабителей. Но их прибывало все больше и больше. Тогда Минос стал их принимать на службу к себе: морские разбойники обратились в капитанов и лопмэнов его кораблей; по приказу царя они отправлялись в далекие предприятия, в Малую Азию, Сирию и Египет.

Наконец пришельцы стали страшны самому властителю Крита. Они заставили его выдать им все золото, какое он успел накопить.

Большое нападение европейских диких воителей удалось отразить. Но одно племя осталось на берегу и засело в крепостях, которые египтяне построили в Ханаане. Это—известные из библейской истории *филистимляне*, смертельные враги евреев (филистимляне в еврейском произношении «целиштим», а уже отсюда в произношении греков получилось слово *Палестина*, которое стало названием страны вместо Ханаана). Египтяне изобразили на своих военных картинах филистимских воинов в виде бритых остроносых худых людей с особенным головным убором: в шапочках, украшенных венцом развешивающихся высоких перьев.

Нападение морских племен очень ослабило Египет; фараоны, преемники Рамзеса III, не могли думать о завоеваниях в Азии. Самым сильным народом около 1000 года стали *ассирияне*, жившие по среднему течению Тигра.

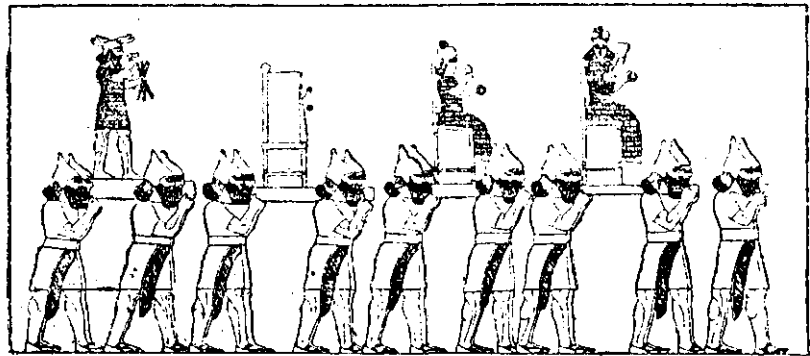
Ассирияне. Ассирия лежит на левой нагорной стороне Тигра. Против нее на правом ровном берегу реки расстилается плодородная Месопотамия. Воители семитского племени, родственные вавилонянам, засели в горных крепостях левого берега. Они покорили месопотамских земледельцев, заставили их платить себе дань и для господства над ними построили на правом берегу город *Ассур*. Всех молодых сильных людей, скучавших дома без дела, ассирияне вербовали в свои отряды; таким образом у них составила самая большая армия во всей Азии, хотя их родиной была маленькая тесная область.

У ассириян все мысли направлены на военное дело. Поход совершается быстро, и его первая цель состоит в том, чтобы захватить золото и другие ценности для награды солдатам, а также металлы, пригодные для выделки оружия.

В ассирийской армии есть военные повозки; на каждой три человека: возница, стрелок из лука или конейщик и оружейносец, закрывавший воина щитом. Есть верховые и пехотные стрелки. Есть тяжелая пехота в остроконечных медных касках и крепких панцирях, т. е. кожаных куртках, обитых выпуклыми металлическими пластинками; в одной руке длинное копье с железным наконечником, в другой—большой щит, обитый бронзой; ноги также защищены металлическими полосами; такой воин был почти неуязвим. Впереди и сбоку бежали легко одетые пращники: они начинали битву, кидая камни, заверченные ремнем, как Давид в Голгафа.

За армией следовали землекопы и механики, которые выравнивали дороги в горных местностях. Когда нужно было брать приступом крепость, саперы копают рвы, возводят валы и деревянные башни, чтобы подкатить их к вражеским стенам.

На ассирийских картинах часто изображено взятие укрепленного города. Сначала надвигаются по крутым валам вверх стрелки; с ними в парах другие солдаты, которые прикрывают их большими плетеными щитами. Тем временем подвозят к стене тараны, т.е. бревна, обитые медью, и, раскачивая их на цепях, бьют ими в стену. Ближе к стенам подкатывают на колесах высокие деревянные башни, на которых стоят воины: они стараются перейти на бойницы осажденной крепости, вступают в рукопашную с защитниками стен. За отчаянной схваткой следует поджог крепости; но ассирийские солдаты спешат вытащить из домов все ценное, пока город не сделался добычей пламени; торопливо сбегают они по уклонам крепостных валов вниз, каждый со своей пошей.

Ассирийские воины несут изображения богов.

Иногда на картине видна переправа войска с обозом через реку: ассирияне стоят в круглых плетеных лодках, дно у которых покрыто асфальтом; некоторые воины бросаются в одиночку и переплывают реку на раздутых мехах. Ассирияне старались взять врага врасплох, испугать его внезапным появлением. Пророк Исаия, видевший их под стенами Иерусалима, так описывает этих страшных воинов. «Смотри, вот они подходят быстро и неудержимо, и нет среди них ни одного усталого или ослабевшего, никто не задремлет и не заснет. Ни у кого из них не распустится пояс на боку и не оборвется ремень на обуви; стрелы у них заострены, все тетивы натянуты. Копыта их коней словно из камня, а колеса, как буйный вихрь. Рев их подобен лвиному, они голосят, как молодые львы, с рычаньем хватают добычу и упоят ее, никто не в силах укрыться от них!»

На картине ассирияне изображены согласно этому описанию: тяжелой поступью идут мрачные, длинноволосые, бородатые воины;

у них крепкое сложение, широкие плечи, мускулы на руках и ногах напряжены.

Если ассирияне встречали сопротивление, они наказывали отважных врагов с беспощадной жестокостью. Царь Ассурнасирипал пишет сам на победных колоннах, что при взятии города сжигал все население. Иногда пишет, что сжег многих пленных, остальным, кому отрезал руки, кому нос и уши, кому выколол глаза; иногда подвешивал, в виде особого издевательства, отрубленные головы к виноградным лозам. Плодовые сады, виноградники, пальмовые рощи беспощадно вырубались, и цветущая страна обращалась в пустыню.

Начало железного века. Было только одно средство спастись от этой участи: заплатить ассириянам громадный выкуп и отдать все свои ценности. Больше всего ассириянам нужны были металлы. Вот что заплатили Ассурнасирипалу хетиты, жившие на верхнем Евфрате, когда-то непобедимые противники Египта, а теперь бессильные против новых завоевателей: золотые чаши, золотые цепи, золотые клинки, золотые идолы, 100 талантов меди, медные идолы, медные сосуды, 250 талантов железа, царскую мебель из ценного дерева и слоновой кости, 200 рабынь, разноцветные ткани, черный и синий кристаллы, драгоценные камни и др.

Самое замечательное в этом выкупе—железо: ассирияне не даром взяли его гораздо больше, чем меди. Это значит—появился новый материал для оружия, более крепкий, чем бронза, и ассирияне спешили запастись им, чтобы иметь перевес над противниками.

В Хорсабадском дворце ассирийских царей, который стали раскапывать Ботта и Лейярд, нашли огромный склад железных орудий. Тут были молотки, заступы, плуги и якоря на железных цепях. Много оказалось необработанного железа в кусках. Все куски имели одинаковый вид: это были обоюдоострые клинки, длиною в $1\frac{1}{2}$ фута, с отверстием у одного из краев; отверстие служило для того, чтобы продевать веревку и навешивать железо при перевозе. Ассирияне составили этот железный арсенал из дани, которая поступала от покоренных; в кладовой железо держали на случай осады, чтобы иметь большой запас материала дляковки оружия.

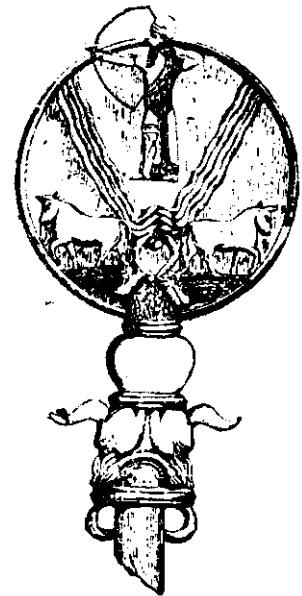
Ванское царство. В погоне за добычей железа ассирияне устремились на север. Гористый край за Тигром, куда они направили походы, образует теперь *Армению*, разделенную между тремя государствами, Россией, Турцией и Персией. В середине страны высится кряж *Арарата*, главная вершина которого доходит до 5 верст и покрыта вечным снегом. Большие соленые озера *Ван* и *Урмия* замкнуты в высоких скалах, иногда отвесно падающих к воде. В горных ущельях

много пещер, служивших жилищами и похожих на каменные коридоры Хетитского края. На берегу озера Ван находилась столица воинственного народа, который ассирияне называли *Урарту* (то же слово, что в имени Арарат). Война здесь была очень трудна; горные крепости почти неприступны. Никаких особенных богатств в скудном крае нельзя найти. Но урартійцы славятся за особенных мастеров в выделке стали. Недалеко от них в горах, лежащих на юг от Каспийского моря, находилась и железная руда.

Железо и добывать, и плавить гораздо труднее, чем медь: оно не встречается цельными кусками, а смешано с разными породами камня; ковать можно только раскаленное железо, тогда как мягкая медь и в холодном виде поддается обработке молотом. Вот почему железо (темносинюю медь, как говорят индусы) научились применять много времени спустя после того, как изобрели бронзу. Искусства обработки железа достигли сначала некоторые горцы: в Европе жители Альп, в Азии урартійцы. Ассирияне, всегда желавшие быть впереди других в военном деле, старались покорить их и добраться до ценной железной руды около Каспийского моря.

Финикияне. Со времен царя Хаммураби по большой дороге вдоль Евфрата двигались многочисленные торговые караваны. Поднявшись от Вавилона вверх по реке, караваны разлучались в северной Сирии, в том месте, где Евфрат своей излучиной приближается к Средиземному морю: одни продолжали путь на запад и добиралась до *финикийского* берега; другие поворачивали на юг и проходили вдоль пустыни в Ханаан, Египет и Аравию. Ассирияне задумали завладеть этими торговыми путями, чтобы собирать дань с купцов.

Несколько раз удавалось ассириянам занять Вавилон, где на большие ярмарки съезжались торговцы с разных концов Азии; цари вавилонские, преемники Хаммураби, не могли оказать сопротивления Ассирии; от постоянной войны с окружавшими Вавилон степняками, они были так же слабы, как фараоны после нападения морских народов. Труднее было ассириянам захватить другой конец большой торговой дороги и овладеть берегом Финикии, где успели

Ассирийское знамя.

тем временем подняться города Сидон, Тир, Берит (нынешний Бейрут). Когда и как возникли эти города?

Берег Финикии образует узкую полосу земли, загороженную от Сирии *Ливанскими* горами. Сюда нередко спасались беглецы от нападения степняков, которые не могли пропикнуть через горы. На берегу было мало земли для обработки; пришельцам оставалось только искать пропитания у моря, заниматься рыбной ловлей или перевозить товары на судах для египтян. Прежде египтяне сами ездили по Средиземному морю; после нападения морских народов у них не было собственного флота, и финикияне взялись доставлять им товары. В Нильской долине нужен был ливанский кедр; с выгодой можно было продавать там красную краску из сока *пурпуровой* улитки, которую финикияне ловили на своем побережье. В свою очередь обратно финикияне нагружали на свои суда хлеб, которым так богат Египет.

В поисках товаров на продажу египтянам, финикияне стали выезжать той самой дорогой, которой раньше ездили египтяне, а им навстречу критяне, т.-е. к Кипру, Малой Азии и Криту. Но в Эгейское море им не было доступа; на его берегах всюду утвердились греки, сами мореходы. Финикияне должны были плыть дальше на запад вдоль южных берегов Балканского полуострова к Италии и Сицилии. Плывя еще дальше в том же направлении, финикийские моряки увидели полуостров материка *Африки* (нынешний Тунис), выдавшийся против угла Сицилии. Африканские дикари не могли помешать высадке финикиян. Для того чтобы иметь постоянную опору в этом крае, финикияне выстроили крепость на берегу. Скоро около нее вырос целый город *Картгада* (в греческом произношении и *Карфаген*), что значит «Новгород». О начале города ходило такое сказание. Царица Дидона, спасавшаяся бегством из Финикии, прибыла в Африку и уговорила с вождем местных дикарей, чтобы ей уступили столько земли, сколько захватит бычья шкура. Дидона разрежала шкуру на тонкие ремни и охватила ими место, достаточное для постройки крепости. Вокруг этой крепости и вырос потом большой город Карфаген. Крепость называлась *Бирза*, что значит бычья шкура.

Открытие финикиян. В Африке многие выходцы из финикийских городов нашли себе новую родину. Отсюда моряки двинулись на новые предприятия в западной части Средиземного моря. Они открыли Балеарские острова, заняли берега южной Испании; этот край, богатый металлами, особенно серебром, назывался у финикиян *Гарсис*. Далеко по всей Азии прошла слава смелых моряков, добрав-

шихся до самого края населенной земли на западе. Никому еще не приходилось делать такой длинный путь по морю! Впереди всех кораблей, везущих богатства в Иерусалим, пророк Исаия видит суда с серебром и золотом из Тарсуса; «они летят подобно облакам, они похожи на голубей, несущихся к домам своим».

Добравшись до Гибралтарской скалы на испанском берегу, против которой поднимается выступ Африки, финикийцы сначала решили, что бог Мелькарт, покровитель их путешествий, поставил здесь людям пограничные столбы: позади них бог уходит на покой.

На берегу Испании, у Атлантического океана, они построили на выдающейся скале *Гадир* (т.-е. крепость, это нынешняя испанская гавань Кадис). Прямо в открытое море наперерез океана они не решались ехать. Однако вдоль материков финикийцы продолжали свои поездки за Гибралтарским проливом. На север корабли направлялись вдоль Испании и Франции и добиралась до нынешней Англии, откуда финикийские моряки стали вывозить олово. На юг финикийцы плавали вдоль берегов Африки еще дальше: они знали Капарские острова и Гвинею. Вот что рассказывает Геродот про удивительное путешествие финикийцев вокруг Африки (по-гречески Африка—*Ливия*).

Египетский фараон Нехо поручил служившим у него финикийским морякам ехать на кораблях в Аравийском заливе с тем, чтобы они вернулись через Гибралтарский пролив. Финикийцы поехали из Аравийского залива в южное море. Плавание их длилось более 2 лет. К концу года они высаживались на берег, засеивали поле, дожидались жатвы и отправлялись дальше. По возвращении в Египет, они рассказывали, будто, огибая Африку, видели солнце по правую руку. «Этому пускай верит, кто хочет, а я не верю», прибавляет Геродот.

Что такое передает Геродот, и отчего он не хочет верить рассказу смелых моряков?—Они прошли за экватор мимо Мадагаскара и мыса Доброй Надежды; огибая Африку, они находились в южном полушарии. Солнце в полдень было у них не на южной, а на северной стороне. Вот это Геродот и выражает словами: «видели солнце справа» (надо прибавить: «если человек глядит солнцу вслед, стоит лицом к

Финикийцы по рисунку египтян.

западу»). Это ему кажется невероятным: жители северного полушария видят солнце в полдень всегда на юге, или иначе, повернувшись лицом на запад, ищут его по левую руку. Геродот и греки, никогда не бывшие в южном полушарии, не подозревали того, что солнце светит там с другой стороны неба; поэтому он отвергает рассказ финикийца. Но Геродот отдает справедливость знаменитым морякам; они первые узнали великую до тех пор неизведанную часть света.

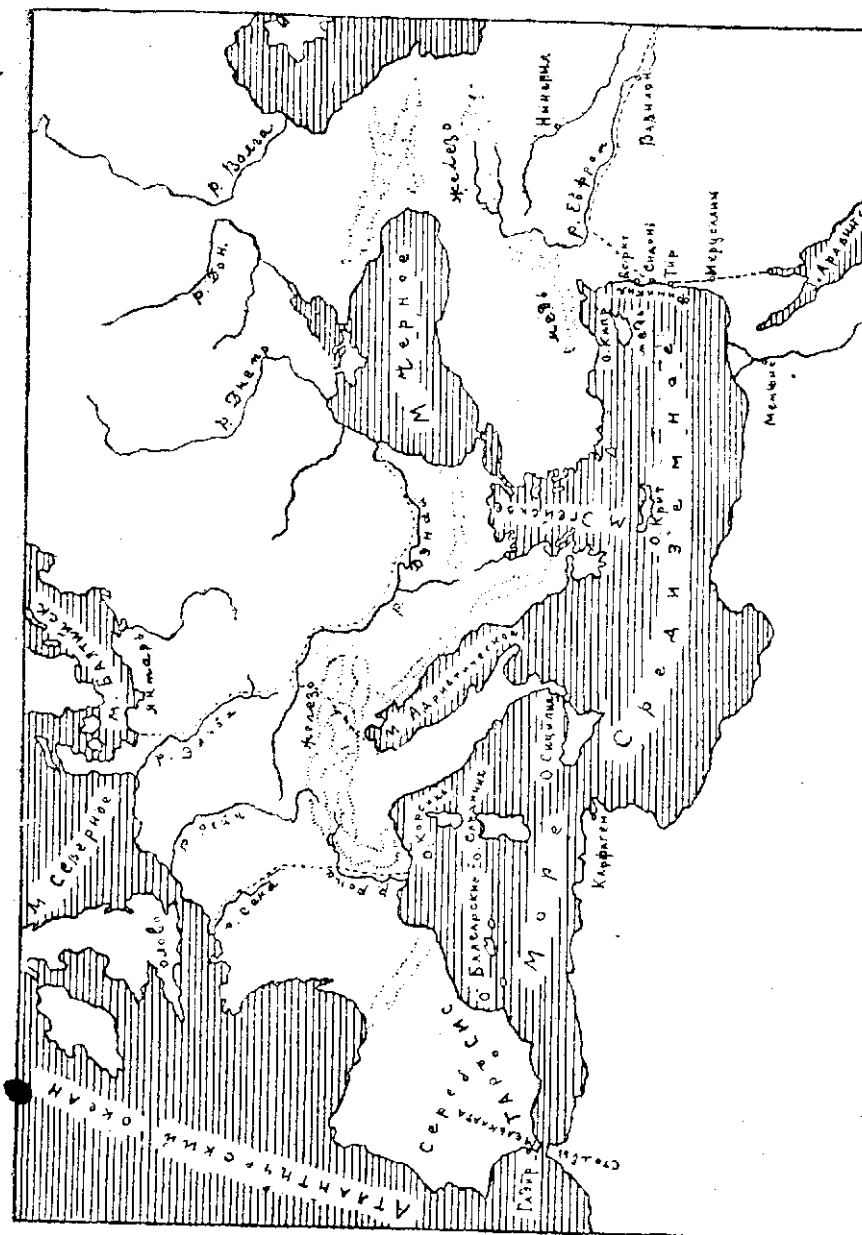
Нечего говорить, как хорошо были известны финикийцам извилины берегов Средиземного моря, проливы его, стоянки на островах, удобные гавани и опасные скалы или мели. Они открыли для народов Востока большую часть южно-европейских стран. От тех двух названий, которые они дали своей родине и новооткрытым землям, *асу* (восход) и *эреб* (закат), произошли имена двух материков, Азия и Европа.

Финикийская торговля. Финикийцы воспользовались в торговле изобретениями Вавилона и Египта. Они взяли у вавилонян меру и вес, а у египтян знаки для азбук. Но финикийцы очень упростили египетскую азбуку, потому что в торговом деле надо быстро и кратко писать. Они взяли только те буквы, которые означали звуки, и составили азбуку всего из 22 знаков. На простую финикийскую азбуку похожи все позднейшие европейские азбуки (греческая, латинская, немецкая, славянская).

Финикийцы заимствовали знаки у египтян, когда в Египте уже почти не писали пероглифами, а записали рисунки скорописью. Вот несколько примеров заимствования.

Кроме металлов, которых в Европе больше, чем в Азии, финикийцы везли на восток еще не виданный там камень—*янтарь*. Эта окаменевшая прозрачная смола встречается только на берегу Балтийского моря. Так далеко не забирались сами финикийцы; они получали янтарь с северных берегов Средиземного моря, куда в свою очередь европейцы подвозили им товар сухим путем.

Финикийцы очень хотели добраться до Аравийского залива, чтобы морем пускаться в далекую Индию. Для этого нужно было вступить в дружбу с царями Ирава, владения которых простирались от Финикии до Аравийского залива. Тирский царь Хирам заключил союз с Давидом, могущественным воителем и объединителем Ирава. Сын Давида, Соломон, задумав строить храм Богу Израиля в Иерусалиме, отправил посольство к Хираму, чтобы договориться о доставке материала и о рабочих. Соломон просил: «вели срубить для меня кедры в Ливанских горах, и пусть твои рабочие присоединятся к моим; а я заплачу твоим рабочим, сколько ты определишь».

Поездки и торговля финикий. Обрат. внимание на сухопутные торговые дороги и на местонахождение металлов.

Ведь ты знаешь, что между нами никто не умеет так обделывать строительное дерево, как ваши сидонийцы». Хирам согласился доставлять Соломону кедр и кипарис; финикийские рабочие погрузят лес на илоты и провезут их морем до того места, какое укажет иерусалимский царь. За эту услугу Хирам просит Соломона прислать ему съестные припасы на прокормление своего двора: и Соломон доставил 20.000 четвертей пшеницы и 20.000 мер оливкового масла.

Ассирияне против Израиля и Финикии. Никогда еще жители Ханаана и Финикии не достигали такого богатства, как при царях

Соломоне и Хираме. Можно представить себе, как разгорелась жадность ассирийских завоевателей; их манили цветущие поля и сады Сирии и Иорданской долины, сокровища Иерусалима, Тира и Сидона; они соображали, как бы захватить в свои руки корабли, которые торгуют с далеким западом.

После смерти Соломона большое царство, основанное Давидом, распалось; сын Соломона, Ровоам, сохранил только Иеру-

Египетская Фивы. Старинные Латинские
споропись. буквы. греческие.

Σ	Α	Δ	Α
Π	Β	Ε	Ε
Λ	Γ	Λ	Λ
Ζ	Υ	Μ	Μ
Ξ	Ψ	Ξ	Ξ

салим и власть над двумя южными коленами (*иудейское царство*); весь север, 10 колен отделились от него, под именем *израильского царства* и провозгласили особого царя.

Когда подвинулся с востока ассирийский царь Салманассар, царь израильский Иеуи выразил ему полную покорность. Ассирийский победный обелиск изображает Иеуи повергнутым лиц на землю перед верховным властителем; слова поясняют: «поцеловал ноги царя и вымел землю своей бородой». Салманассар прошел к берегу Финикии, разграбил несколько городов и велел поставить надписи о своих победах рядом с камнем фараона Рамзеса II; так же как египтянин, ассирийский царь объявил себя *властителем всей Азии*.

Ассирияне не удовлетвоались покорностью израильтян. Воинственный Саргон взял крепкую *Самарию*, столицу израильских царей, разрушил ее до основания, а большую часть населения обратил в рабов и увел в плен (в 722 году до Р. Х.). Израильтян поселили далеко от их родины, на восточной границе Ассирии за Тигром: они должны были обрабатывать поля, готовить ткани и оружие для своих господ. На их место победитель водворял выходцев из Месо-

потамии: это—позднейшие *самаряне*, которых так презирали потом иудеи.

Иудейский царь в Иерусалиме спасся только тем, что выразил полную покорность ассириянам: он послал ассирийскому царю 300 талантов серебра, 30 талантов золота, драгоценные камни, мебель из слоновой кости, изделия из ценного дерева, своих дочерей и придворных служанок.

Величие и падение Ассирии. Саргон был не царского рода. Его возвели на престол солдаты, взбунтовавшиеся против прежнего царя

Выпуклая картина на обелиске Салманассара II: Иеуй, царь израильский, преклоняется перед ассирийским завоевателем.

и убившие его. Сделавшись царем, Саргон захотел освободиться от беспокойного воинства, которое дало ему власть. Он покинул старый город *Ассур*, где стояла главная армия, и перенес столицу в *Ниневию*, выше по Тигру. Еще дальше в горах Саргон выстроил укрепленный замок. Это и есть нынешний Хорсабад, где Ботта и Лейярд нашли столько великолепных памятников.

Последним могущественным царем Ассирии был Ассурбанипал. Ему подчинялось не только все Двуречье, Сирия, Финикия и Палестина; одно время ему принадлежал также Египет: ассирийский гарнизон стоял в Мемфисе.

Ассурбанипал почитал старину и возвратил вавилонским жрецам древние изображения богов, которые увезли из Вавилона его беспощадные предшественники. Он велел собрать для своей придворной библиотеки старинные книги, в которых были записаны молитвы, астрономические вычисления, сказания о богах и героях. Часть этих книг была составлена на сумерском языке, которого в это время никто не понимал. Ассурбанипал поручил ученым написать к сумерским

книгам переводы и толкования; для изучения сумерского языка ученые должны были приготовить грамматики и словари. Лейярд первый напал на следы большой библиотеки Ассурбанипала. Несколько десятков тысяч глиняных дощечек из этой библиотеки находятся теперь в Британском Музее: мы знаем из них вавилонские сказания о Гильгамеше, о сотворении мира, о потопе и др.

Пророк Софония сказал: «Господь уничтожит Ассирию и превратит прекрасный город Ниневию в пустыню, в дикий край, где нет дороги». Что же могло предвещать гибель такой сильной державы?

Ассирийский царь повелевал над большой силой воинов, но в непрерывных походах их погибало больше, чем можно было потом вновь набрать. Противники перенимали те способы войны, в которых ассирийцы были мастерами, и уже прежнего перевеса не оказывалось на стороне Ассирии. Накопленные завоевателями сокровища не могли спасти державу: они служили только приманкой для врагов.

Во времена Ассурбанипала два врага стали грозить ассирийской державе: с севера *мидяне*, горцы арийского племени, пришедшие из глубины Азии; с юга *халдеи*, кочевники семитского племени. Мидяне завладели теми горными рудниками, которые принадлежали когда-то Ванскому царству. Их отделяли теперь от Ниневии несколько дней перехода; они легко могли спуститься к Тигру через горный перевал у города *Арбелы*, где и сейчас идет дорога из Персии в Азиатскую Турцию. Халдеи в это время пододвинули свои шатры из пустыни к Евфрату. Они заняли весь Сенаар и завладели Вавилоном.

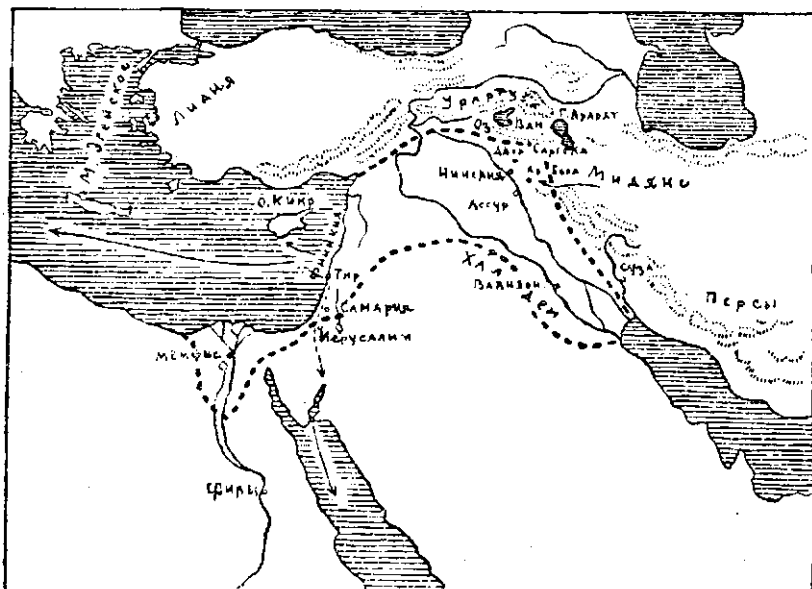
Мидяне и халдеи, горцы и степняки, сговорились напасть на Ассирию. Мидяне надвинулись с гор и осадили ассирийского царя в Ниневии. Никто не сохранил рассказа о гибели огромной столицы Ассирии. У греков потом было предание, что последний царь, человек ленивый и неспособный, в виду неминуемого конца, велел сложить на костре все свои сокровища, взошел на него сам и погиб в пламени.

Халдейское царство в Вавилоне. Мидяне и халдеи разделили между собою Двуречье: мидяне взяли себе течение Тигра, халдеи — Евфрата.

Халдейский царь Навуходоносор утвердился в Вавилоне. У него были замыслы ассирийских завоевателей. Вверх по великой реке он направился к берегу Средиземного моря, на захват Иудейского царства и Финикии. Когда Навуходоносор подступил к Иерусалиму, иудейский царь, рассчитывая на помощь египетского фараона, отказался сдаться. Напрасно пророк Иеримия предостерегал не обманываться и не ждать избавления. «Не обманывайте себя сами, говоря:

уйдут и оставят нас халдеи—потому что они не оставят нас. Если бы вы даже разбили всю армию халдеев, которая сражается против вас и осталось из них несколько рабелых, эти самые люди, каждый из своей палатки, поднялись бы и сожгли наш город огнем». Пророка не послушали и бросили в тюрьму.

После долгой осады Навуходоносор взял Иерусалим (в 586 г. до Р. Х.) и поступил с иудейским царством так же, как раньше Саргон с израильским: разрушил город и храм, унес в Вавилон все сокровища и святыни; перебил сыновей царя Седекии, выколол ему

Ассирийская держава при Ассурбанипале.

глаза и увел в плен вместе с большей частью иудейского народа. Это—начало *великого вавилонского пленения*.

От Иерусалима Навуходоносор обратился к другому непокорному городу, финикийскому Тиру. Пророк к этому богатому городу, созданному смелыми мореходами, предсказал гибель. «Войдите вы, пловцы в Тарсис! Наступит жестокое разорение, и ни один дом, ни одно убежище не уцелеет. Смолкните, жители берега, оживленного купцами, которые возли по великому морю жатву нильскую на продажу всем народам. Египет задрожит, когда услышит весть об этом. Бегите, переселяйтесь в Тарсис!—Где ваш город, полный радости? Кто решил судьбу Тира, раздававшего короны, купцы кото-

рого были князьями, а торговцы—самыми могущественными людьми на земле? Вопите, плавайте в Тарсис, гибель крепости вашей!»

Часть Тира лежала на острове, и взять этот город было очень трудно. Тринадцать лет осаждали его халдеи; наконец Тир был взят, и его постигла та же судьба, что Иерусалим.

Навуходоносор хотел снова возродить Вавилон и сделать его на место Ниневии столицей всей Азии. На привезенные из Иерусалима и Тира богатства он стал строить новый большой храм вавилонскому богу Мардуку. От роскоши этого храма сохранился небольшой, но ценный обломок. Есть в Берлинском Музее великолепный цветной камень, опикс, на котором изображена голова воителя, а кругом вырезана клинообразная надпись: «Мардуку, господину своему, посвятил этот камень для сохранения своей жизни Навуходоносор, царь вавилонский». Камень этот, вероятно, был глазом статуи Мардука; европейцы нашли и другой глаз, опикс с такой же надписью, но без изображения лица (хранится в Гаагском музее). Гравированная на Берлинском камне голова однако не есть портрет Навуходоносора; гораздо позднее опиксом воспользовался какой-то греческий вожь и велел на нем вырезать черты лица своего.

Пророк Даниил изобразил Навуходоносора наверху его славы и незадолго до падения Халдейского царства. Царь прогуливается по террасе своего дворца в Вавилоне и восклицает: «не это-ли Вавилон, великий город, который я выстроил столпцей моего царства, во всем величии могущества моего и на славу моего государства?!»

Этому величию наступил конец очень скоро. После смерти Навуходоносора за восточными горами составилось большое государство *персов*, родственных мидянам. Под начальством Кира персы захватили Вавилон и уничтожили царство халдеев.

Как случилось, что погибли один за другим крупнейшие города Передней Азии, и кто такие были новые завоеватели?—Народы семитские, основавшие Вавилон, Ниневию, Иерусалим, Тир, не сумели ужиться в согласии между собою. Они ожесточенно истребляли друг друга, победитель беспощадно разорял страну побежденного. В этих войнах весь народ израильский был согнан со своей земли и переселен на чужбину. Семиты, вышедшие из степей, так обессилены, что должны были уступить господство в Передней Азии горцам надвинувшимся с севера и востока.

Арийцы. Новые народы принадлежали к большому племени, которое называло себя *арья*, т.-е. благородные, господа. Арья, или как мы говорим, арийцы, долго кочевали на высоких плоскогорьях Средней Азии. Потом они разделились на две группы. Одни спусти-

лись в равнину Пятиречья, т.-е. Инда и его притоков: от них происходят пынешние высокорослые, смуглые, красивые *индусы*. Другие, между ними мидяне и персы, двинулись на запад и заняли долины и горные склоны большого Иранского плоскогорья; пынешние персы до сих пор живут на тех местах, где поселились их предки.

К арийцам и по наружности, и по языку близки европейцы, греки, римляне, германцы, славяне; иногда арийцев и европейцев вместе называют *индо-европейцами*. Есть слова, которые встречаются во всех индо-европейских языках от Индостана до Атлантического океана: наприм. наше *иго* (т.-е. ярмо, в которое впрягают пашущих быков) будет по-древнеиндусски *jugam* (югам), по-латыни, т.-е. на языке римлян, *jugum*, по-литовски *jungas*, по-древнегермански *juk* и по-гречески *zugon* (зигон). Очень старинные слова, то же встречающиеся у многих индоевропейских народов,—мед, плуг, орать (в смысле пахать, по-латыни *arare*). У всех найдем одинаковые слова для обозначения родства: мать, брат (по-латыни и по-гречески *mater*, *meter*, *frater*); отец по-латыни и по-гречески *pater*, по-древнеиндусски *pitar*.

Главное богатство старинных арийцев составлял скот; важнейшей пищей было мясо и молоко; поэтому рогатый скот считался подателем всяких благ людям. Кочуя в степях Средней Азии, арийцы первые приручили дикую лошадь и первые стали применять ее в упряжь и для верховой езды. Конь, быки и коровы занимают большое место в их сказаниях. Солнце летит в колеснице, запряженной быстрыми конями или само есть огненный конь. Существовал обычай держать особых священных коней и в важных случаях гадать по их поступку или их ржанью.

Сказание о светлом небесном боге говорит, что темные, злые духи увели у него чудесную корову; он гонится за ними и отбивает похищенное животное. Этот светлый бог (старинное его имя Индра)—обладатель молний. По другому сказанию черное чудовище (туча) спрятало похищенное у него золотое облако в скалу; бог разбивает камень молнией и громом и освобождает влагу, которая обильными потоками низвергается с гор и напояет жаждущую землю. Огненной стрелой летит молния вниз, и в огне выходит сила светлого бога на земле; поэтому арийцы почитают *огонь*; в домашнем очаге огонь должен гореть неугасимо, от этого зависит благополучие дома. Человек должен помогать богу в его борьбе с чудовищами; для придания силы божеству готовится особый опьяняющий напиток *сома*.

Представления о загробной жизни у арийцев очень похожи на то, что мы встречаем у египтян. По верованию арийцев, дух после

смерти улетает в неведомый край, а тело считается нечистым; покойника упосят в пустыню и предадут на растерзание волкам, шакалам и собакам; собака у арийцев—священное животное: так как она уничтожает тело, то считается проводником умершего на тот свет. Существовал обычай подводить к умершему собаку, чтобы она взглянула на него глазом смерти.

Иранцы. Описанные обычаи частью сохранились у тех арийцев, которые заняли Иранское плоскогорье.

Иран охватывает нынешнюю Персию, Афганистан, Белуджистан, южный Туркестан. Это огромный край, в длину от Ниневии до Инда около 2000 верст, но обитаема только незначительная часть его. Вся середина и юго-восток Ирана—солончаки и пустыня. Можно жить только на склонах гор, окаймляющих Иран: 1) в северо-восточном углу по течению рек Сыр- и Аму-Дарьи; это—древняя *Бактрия*, а нынешний наш Туркестан (город Самарканд—древний *Мараканда*); 2) в северо-западном углу; здесь и жили мидяне, их главный город *Экбатана*, на запад от Тегерана, нынешней столицы Персии; 3) в юго-западном углу близ Персидского залива, здесь жили персы (главный город—*Персеполь*).

Геродот видел близко персов и знал немного по-персидски. Он описывает нравы персов в то время, когда они уже стали господами всей Азии. По его мнению, никто так не склонен переимывать чужое, как персы; у мидян они заимствовали платье, потому что оно показалось им более красивым, у египтян—панцыри. И все-таки у них сохранилось много старых обычаев. Персы не допускают никакой лжи; ложь—худший порок. Мальчиков учат только трем вещам: ездить верхом, стрелять из лука, говорить правду. Каждый должен сам справляться со своим хозяйством. Большой позор задолжать, между прочим, потому, что должнику приходится лгать, изворачиваться. У персов почитаются люди многодетные; у кого больше всего детей, тот получает ежегодно от царя подарок. Персы очень любят пить вино; у них обычай обсуждать важные дела во время пиршества: хозяин дома, где они собирались, предлагает им на другой день опять обдумать то, что они решили напившись.

Геродота поражает вера персов, столь непохожая на греческую, вавилонскую и египетскую. Персы не воздвигают ни храмов, ни алтарей, ни статуй богов и даже осуждают эти обычаи, считая их недепостью: «я думаю,—говорит Геродот,—потому что они не считают, подобно грекам, богов похожими на людей». Геродот чувствует, что у персов более возвышенное представление о божестве. Они приносят жертвы высшему богу на вершинах гор и озирают при этом весь пе-

Бесный свод: он и есть для них Бог. Когда приносятся жертвы, тут нет ни огня, ни возлияний, ни музыки, ни цветочных гирлянд, не сыплют священного зерна. Все обходится строго и просто: приносящий жертву, надевает миртовый венок и зовет мага (жреца); жертвенное животное разрезают на части и мясо варится с травами; маг поет при этом песнь о божьестворении. Без мага нельзя приносить жертву. Маги во всем отличаются от других людей. Они не похожи на египетских жрецов. Те не убивают ничего живого, кроме жертв на алтаре, а маги, напротив, сами убивают всех, кроме людей и собак, а главное они стараются истреблять змей и насекомых.

Погребальные обычаи у персов держатся втайне; иностранец догадывается, что хоронят трупы лишь после того, как их терзали хищные птицы и собаки. Сначала умершего покрывают воском, а потом уже предают земле.

Многие из персидских обычаев, о которых рассказывает Геродот, напоминают старинные нравы арийцев, напр., почитание небесного бога и погребение мертвых. Обычай вдохновляться для решения дел вином похож на приготовление хмельного напитка сома, который даст небесному богу чудесную силу.

Персы во многом сохранили простоту прежнего быта горцев, но в многом они изменились с тех пор, как стали господами над другими. Геродот поражает чиновничество персов: когда встречаются на улице люди, равные по званию, они целуются в уста; но человек низший, при встрече с высшим, должен броситься передним на землю. Персы не сомневаются в том, что они лучше всех людей, и что они призваны над всеми господствовать.

Завоевания Кира и Камбиза. Скоро после смерти Навуходоносор у персов появился замечательный воевода Кир, в греческом произношении Кирокс. Он подчинил персам всех арийцев, живших на Иране.

До Кира мидяне, завоевавшие Вавилонию, были первым народом в Азии. Мидийский царь Астиаг выдал свою дочь за правителя Персии; их сын и был Кир; Геродот рассказывает, что Астиаг видел страшные сны перед рождением внука: то всю Азию заливал великий потоп; то вырастает громадная лоза, закрывающая все страны. Мидийский царь решил убить новорожденного Кира; но приближенные обманули Астиага, мальчик остался невредим и вырос среди пастухов; прошел слух, что его выкормила собака, священный зверь арийцев. Кир потом стал во главе персов, победил своего деда, лишил его престола, но оставил его в живых.

После победы над мидянами, Кир принадлежала вся страна

от Инда, Туркестана и Персидского залива до верховьев Евфрата. Он владел железными рудниками старинного Ванского царства. В это время на Малоазийском полуострове за Тавром, в прежней стране хетитов было *Лидийское* царство. Правитель Лидии, Крез дружил с греками и был известен своим богатством. Кир надвинулся на Лидию и взял столицу Креза, *Сарды*, лежавшую близ выхода к Эгейскому морю. Когда Крез хотел погибнуть на костре тою же смертью, как последний царь Ассирии, Кир пощадил его и отправил в ссылку в далекий край к Каспийскому морю.

Владения Кира дошли теперь до Эгейского моря. Все горцы, которые прежде и в одиночку были страшны жителям Дуручья, объединились в одну грозную силу. Как могли им сопротивляться халдеи в Вавилоне?

Преемник Навуходоносор, Набонид, в ужасе перед Киром, заперся в стенах Вавилона и, для спасения своего, велел привезти к себе все изображения богов, которые почитались в других городах. Но это принесло ему еще скорее гибель. Ограбленные, лишенные своих святынь, жители Сенаара сами позвали Кира; в Вавилоне крепцы открыли ему ворота. Исполнились слова, которые вавилонский царь увидал на стене дворцового зала в огненных знаках, и которые объяснил ему пудейский пророк: мене, мене, тежел, уфарсин, т.-е. Бог *сочитал* дни твоего царства, *взвесил* его и *разделил* между персами (уфарсин имеет двойной смысл: «разделить» и «между персами»).

Кир выбрал Вавилон столицей своего громадного царства, которое простиралось теперь от Средней Азии до Средиземного моря. Он стал так писать свой титул: «Я Кир, царь народов, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь четырех стран света».

Сын Кира, Камбиз предпринял поход на Египет. Фараон Псамменит выставил против него греческих воинов, прибывших морем к устью Нила и нававшихся на службу в Египте. Но предводитель греков, Фанес, родом из Галикарнаса, т.-е. земляк Геродота, расфюрился с фараоном и перешел на сторону Камбиза. Фанес указал персам пути через безводную пустыню, отделяющую Египет от Азии, и посоветовал заключить союз со степными арабами, которые доставили воду персидскому войску. Когда греческие наемники увидали во вражеском войске изменившего им Фанеса, они ему отомстили следующим жестоким образом: схватили двух его сыновей, убили на глазах отца, смешали их кровь с вином, и выпив этот ужасный напиток, ринулись в бой. Персы разбили войско фараона; Камбиз вступил в Мемфис и занял всю Нильскую долину.

Кир и Камбиз были различного характера. Геродот изображает Кира великодушным человеком; он пощадил побежденных противников, Астиага и Креза. К людям другой веры Кир не выказывал вражды. Он позволил иудеям, уведённым в плен при Навуходоносоре, вернуться на родину и восстановить

разрушенный храм. При этом Кир возвратил иудеям священные сосуды, числом 5400, которые Навуходоносор похитил из иерусалимского храма, увез в Вавилон и поставил в святилище Мардука.

Камбиз, напротив, показал в Египте презрение к чужим обычаям. Он сжег мумию фараона Амазиса, только что похороненного перед нашествием персов, и совершил этим великое святотатство в глазах египтян. Жадный до золота, он повел свое войско в Нубию, а один отряд отправил в оаз Сахары за сокровищами бога Амона. Царю пришлось вернуться, так как воины его стали голодать в пустыне, а отряд, посланный в оаз, потерял дорогу и был засыпан песками. Ярости Камбиза не было границ; возвращаясь в Мемфис, он вдобавок еще застал египтян среди праздника; они радовались нахождению нового Аписа, вели его в гирляндах в храм. Камбиз вообразил, что египтяне в восторге от его неудачи, позвал жрецов, велел их бичевать и собственноручно заколол Аписа.

Камень, найденный в развалинах персидского города Пасаргады, изображает царя или бога в египетской короне и ассирийском одеянии; прежде считался портретом Кира.

Поход Дария на скифов. Третий царь персидский, Дарий, хотел владеть *всем светом*. Ему были подчинены финикияне, и он мог потребовать от них доставки всех товаров, которые они добывали на далеком западе. Ему были подчинены греки, жившие в Малой Азии и на островах Эгейского моря; царь собирался покорить остальных греков, живших на Балканском полуострове. Но у Дария была еще

одна забота: смирить многочисленных кочевников скифов, живших по другую сторону Черного моря в нынешней южной России; они досаждали персам своими набегами, появляясь или из-за Кавказских гор, или с равнин Туркестана.

Геродот подробно рассказывает поход Дария в Скифию, описывает страну и ее население. Персидский царь двинулся с большим войском через Малую Азию к Босфорскому проливу, чтобы переправиться в Европу и обойти кругом Черное море (по-гречески *Понт*).

Пока войска переходили по мосту, который искусно построил грек Мандрокл из Самоса, Дарий доехал по проливу до скал, выдававшихся в Черное море с азиатской и европейской стороны; царь сел у святилища бога-подателя попутного ветра и долго смотрел вперед на море «да его и стоит посмотреть» — прибавляет Геродот: громадное, без островов, оно имеет только один узкий выход; в свою очередь к Черному морю имеет тоже узкий выход питающее его водой *Мэотийское озеро* (Азовское море). В память о своем походе Дарий велел воздвигнуть два обелиска из белого камня, с надписью клянно-образными и греческими знаками: здесь были перечислены отряды его войска и корабли.

Через Фракию (нынешнюю Болгарию) добрался Дарий до Истра (Дуная). Для переправы опять был выведен мост через «горло» Дуная, там, где он расходится на рукава. Тут уже начинается страна скифов.

Страна и нравы скифов по Геродоту. В этой земле нет никаких чудес, говорит Геродот, кроме ее громадных и многочисленных рек. Да еще у реки *Тиры* (Днестра) показывают в скале след ступни Геракла (греческого богатыря). Из рек нет лучше *Борисфена* (Днепра): вода в нем для питья очень вкусна, сам он чистый, хотя притоки полны ипомы; в нем очень много превосходной рыбы. На его заливных берегах чудесные луга и пастбища, а на других растет лучшая в свете пшеница; около устья отлагаются большие кучи соли (это Геродот описывает лиманы).

В стране скифов очень холодно: в течение 8 месяцев — зима, которую южанам не может переносить. Часто идет снег; бывает такая метель, что ничего не видно, точно весь воздух наполнен пухом и перьями.

Поселения скифов начинаются у греческого города *Ольвии* (на низовьях Буга, впадающего в Днепровский лиман). Тут живут скифы мирные, которые пахут землю. Дальше, между Борисфеном, Мэотийским озером и *Танаисом* (Доном) на необозримых безлесных степях кочуют дикие скифы; их больше всего числом, они считают остальных своими рабами. В жизни диких скифов самое замечатель-

ное то, что их никто не может уловить, и никто не уйдет невредим, если вздумает на них напасть. У них нет ни городов, ни крепостей; они питаются от своих стад, живут в шатрах, а воинство состоит из верховых стрелков.

В этом народе много кровожадности. Скиф пьет кровь первого врага, которого ему удастся убить. Головы убитых скифы приносят своему царю и по числу голов получают награду. Скиф снимает с убитого скальпель и привешивает его к узде лошади; чем больше у него скальпелей, тем больше к нему уважения. Из отрубленных рук делают колчаны; черепа покрывают позолотой и употребляют в виде чаши для питья. Главные жертвы приносят скифы богу войны. Они наваливают огромные кучи хвороста в виде покато́й горы и на вершине ее водружают железный меч: это и есть изображение бога. Перед ним закалывают рогатый скот и лошадей, а также пленников, взятых на войне.

Когда царь заболест, к нему зовут гадателей. Они обыкновенно объясняют болезнь тем, что кто-нибудь ложно поклялся очагом царским, и называют виновного. Призывают того, кого указали гадатели, и еще новых гадателей. Если новые гадатели назвали того же человека, его ведут на казнь; если они оправдали его и назвали другого, на казнь отправляют первых гадателей.

Если двое заключают братский союз и клянутся в верности друг другу, то наблюдается следующий обычай. В большой глиняный чаш наливают вина, и туда же каждый из приносящих клятву кропит своей крови, надрезав пожом себе руку; в чаш опускают меч, копье, секиру и стрелу; потом громко произносят клятву и выпивают смесь крови и вина.

Когда умирает царь, его воины обрезают уши, бреют головы, расцарапывают до крови нос и лоб, протыкают стрелой левую руку. Набальзамованное тело умершего везут далеко на север: могилы скифских царей помещаются у верхнего Днестра там, где по реке больше нельзя проехать. Для погребения роют сначала большую четырехугольную яму; труп кладут на ковер, втыкают по обе стороны копья, покрывают шатром из хвороста. На могиле убивают и кладут рядом одну из жен умершего царя, а также виночерпия, повара, кошоха, ближнего слугу и постыжника; кладут золотые чаши. Сверху насыпают курган; тут все работают наперерыв, чтобы сделать холм повыше.

Через год на могиле новая тризна. Убивают пятьдесят вернейших слуг умершего царя и пятьдесят лучших лошадей. Из лошадиных туш вынимают внутренности, набивают чучела соломой и, наса-

див на шести, прикрепляют к земле большим полукругом; на мертвых коней сажают убитых слуг; соорудив эту страшную конницу вокруг могилы, они уходят.

Из растений Скифии всего замечательнее Геродоту кажется конопля. Семя конопляное скифы сыплют на раскаленные камни, поднимается такой дым, что и в бане никогда такого не бывает: скифы от восторга режут дикими голосами; это и есть их баня, так как в воде они никогда не моются.

Возвращение Дария из Скифии. Скифы оказались действительно неуловимыми для врага, пришедшего в их страну. Дарий перешел и Днестр, и Буг, и Днепр, и все не было встречи со скифами: жен и детей они отправили с имуществом на север, а сами на своих конях убегали перед персами все дальше и дальше на восток, завлекая врага в степь, где не было никаких дорог, при чем они засыпали конодцы, чтобы враг погибал от жажды.

Дарий отправил, наконец, царю скифскому Идантирсу требование: или подчиниться и прислать в знак покорности земли и воды, или дать сражение. Скиф ответил: «мы вас не боимся; если хотите узнать нашу силу, попробуйте напасть на могилы наших отцов». Когда Дарий возобновил требование, скифы ответили такой загадкой: прислали мышь, лягушку, птицу и 5 стрел. Долго недоумевали персы, какой бы это могло иметь смысл, пока один из них, Гобрий, не дал объяснения: «если вы, персы, не полетите птицами, не скроетесь в землю, как мыши, и не попрыгаете в воду, как лягушки, — не вернуться вам домой, а погибнуть от этих стрел».

Пришлось персам возвращаться из голой опустошенной страны. Новая беда чуть не потрясла над ними. Скифы на своих конях скорее доскакали до моста через Дунай, чем добралось до него пешее войско персов. Скифы стали убеждать греков, которые стерегли мост, сломать его и этим погубить Дария. Некоторые из греков колебались, между ними афинянин Мильтиад, но большинство решило сохранить верность персидскому царю, и он был спасен.

Возвращаясь домой, Дарий оставил в Европе начальником военных сил Мегабаз, перса, которому он больше всего доверял. При дворе персидском рассказывали, каких милостивых слов удостоился однажды Мегабаз. Дарий собирался раз кушать гранат, а его брат Артабан спросил: «чего бы он хотел иметь в персидском государстве так же много, как в гранате зерен?» Дарий ответил: «лучше мне иметь столько Мегабазов в Персии, чем властвовать над греками».

Не всегда можно было доверять искренности персидского властителя: он позволял себе нередко плохие шутки с придворными.

Отправляясь в поход на скифов, Дарий потребовал на войну всех трех сыновей старого перса Ойобаза. Старик просил оставить при нем хоть одного. Дарий ответил: «так как ты мне друг, и просьба твоя скромна, я оставлю всех сыновей». Ойобаз пришел в восторг, уверенный, что всех сыновей освободят от участия в походе. Но Дарий велел своим людям убить всех сыновей Ойобаза; царь буквально исполнил просьбу отца: они все остались на месте.

Устройство персидского государства. Дарий получил в свои руки государство, которое простиралось от Сахары до Индии и от морей Черного и Каспийского до заливов Аравийского и Персидского. Царь считал, что «Агурамазда, верховный бог, сделал его господином над всей великой землей, над многими странами и языками, над горами и равнинами по ту и по сю сторону моря, по ту и по сю сторону пустыни».

Каждой из покоренных стран Дарий назначил взносы в царскую казну золотом и серебром. Персы умели со всего взять свою пользу. Геродот рассказывает следующее. В одной из восточных областей (около нынешней Хивы) есть обширная хлебородная равнина, орошаемая пятью рукавами большой реки, которые прорываются из гор пятью ущельями. В ущельях сделаны шлюзы, заграждающие путь воде, и персы держат шлюзы запертыми. Так как летом в стране нет дождей, то от заграждения воды ей грозит неурожай и голод; и вот каждый год все население края, мужчины и женщины, идут в столицу, становятся у ворот дворца и поднимают великий плач и стон. Их заставляют немало подождать; наконец, царь велит по очереди отпирать шлюзы тем, кому всего нужнее вода, и потом опять запирает. Но это делается не даром; надо заплатить в казну много золота.

Драгоценный металл царь собирал в своих кладовых следующим образом. Золото расплавляли и вливали в большие глиняные чаны; потом глину разбивали и расставляли в кладовой золотые слитки. Всякий раз, когда царю нужно было сделать расход, от слитков отбивали, сколько потребуется. Дарий велел еще чеканить из своего золота монету; на ней было изображение царя, пускающего стрелу; греки звали персидскую монету по его имени *дарейком*.

Некоторые страны должны были доставлять предметы, живность и слуг на царский двор и войско. Из Малой Азии присылали 360 белых коней. Нубийцы обязаны были прислать 200 стволов черного дерева и 20 больших слоновых клыков. От арабов поступало ежегодно 1000 талантов ладана. Колхида (нынешняя Грузия) присылала 200 молодых рабов и рабынь.

Персы считались господами земли, и с них не брали дани; но они должны были все отбывать военную службу. Сынtimer>ья знатных персов воспитывались при дворе «у царских врат», как говорили там; они составляли потом особую дружину при царе. В персидском войске был отряд 10.000 «бессмертных». Это название означало следующее. Как только кто-нибудь из них заболит или выбудет из строя, сейчас же на замену его вступает новый воин, и их никогда не бывает ни больше ни меньше 10.000. За этими лучшими воинами очень ухаживают: их оружие и одежда блестит золотом; в походе за ними едут экипажи с их женами и многочисленными слугами; воины других племен везут для них припасы на верблюдах и вьючных животных.

Дарий разделил государство на 20 областей; в каждую область посылался *сатрап* (наместник) из знатных персов. Сатрап покупал свою должность у царя; платил перед отъездом большую сумму в казну, а потом из области своей посылал подарки ко двору. Он спешил собрать деньги с населения области, чтобы покрыть все свои траты. Сатрап не получал от царя жалованья. Сам он, его семья, слуги и воины кормились от страны; т. е. получали жилища и припасы от населения. У царя не было полного доверия к сатрапам; при дворе постоянно боялись, что наместник, особенно в далекой области, проявит непокорство и сделается самостоятельным государем. Поэтому за наместником следили невидимые «уши государевы». Внезапно наезжал с отрядом войска посланный царем ревизор: сатрапа, который оказался негодным двору, вызывали в столицу; тут его могло ожидать заключение и казнь.

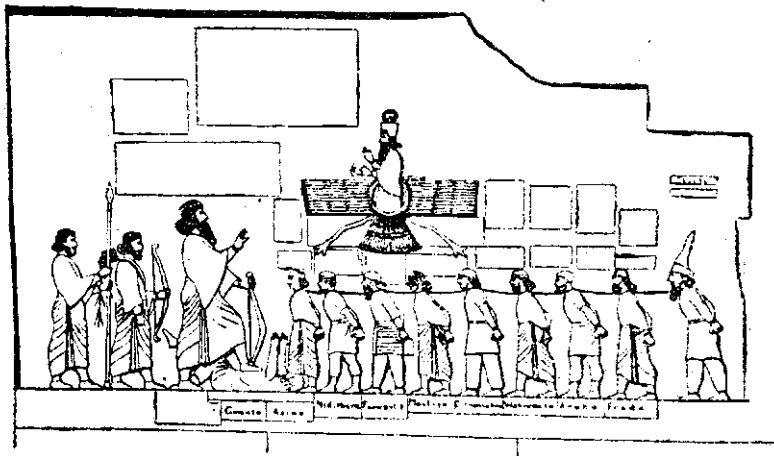
Для надзора за сатрапами, для передачи царских приказов была устроена почта. Персы провели великолепную дорогу от царской столицы Сузы до малоазийского города Сард, лежавшего близ Эгейского моря. Дорога шла сначала на север вдоль р. Тигра, потом поворачивала на запад через горную Армению, пересекала верховья Тигра и Евфрата и проходила старинной областью хетитов. Сре-

Воин гвардии персидского царя.

ли неровной горной местности дорога представляла гладкое, хорошо вымощенное шоссе; на высоких каменных арках ставили мосты через пропасти. Частным лицам не позволялось ездить по дороге; по ней скакали только царские курьеры, меняя лошадей на станциях или передавая грамоты из рук в руки.

Царь жил по старым обычаям кочевников. Три раза в году он переезжал со своим огромным двором, который при нем кормился: зимой резиденция была в Вавилоне, летом в Экбатане, в горах Мидии, и осенью в Сузе. За царем всюду возили воду из реки Хоаспа (на котором стоит Суза), потому что другой воды царь не пил: длинный обоз четырехколесных телег, запряженных мулами, был нагружен серебряной царской посудой, в которой хранилась эта вода.

Картина, высеченная в Бегистунской скале. Дарий, в знак победы над мятежниками, наступил ногой на ближнего, поверженного на землю; другим он показывает рукой, что пощады не будет. В воздухе реет высший бог Агурамазда. Позади царя двое придворных.

5. Героический век в Греции.

Европейская Греция. Греков мы встречали и в Египте, и в Палестине, и в Малой Азии, и на северном берегу Черного моря. Они были, где морскими разбойниками, где воинами на службе чужого царя, где торговцами. Так же, как финикийцы, греки раскинули свои поселения в разных концах света. Так же как финикийцы, многие греки покидали свою родину, потому что в ней было бедно и тесно беспокойному, предприимчивому народу. Посмотрим, каков был тот край Европы, откуда они выходили.

Греция, или *Эллада*, составляет южную узкую часть Балканского полуострова, омываемую с трех сторон морем. Греки появились сначала на севере полуострова и уже потом заселили одну за другой приморские южные области. Пойдем по их пути также с севера, от *Македонии*.

С самого начала надо перебираться через крутые горные хребты. В восточном углу Северной Греции, у *Эгейского* моря, поднимается высокий кряж *Олимпа*, на котором и летом лежит снег. Обойти гору можно только через узкое ущелье реки *Пенея*, впадающей в море: вверх по этой реке лежит плодородная широкая долина *Фессалии*. Горная цепь *Пинд*, составляющая точно спинной хребет Греции, отделяет Фессалию от *Эпира* (нынешней Албании). Эпир прилегает к западному берегу, *Ионийскому*, но берег его недоступен, гаваней здесь нет и узкие горные долины страны не имеют выхода к морю. В Эпире немного населения; загороженные от остального света, жители Эпира остались дикими скотоводами и охотниками.

Из Фессалии опять выход на юг загорожен кряжем *Эта*; только узкая полоска земли у моря открывает путь дальше; здесь бьют горячие целебные источники; проход называется *Фермопилами* (ворота горячих вод). За Фермопилами лежит, к Пинду, поперек, Средняя Греция. Весь ее западный край—такая же бедная гористая страна, как Эпир, к которому она прилегает. Прямо против Фермопил—

гора Парнасс, а у подножия ее знаменитый горный храм *Дельфы*. Но, если повернуть от Фермопил на восток, то скоро откроется плодородная равнина *Беотии*. За нею опять поднимается плоскогорье *Аттика*; на склонах ее холмов нельзя сеять хлеб, но хорошо растет виноград и оливка. *Аттика* (гл. город—Афины) кончается на востоке острым углом, далеко выдавшимся в море.

В том месте, где Беотия граничит с Атикой, к юго-востоку отделяется от Средней Греции *Коринфский* перешеек, называемый так по городу Коринфу, лежащему на его южном краю. Коринфским называется и залив, который глубоко вдается с запада между Средней Грецией и южной оконечностью полуострова.

Эта южная часть, в которую мы вступаем с перешейка, нынешняя Морея, называлась *Пелопоннесом*, т.е. островом Пелопса (одного из старинных героев). Действительно, южная Греция—почти остров; она отовсюду окружена морем и с остальной Грецией связана только вышеупомянутым перешейком в $3\frac{1}{2}$ версты ширины.

Пелопоннес—опять горная страна. Сказание говорит, что Бог, пролетая над этим краем, выронил кучу больших камней; оттого так столпились горы. Середина Пелопоннеса—дикая местность *Аркадия*; тут замечательные озера в горных котловинах, из которых по временам вся вода уходит куда-то вглубь. На востоке от нее гористый выступ, выдавшийся в море вроде Атики; это—*Аргонида*. На юге две цветущие долины, разделенные снежным хребтом: *Лаконика* и *Мессения*.

Все названные области очень невелики: часто область состоит из одной долины с выходом к морю, загороженной от соседей горами. Дорог в Греции почти нет; иногда из одной местности в другую ведут только горные тропинки. Во всякой области мог засесть независимый народец. Хлебородной земли в Греции мало. В горах приходится жить скотоводством, но разводить можно только мелкий скот, овец и коз, которые будут карабкаться по утесам, глодать кустарник и щипать траву на склонах.

Эгейское море. Как только народу становится больше, пропитания в стране уже нехватает. Молодые, сильные люди не желают биться над бесплодной землей и, вместо того чтобы работать, собираются дружинами в набег. Всего легче пуститься в море.

На востоке весь берег состоит из мысов и выступов, которые далеко вытянулись в море. Немного севернее Фессалии лежит полуостров *Халкидика*, который протянул в море как-будто три пальца (самый восточный из этих пальцев оканчивается горой *Афон*). Сама Фессалия вытягивает к востоку что-то вроде рога, а продолжением

Древняя Греция.

се выступа служат длинный остров *Езбел*. Дальше выступают все в ту же сторону Атика и Арголида.

С каждого из этих концов суши всегда виден впереди какой-нибудь остров или несколько островов: вот и цель для ближайшего нападения. Доехав до одного из островов, мореход видит еще ряд других, а скоро перед ним открывается на востоке берег Малой Азии, которая вытягивает, точно навстречу Греции, свои мысы и выступы. Острова, которые лежат ближе к Греции, называются *Киклады* (т.-е. лежащие в круге), острова у берегов Малой Азии—*Спорады* (т.-е. разбросанные).

Море, лежащее между Грецией и Малой Азией (*Эгейское*), закрыто со всех сторон: на севере *Фракией*, на юге островом *Критом*. Выезжать из этого моря приходится через проливы: на севере через *Геллеспонт* (нынешние Дарданеллы), ведущий к Босфору и Черному морю, и на юге по обе стороны острова Крита: восточный проезд ведет мимо Малой Азии к Египту и Сирии, западный, мимо Пелопоннеса к Италии, Сицилии и Африке.

Похожее на озеро, это море большую часть года покойно. Только зимою бывают бури: моряк держит в это время свои лодки в глубоких бухтах, куда не доходит морская непогода; он прекращает поездки, когда показываются на небе Плеяды (осенние звезды, приносящие дождь). В хорошее время года днем дует сильный северный ветер, что выгодно путешественникам, отправляющимся из Геллеспонта к Аттике или Коринфу. Тому, кто едет обратно, нужно отправляться к ночи, когда этот ветер ложится.

Сказания о богах. Греки родственны арийцам. Они сохранили некоторые старинные верования арийцев. Многие греки взяли у египтян и вавилонян. Как рассказывали сами греки свою историю? Они начинали, подобно египтянам и вавилонянам, с *мифов* о судьбе богов.

В начале времен был Хаос. Потом от Урана (неба) и Геи (земли) родились старшие боги, Кронос и Рея. Кронос очень боялся, что его собственные дети свергнут его с престола; поэтому он глотал их, как только они выходили на свет. Когда родился младший, Зевс, мать Рея, пожалев его, подала Кроносу камень, завернутый в пеленки; Зевса же укрыли в пещере горы Иды на Крите; воинственные Куреты исполняли около него дикий танец, стуча оружием, чтобы заглушить крики ребенка. Когда Зевс вырос, то грозно потребовал у Кроноса выдачи своих братьев и сестер, и Кронос изрыгнул их **обратно**. Теперь властителем стал Зевс и младшие боги.

Между двумя поколениями богов вышла, однако, война. Общая мать богов, Гея, была на стороне старших детей своих. Она создала

титанов, которые ринулись на приступ Олимпа, где утвердился Зевс и его братья. Титаны стали громоздить одну гору на другую; но Зевс сбросил их вниз молнией. Еще новых великанов создала Гея, гигантов, у которых вместо ног были змеи; но и их также одолел Зевс. Исполины низвергнуты в подземелье и оттуда в бессилии пышут огнем (так греки объясняли вулканы, изрыгающие пламя).

Есть другое сказание о Кроносе, в котором сочувствие людей на стороне Кроноса, а не Зевса. Кронос по этому рассказу был добрый, благодетельный правитель мира; при нем был золотой век, всем жилось привольно, не было ни горы, ни бедности, ни болезней. Новый правитель Зевс, который сверг Кроноса,—жесток и мстителен; при нем начались войны, люди огрубели, стали обижать друг друга; наступил век бронзовый, а там еще более суровый, железный.

Зевс разделил власть над миром со своими двумя братьями: себе взял небо и поверхность земли, Посейдону досталось море, Гадесу (или Аду, по нашему произношению)—подземный мир. Одного поколения с Зевсом—его жена Гера и еще богиня Деметра (это имя можно перевести: мать сыра земля). Дети Зевса, Арес и Афина,—оба воители; другая пара, Аполлон и Артемида, оба стрелки из лука, он божественный возница, управляющий солнечными конями, она дикая охотница, бурно носящаяся по лесам. Еще дети Зевса: Гефест, бог-кузнец и искусник, и его жена Афродита (похожая на вавилонскую богиню Интар); наконец, Гермес, крылатый вестник богов. Число этих богов—12, имя их *олимпийские*, так как они живут на высокой горе, закутанной облаком, Олимпе.

Был и у греков миф, похожий на вавилонский рассказ о происхождении богини Интар в страшное подземное царство. Вот его содержание.

У богини Деметры, благодетельницы людей, научившей их земледелию, была дочь Персефона. Однажды девушка собирала в поле цветы, как вдруг разверзлась земля, на своих черных конях появился Ад, мрачный бог подземного царства и увез Персефону. Никто, даже боги сначала, не знали, куда исчезла Персефона. Глубоко опечаленная мать, Деметра, прокляла землю: и вот деревья оголились, трава высохла, скот перестал плодиться; богиня зажгла черный траурный факел и пошла странствовать по земле в поисках погибшей дочери. Первый узнал о месте заключения Персефоны всеведущий Аполлон; боги потребовали у Ада выдачи похищенной. Но Ад хотел сделать Персефону своей женой, а к тому же она вкусила в подземном царстве зернышко граната; по законам этого мрачного мира, кто принял в нем пищу, уже не может из него уйти.

Боги согласились, что Ад будет отпускать Персефону на 6 месяцев к матери. Как только Деметра опять увидела дочь, ее факел потух, на земле заиграла жизнь, распустились цветы и листья, настала весна. Когда приходит время опять скрываться Персефоне под землю, снова Деметра надевает траур и вместе с нею плачет и ейжмается от холода все живое на земле.

Мифы о первых людях. Люди—создания Зевса, но он не любит их и не заботится о них. Есть миф, что боги создали красавицу Пандору, предназначенную в жены первому человеку. Каждый из богов подарил Пандоре какой-нибудь талант или красивую, ценную вещь (имя Пандора и значит «всеми одаренная»). Но ей дали также ящичек, с предупреждением не раскрывать его. Пандора не могла совладать с любопытством, отворила ларчик, а оттуда вылетели запертые было богами болезни и пороки, которые с тех пор мучат и разъедают людей.

Люди долго жили, как темные бессмысленные дикари. Один из титанов, мудрый Прометей, сострадал над ними. Он похитил с неба огонь, сообщил его людям, научил их всякому мастерству, строить дома, обрабатывать поле. Зевс разгневался на Прометея за похищение огня и пригвоздил его к скале; коршун должен был терзать его грудь и клевать сердце. Скала, к которой был прикован Прометей, где-то далеко на Кавказе. Впоследствии герой Геракл, сын Зевса, убил коршуна и освободил Прометея.

Есть в рассказах греков предание о потопе. От наводнения спаслись только два человека, Девкалион и его жена Пирра. Боги сказали им, как поскорее опять заселить мир: бросайте камни за спиной, из них будут выходить люди. Греки считали себя, конечно, лучшими из людей (как арийцы в Азии) и поэтому производили себя не от этих камней, а от Эллина, сына Девкалиона (сами греки называли себя *эллинами*; греками их потом называли римляне).

Предания о переселенцах. Греки понимали, что другие народы раньше них изобрели ремесла, искусства и науки. Поэтому в сказаниях у них все полезное приносят иностранцы: Данай, вышедший из Египта, Пелопс из Малой Азии, Кадм из Финикии. Мифы о них следующие.

Данай был царем; свергнутый своим братом, он решил бежать из Египта. Данай уговорил своих дочерей, которые были замужем за сыновьями брата, убить своих мужей и бежать с ним. Данаиды исполнили просьбу отца и за то были осуждены на такое мучение в подземном царстве: они должны были наполнять водой бездонные бочки. С тех пор «работой Данаид» называлось всякое бесплодное

усилне. Данай поселился в Аргольде, области Пелопоннеса. Там же появился Пелопс, давший имя полуострову.

Отец Пелопса, Тантал, был большой друг богов: они приходили к нему пировать. Однажды ему припламысль заклать для богов своего сына. Но боги заметили, какую страшную нищу хочет им подать хозяин, и отказались от пира. Они возвратили жизнь Пелопсу, а Тантала осудили на вечное мучение в подземном мире. Тантал стоит в воде, а над ним висят плоды; когда он потянется к дереву, ветки с плодами поднимаются вверх; когда он наклоняется пить, вода убегает; среди изобилия он страдает вечной жаждой и голодом.

Прибыв в Грецию, Пелопс посватался к дочери царя Эномая. Отец ставил всем женихам требование обогнать сначала его быстрых коней. Пелопс прибег к хитрости: подкупил возницу и тот опрокинул коляску, в которой ехал царь. Эномай ушибся до смерти а Пелопс получил его дочь и несметные богатства. Но за преступление, совершенное Пелопсом, боги положили проклятие на его род: среди Пелопидов потом не прекращались ссоры и кровавые убийства.

Кадм прибыл из Финикии, отыскивая свою сестру Европу, которую похитил Зевс. Принявши вид белого быка и посадивши Европу на свою спину, бог переплыл море и вышел на берег на острове Крите. Здесь у Зевса и Европы родилось несколько сыновей, между ними Минос, великий властитель критский. Кадм же добирается до Беотии, учит жителей земледелию, сообщает им искусство письма, а они делают его своим царем.

Мифы о Персее, Геракле и Тезее. Из рода Даная происходил герой Персей. Он был сыном Зевса и царевны Данай. Отец Данай, царь Акризий, боялся своего внука (похоже на сказание об Астиаге и Кире); он замуровал сначала свою дочь в башню, а потом велел выбросить ее с ребенком в море, посадив их в тесный ковчег. Но ящик пристал к берегу, мать с сыном спаслись. Выросши, Персей совершает подвиги. Он садится на волшебного златокрылого коня Пегаса и отсекает голову чудовищу Медузе (Смерти); эта голова, окруженная вместо волос змеями, служит ему потом страшным оружием: кто взглянет на нее, каменеет от ужаса. Персей наводит Медузину голову на морского дракона, готового поглотить Андромеду, и спасенная девушка становится его женой. Персея, Андромеду и даже Пегаса показывали потом на небе в виде созвездий.

Величайшим богатырем Греции считался один из потомков Персея, тоже сын Зевса от смертной женщины, паришы Алкмены. Всего замечательнее 12 подвигов Геракла, совершенные им на службе трусливого царя Аргоса, Эврисфея. Геракл убивает громадного льва

своей налицей и облекается в его шкуру (таким обыкновенно изображают Геракла); сражается с многоголовой гидрой, т.-е. змеей, у которой вместо отрубленной головы выростала тотчас же новая; пашет землю, запрягши огнедышащего быка; воюет с амазонками, т.-е. женщинами-воинами, и отнимает у их царицы пояс. Совершает между прочим дело трудное, но не подвиг храбрости: для очистки конюшен царя Авгия впускает через пробитую стену речной поток.

Последние его два подвига—самые трудные. Гераклу велено достать золотые яблоки из чудесного райского сада Гесперид (т.-е. богинь Запада; похоже на один из эпизодов сказания о Гильгамеше). Геракл отправляется в далекий край и, чтобы узнать дорогу, обращается к великану Атланту, который держит на своих плечах небесный свод. Атлант сам берется принести Гераклу яблоки, но просит покуда поддержать его ношу. В то время, когда Атлант и Геракл меняются местами, колеблется небесный свод, и несколько звезд падают (так греки объясняли падающие звезды). Скалы, на которых стоял Геракл, когда был на крайнем Западе, считались *Геракловыми столбами*: явно греки перенесли рассказ финикийца о Мелькарте на своего богатыря.—Двенадцатый подвиг состоял в том, что Геракл сошел в царство Ада и принес Эврисфею живьем страшного трехголового пса Кербера (Цербера в латинском произношении), который стоит стражем у ворот подземного мира.

О смерти Геракла рассказывали так. Исходив весь свет для исполнения подвигов, Геракл сделался царем. Однажды, совершая жертву, он надел одежду, сделанную из шкуры убитого им кентавра (полуконь-получеловек). Одежда стала на нем гореть, он не мог больше снять ее с себя и должен был погибнуть в пламени. Но Зевс взял к себе своего сына и дал Гераклу бессмертие.

В Аттике был свой герой, Тезей. Отец Тезея, Эгей, по одному сказанию,—бог моря, по другому, афинский царь. Первый подвиг Тезея—очищение от разбойников дороги из Пелопоннеса через Коринфский перешеек к Афинам (похоже на борьбу Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, залегшим по дороге к Киеву). Среди злодеев, перебитых Тезеем, был Прокруст, который, принимая гостей, клал их на одну из двух кроватей: малорослых на большую, где мучитель вытягивал их, высоких на малую, где отрубал им конечности; отсюда выражение «бросить на Прокрустово ложе» значит замучить человека в невозможном для него положении. Главный подвиг Тезея—освобождение афинян от уплаты живой дани в виде семи юношей и семи девиц, которых они посылали критскому Миносу, а тот отдавал на съедение полубыку-получеловеку Минотавру, жившему в Лабиринте.

О самом Лабиринте и его строителе был такой миф. Минос заказал волшебный дворец Дедалу (имя Дедал значит «искусный мастер»); но когда чудесное строение было готово, Минос, вместо благодарности, запер Дедала и его сына Икара в высокой башне. Изобретатель и здесь нашелся: он смастерил себе и сыну по две пары восковых крыльев, и они вылетели из окна. Икар, несмотря на предостережение отца, поднялся слишком высоко: от близости солнца крылья его растаяли, и он упал в море.

Тезей вызвался поехать на Крит вместе с осужденными на жертву Минотавру. Здесь ему помогла дочь Миноса, Ариадна; она дала Тезею клубок ниток, чтобы, разматывая их, заметить дорогу в Лабиринте. Тезей убил Минотавра, благополучно выбрался из Лабиринта и уехал с освобожденными афинянами и Ариадной из Крита. На дороге Тезей покинул Ариадну, но бог Дионис, прибывший в это время из Индии, нашел ее и сделал своей бессмертной женой: свадебный венец ее блистает на небе в виде созвездия.

Тезей обещал своему отцу, Эгею, в случае удачи заменить траурный парус белым, но забыл сделать это. Старик дожидался, сидя на утесе, но увидавши знак печали и считая сына погибшим, бросился в море; вот почему оно и называется Эгейским.

Поход аргонавтов. Большая часть героев принимает участие в далеком общем предприятии. Фессалийский царь Пелий поручает своему племяннику Язону добыть ему золотое руно, находящееся в Колхиде (у реки Фазиса, нынешнего Риона, где были золотые россыпи). О руне известно было следующее: брат и сестра, Фрикс и Гелла, дети Облачной богини, спасались от своей мачехи на золоторунном баране (облаке), которого им послала мать. Баран понес их под небесами на восток; когда он пролетал проливом, ведущим из Эгейского моря в Черное, Гелла не удержалась на его спине и упала; отсюда название пролива Геллеспонт, т.-е. море Геллы. Фрикс благополучно добрался до Колхиды, принес в жертву барана и повесил его руно в священной роще.

Язон однажды перенес через поток старуху, которая оказалась богиней Герой. Богиня помогла ему теперь соорудить волшебный корабль Арго; на корме корабля была статуя, которая подавала вещий голос, куда ехать и как избегать опасностей. Язон позвал с собой Геракла, Тезея и других героев, и аргонавты, т.-е. пловцы на Арго, отправились через Геллеспонт в восточное море. Первая опасность, которая их ждала, были спшибающиеся скалы у входа в Черное море; аргонавты узнали от своего оракула, что они остановятся, когда мимо них невредимо пройдет корабль. Арго ускользнул от блуждающих

скал, и они остановились. Аргонавты сражались затем со Стимфалидами, коршунами, которые выпускали вниз свои перья в виде железных стрел. Аргонавты закрылись от них щитами и прогнали их своими копьями.

В Колхиде царь не хотел выдавать Язону руно и заставил его сначала пахать землю на огнедышащих быках, потом посеять драконовы зубы и сражаться с воинством бессмысленных исполинов, которые выросли из этого посева. Все эти дела Язон выполняет при помощи дочери царя, волшебницы Медеи. В веллканов он бросает из леса камень, а те, вообразив каждый, что его толкнул сосед, поднимают драку между собой и убивают друг друга. Медея укрывает затем страшного дракона, который стережет в роще руно, Язон благополучно выбирается с ним, увозит Медею и возвращается с другими аргонавтами домой.

Миф о Троянской войне. Самым любимым мифом греков было сказание о Троянской войне. Это предприятие выполняли младшие богатыри, потомки героев, о которых была речь выше.

Греки начинали подробный рассказ о причинах великой войны со свадьбы Пелея, отца Ахиллова. За Пелея, царя Фессалии, выходила замуж морская нимфа (одна из низших богинь) Фетида; по этому случаю на свадьбу собрались все боги. Не позвали только Ссору (Эриду), а она и отомстила тем, что вкатила на свадьбу золотое яблоко с надписью: «прекраснейшей». Богини Гера, Афина и Афродита стали спорить о том, кому должно принадлежать яблоко. Зевс решил, что их рассудит самый красивый из людей, Парис, сын троянского царя (*Троя* в северо-западном углу Малой Азии, у самого входа в Геллеспонт). Гера обещала Парису власть над всем миром, Афина — величайшую мудрость, Афродита — прекраснейшую из женщин. Парис отдал яблоко Афродите, а богиня помогла ему похитить жену греческого царя Менелая, прекрасную Елену.

Менелай, царь *Спарты* (в Лаконике), был братом могущественного Агамемнона, царя *Микен* (в Аргониде); они были Атриды, т. е. сыновья Атрея из дома Пелопидов. Агамемнон решил отомстить за оскорбление, нанесенное брату, и пригласил своих союзников и подчиненных в поход на царя Трои. Собрались отовсюду греческие вожди со своими дружинами; кроме самого Агамемнона и Менелая тут были: Аякс (или по-гречески Аянт) с острова Саламина (вблизи Атики); богатырь громадного роста и силы; отважный Диомед из Аргоса, сосед Агамемнона; хитроумный Одиссей с острова Итаки (на западе от Пелопоннеса); старый Нестор из Пилоса в Мессении, знаменитый когда-то козевод и наездник.

Нехватало только самого молодого, но и самого могучего из героев, быстрого Ахилла, сына Пелея и Фетиды. Мать-богиня купала его ребенком в огне и сделала неуязвимым, кроме пятки, за которую она держала. Когда Ахилл вырос, боги предложили ему на выбор: долгую благополучную, но бесславную жизнь—или краткий век, великие подвиги и раннюю смерть. Ахилл выбрал второе, но мать хотела его укрыть от опасностей и поместила юношу среди дочерей царя Ликомеда, одевши его в женское платье. Хитрый Одиссей вызвался выманить Ахилла. Он прикинулся торговцем, приехал к дочерям Ликомеда, выложил перед ними ожерелья, а в стороне оружие; девушки взялись за украшения, Ахилл же схватил меч и этим обнаружил себя.

Греческие герои поехали на кораблях через Эгейское море; доплывши до Геллеспонта, они высадились на берегу около Трои, вытащили корабли на сушу и построили лагерь против городских стен, укрепивши его валом и рвом. Приам позвал к себе на помощь своих союзников, и началась десятилетняя троянская война. Греки не умели тогда брать укрепления, как делали это ассирийцы; война состояла в том, что троянцы выходили из своих стен на равнину, где с ними встречались греки, выступавшие из своего лагеря. Трои взяли не силой, а хитростью.

Илиада. Самую интересную часть боев под Троей рассказал греческий поэт Гомер в 24 песнях, которые вместе составляют Илиаду: это слово значит поэма об Иллионе (Илион—другое имя Трои). Содержание Илиады следующее

Главный вождь Агамемнон и самый храбрый герой Ахилл, предводитель мифидонян из Фессалии, поссорились из-за добычи. Агамемнон обидел Ахилла, а тот дал клятву, что больше не примет участия в боях, и остался праздно в своей палатке с другом Патроклом. Мать Ахилла, сереброногая Фетида, которой сын пожаловался на обиду, молит Зевса покарать Агамемнона. Тогда Зевс посылает главному вождю греков обманчивый сон: сделай нападение и возьми Троию. Однако когда оба войска вышли на бой, Агамемнон согласился, чтобы большой спор народов был решен единоборством двух главных виновников, Менелая и Париса.

Оба войска выстроились друг против друга, оставили свободное место для борцов и приготовились смотреть на бой; на троянские стены взошли старики, а Елена стала показывать им греческих героев. Греки и троянцы помолились Зевсу, и вожди с той и другой стороны, поклялись: если победит Парис, Елена остаётся за ним; если же победит Менелай, Елена возвращается первому мужу вместе со всеми

своими богатствами; греки и троянцы в том и другом случае разойдутся мирно. Менелай в бою оказывается сильнее Париса, но его преследует неудача. Он замахнулся мечом по голове противника, но меч расскочился на три части о крепкий щит Париса. Тогда Менелай схватил Париса за голову и с торжеством потащил его к греческому строю. Но у него в руках остался пустой щит, сам Парис исчез; это — богиня Афродита спасла своего любимца: окутала его облаком и унесла в Трою в его дом.

Агамемнон требует исполнения условий, но в это время в Менелая попадает стрела искусного лучника Пандара; греки возмущены и бросаются в бой. В этом сражении особенно отличается Диомед, вдохновляемый Афиной; богиня принимает вид возницы и правит коней Диомеда прямо в середину врагов. Диомед ранит сначала богиню Афродиту, которая уже вновь появилась среди троянцев и помогает своему собственному сыну, герою Энею. Потом Диомед еще больше отваживается и наносит удар самому богу войны Арею; с диким воплем улетает Арей на Олимп. Оба, и Афродита, и Арей жалуются Зевсу на Афины; ведь это она подстрекает людей против богов. Но Зевс со смехом ведет божественным врачам поскорее залечить их раны; успокоенные, они садятся за стол.

Тем временем выходит на бой лучший герой Трои, Гектор, старший сын Приама. Он только что простился с молодой женой Андромахой и маленьким сыном своим. Опять обе стороны готовы решить дело единоборством. Против Гектора выступает огромный Аякс. Гектор мечет копье и пробивает семь кож, которыми обтянут щит Аякса. Греческий герой ударяет еще сильнее, пробивает насквозь щит Гектора и даже панцирь, но Гектор быстро отстраняется; оба они хватают огромные камни с поля и швыряют друг в друга; наконец они бросаются в мечи, но тут их разнимают наблюдавшие за боем плаштан, что-то вроде секундантов. Они говорят: становится темно, оба героя показали себя одинаково храбрыми.

На другой день дело поворачивается для греков хуже; троянцы теснят их, Агамемнон не в силах удержать бегство своих воинов. Троянцы пробиваются сквозь степь, посредством которой греки загордили свой лагерь, впереди всех Гектор. Он уже приблизился к берегу моря и хочет бросить факел, чтобы поджечь корабли и отрезать грекам отступление. Этого зрелища не может вынести друг Ахилла, Патрокл; он выпрашивает доспехи Ахилла, кованные самим богом Гефестом, и выходит на бой. Сначала троянцы, воображая, что перед ними сам Ахилл, отступают, но потом Гектор, осмелившись, оборачивается к Патроклу и убивает его.

Горю Ахилла нет пределов, и он хочет наложить на себя руки. Богиня-мать Фетида приходит утешать его, упрасивает божественного кузнеца Гефеста сковать ее сыну новые доспехи. Ахилл решает жестоко отомстить за смерть друга; он торжественно мирится с Агамемноном и снова выезжает на своей колеснице в бой. В ярости он гонит перед собой троянцев, убивает беспощадно всех, кто ему попадется, загоняет беглецов в реку, топчет конями своими. Но ему мало этого; надо убить Гектора, иначе месть за кровь Патрокла не исполнена.

Наконец он встретился с Гектором, Троянский герой сначала побежал от него в страхе, Ахилл стал преследовать. Три раза обежали они кругом Трои, но вот Гектор остановился для последнего смертного боя. Афина помогает Ахиллу, подает ему копьё, которым он промахнулся, а Гектор, напротив, ударив в Ахилла, остается без копья. Ахилл наносит противнику смертельный удар в шею, где между шлемом и панцырем нет защиты. Убитого Гектора Ахилл привязывает к колеснице и влечет за собою по полю; греческие воины приближаются, и каждый вонзает в умершего, теперь бессильного, героя свое копьё.

После этого ночью к Ахиллу является душа умершего Патрокла, умоляя поскорее похоронить тело, иначе она не может проникнуть в подземный мир через адскую реку и осуждена блуждать. Ахилл хочет обнять душу, так похожа она на умершего друга, но она, как дым, опускается в землю с тихим шелестом.

На другой день воины Ахилла срубают огромные дубы и устраивают костер. На середину кладут тело умершего; кругом—убитых баранов и быков, лошадей и собак; кроме того Ахилл бросает еще 12 зарезанных молодых пленников. Зажигают огонь, костер горит всю ночь, утром его заливают вином; кости сожженного трупа отбирают и кладут в золотой сосуд; его засыпают сверху высоким курганом.

Похоронив Патрокла, Ахилл позвал всех греческих вождей на воинские игры в честь умершего. Сначала шестеро лучших возниц поскакали на колесницах большим кругом по полю; между ними были Менелай, Диомед и Антилох, сын знаменитого старого возницы Нестора. Наградой победителем Ахилл выставил: на первый приз искусную рабыню-работницу и огромный сосуд для варки еды, на второй—лошадь, на остальные кусок золота и кубок.

После этого вышли борцы на жестокий кулачный бой, и один из них похвалялся, что раздробит противнику кости и порвет кожу. Затем состязались в беге, и тут первый приз взял Одиссей, лучший

бегун после Ахилла, который в состязаниях не участвовал, а только присуждал и раздавал награды. Среди наград было оружие и доспехи, добытые с убитых врагов. Когда стали состязаться в бросании железного диска (круга), Ахилл решил, что наградой-победителю, который кинет всего дальше, и будет служить сам диск. По его мнению, этот приз принесет большую пользу обладателю: тут железа хватит на пять лет для всяких поделок.

Затем вышли Диомед и Аякс, оба в полном вооружении и бросились друг на друга с копьями; награда должна была достаться тому, кто первый поранит противника; но герои так распались, что присутствующие поспешили их разнять. Последнее состязание состояло в том, что стреляли в живую цель, привязанную к мачте горлицу.

В Трое в это время страшное горе и плач по убитому Гектору. Старый Приам видит со стен, как тело его любимого сына предается позору. Он решается на неслыханное дело: приезжает в ставку Ахилла, привозит ему несчетные дары и вымаливает труп Гектора на погребение.

На этом кончается Илиада. Другие песни, в которых рассказывалось подробно о гибели Трои, до нас не дошли. Но вкратце мы знаем конец мифа.

Гибель Трои. Ахилл погиб под стенами Трои, раненый в пятку стрелой, которую пустил в него один из братьев Гектора. Не в силах победить троянцев, греки придумали хитрость: выстроили большого деревянного коня, в брюхо которого влезли лучшие воины. Коня оставили под стенами, а войско село на корабли и отплыло к близнему острову. Троянцы вышли из городских стен, в уверенности, что осада кончена; коня они привезли в город и решили посвятить богам. Ночью, когда вся Троя заснула, герои вышли из засады и отперли ворота возвратившимся с кораблей грекам. Воители бросились на безоружных троянцев; старик Приам и его сыновья были убиты, одна из его дочерей Поликсена принесена в жертву на могиле Ахилла, другие, между ними вещая Кассандра, вместе с Андромахой уведены рабынями в плен. Дворец троянский греки сожгли; Менелай получил Елену, а другие вожди увезли в Грецию знатных троянок в виде рабынь.

Были у греков подробные рассказы о том, как возвращались герои троянской войны домой. Не все кончили благополучно. Агамемнона постигло проклятие, тяготевшее над родом Пелопидов: он был убит на пиру собственной женой Клитемнестрой, которая вышла замуж за Эгисфа, двоюродного брата Агамемнона. Когда потом вырос сын Агамемнона, Орест, наступил час мщения за отца; Орест убил мать свою и ее сообщника.

Одиссея. Много бед и приключений испытал хитроумный Одиссей, которому пришлось странствовать 10 лет, пока он не вернулся домой. История возвращения Одиссея рассказана в такой же большой поэме из 24 песен, как Илиада (в греческой азбуке 24 буквы, и каждая песнь обозначается одной из букв по очереди). Сочинителем поэмы Одиссеи считался тот же знаменитый поэт Гомер, по преданию, слепой певец-сказитель.

Одиссей и его товарищи странствуют по морям; их заносит бурей и волнами в неведомые края. Они пристают к острову Киклопов (или Циклопов), т.-е. диких одноглазых великанов. Одиссей заходит с несколькими спутниками в пещеру, где живет киклоп Полифем со своими баранами. Дикарь загораживает выход скалой и начинает пожирать людей. Тогда Одиссей напивает Полифема вином и сонному киклопу выжигает глаз. Чтобы выбраться из пещеры, Одиссей и оставшиеся в живых товарищи утром, когда киклоп выпускает свое стадо из пещеры, прицепляются снизу к баранам и ускользают из рук ослепленного ими Полифема. Хотя Одиссей избег здесь опасности, но нажил себе жестокого врага в лице отца Полифимова, морского бога Посейдона.

Затем моряки попадают на остров волшебницы Кирки (или Цирцеи), дочери бога Солнца. Она принимает гостей радушно, но, давши им напиться, превращает их в свиней. Только Одиссей устоял против колдовства, потому что бог Гермес дал ему чудесной травы. Одиссей заставляет волшебницу возвратить его товарищам человеческий вид; она дает им советы, как избежать ожидающих их опасностей.

Они плывут мимо острова Сирен, полуженщин, полукоршунов, которые сладко поют, но всякого, кто очаруется их пением, разрывают своими когтями. Одиссей, по совету Кирки, заклеивает уши своим товарищам, а сам велит себя привязать к мачте; он так очарован голосами Сирен, что забывает про опасность и кричит гребцам, чтобы они пристали к острову, но они ничего не слышат и благополучно проезжают мимо. Дальше они проскальзывают в узком проливе между двумя чудовищами: Харибдой, которая в водовороте поглощает все, что ей попадется, и Сциллой или (Сциллою), которая со скалы выхватывает моряков; корабль держится ближе к Сцилле, отдает ей в жертву несколько человек и избегает более страшной Харибды.

Пристав к острову бога Солнца (Гелиоса), путники забыли предостережение Кирки: они убивают быков, посвященных Солнцу, а за это бог поражает их своими смертельными стрелами: все спутники Одиссея гибнут в открытом море, его самого буря прибывает к берегу далекого острова на западе, где живет нимфа Калипсо. Здесь Одиссей

остается в плену семь лет; он начинает тосковать по родине, и Зевс посылает вестника своего Гермеса с требованием, чтобы Калипсо отпустила Одиссея. Герой мастерит себе сам небольшой корабль и выбирает для отплытия время, когда бог Посейдон ушел на другой край моря. Сначала Одиссей плывет спокойно, но вдруг Посейдон узнал о его выезде; в четыре шага проходит он полморя и поднимает бурю; в щелки разбивает она корабль и опрокидывает Одиссея в разъяренные волны. Героя спасает Левкотей (что значит, «белая богиня»), бросивши ему свое покрывало; обессиленного волна выносит на берег, он зарывается в кусты и засыпает.

Оказывается, Одиссей заброшен на остров Схерию, где царствует благодущный Алкиной, правитель отважных мореходов, феаков. Царевна Навзикая моет со служанками белье близ того места, где спит Одиссей; девушки начинают играть в мяч, попадают случайно в Одиссея, он выходит и молит принять бесприютного. Навзикая везет его во дворец, но здесь Одиссей должен повторить свою мольбу, севши в золу и пепел у очага, близ которого жена Алкиной, царица Арета, работает за прялкой. Одиссея приветливо просят встать, а узнавши, кто чужестранец, Алкиной окружает его почетом, одевает в лучшие одежды, устраивает для него праздничные игры. На пир во дворец сходятся 12 князей феакских, появляется слепой-певец-сказитель Демодок: певец играет на струнах лиры и мерно рассказывает под музыку один за другим разные мифы и повести о героях. Когда Демодок дошел до троянской войны, Одиссей вспомнил славное время и своих спутников и прослезился.

Алкиной велит снарядить корабль, положить на него богатые подарки и отвезти Одиссея домой, на остров Итаку. Дома его уже считают погибшим, перестали ждать. Вырос его сын Телемах, которого младенцем оставил Одиссей, но Телемах вытеснен из дому молодыми князьями Итаки, которые предлагают жене Одиссея, Пенелопе, выйти замуж, надеясь при этом получить в приданое царскую власть. Пенелопа ждала мужа 10 лет после взятия Трои. На все предложения выйти замуж, она отвечала: «когда окончу покрывало, вышиваемое для богини». Но Пенелопа распускала ночью то, что вышьет днем. Наконец, она стала думать, что Одиссей погиб, и решила отдать руку храбрейшему из князей Итаки. В эту минуту появляется Одиссей.

Афина помогает герою и научает его открыться сыну Телемаху и верному рабу своему Евмею, но во дворец проникнуть в виде нищего. Женихи встречают бродягу со смехом и заставляют его драться с другим попрошайкой. Выходит Пенелопа; не узнавая мужа, она предлагает женихам стрелять из большого лука Одиссеева: кто попадет

стрелой в ушки секир, воткнутых вдоль стены, получит ее руку. Никто из женихов не может даже натянуть лук; тогда его берет Одиссей, пронизывает стрелой все 12 секир и затем, назвав себя, грозно обращается к расхитителям дома своего. Телемах и Евмей спешат к нему на помощь, но женихам также приносят оружие.

Завязывается страшная борьба. Одиссей убивает всех женихов и водворяется опять в своем доме. Но на другой день ко дворцу подступают разъяренные родственники убитых и грозят жестоким мщением. Нападающих больше, чем защитников: весь род Одиссея состоит из него самого, его дряхлого отца и сына Телемаха. Опять на помощь приходит Афина и мирит враждующих: Одиссей обещает заплатить родственникам большой выкуп за убитых.

Раскопки Шлимана в Трое. В Одиссее много сказок и волшебных приключений. В Илиаде почти все—действительные события, если не считать появления богов среди людей. Этих людей Гомер изобразил так правдиво, что они стоят перед нами, точно живые. Прочитав Гомера, как ни поверить, что был настоящий Агамемнон, царь Микен, и Ахилл, предводитель мирмидонян из Фессалии, который лежит под курганом близ Трои, и сам троянский царь, старый Приам, погибший под развалинами сожженной Трои! Глубоко верил в подлинность гомеровских героев и самый замечательный из археологов XIX века, немецкий купец-миллионер Генрих Шлиман.

Шлиман (родился в Мекленбурге в 1822 г.) еще в детстве увлекался мыслью о том, как он поедет открывать развалины Трои. Тяжелые семейные обстоятельства заставили мальчика, вместо ученья в школе, служить в мелочной лавке; он продолжал бредить древними греками и по временам слушал с восторгом декламации гомеровских стихов, хотя не понимал ни единого слова. У Шлимана были необычайные дарования; служа позднее торговым агентом в Амстердаме, он успел в короткое время выучить чуть не все европейские языки в том числе русский. Впоследствии он основал торговый дом в Петербурге и, благодаря своей оборотливости, нажил огромное состояние. Среди жизни чисто коммерческой, Шлиман совершил множество поездок, был в Калифорнии, в Китае и Японии, в Индии, в Карфагене и Египте, в Италии и Греции. Но он успел также прочитать много книг по истории древности и наконец изучить древнегреческий язык, который в молодости очаровывал его, как волшебная мелодия. Уже пожилым человеком, ничего не утратив от своей энергии и юношеских мечтаний, Шлиман принялся за осуществление своего плана.

В 1870 г. он отправился к берегу Геллеспонта и начал раскопки на холме Хиссарлык, уверенный, что найдет здесь старинную Трою.

На месте Хиссарлыка однако за много веков сменилось несколько городов и деревень: разрушали одно поселение, спустя долгое время на развалинах его возникало другое. Холм состоял из девяти слоев, один над другим; чем выше был слой, тем моложе поселок; чем ниже, тем древнее. Всего выше были развалины города, который стоял здесь около времени Рождества Христова. Перед Шлиманом был вопрос: как глубоко нужно зарыться ниже этого города, чтобы достигнуть Гомеровской Трои?

Шлиман заставил рабочих прокопать поперек холма с севера на юг широкий и глубокий ров; все остатки зданий и стен, которые встречались на пути, немилосердно разрушали и уносили из рывины. Шлиман вскрывал один слой за другим, и все ему казалось: нет, это не Троя. Ведь Троя, по сказанию греков, сгорела, а в том,

Разрез построек на Хиссарлыке: 1 первоначальный холм, 2 старинный город, принятый Шлиманом за Трою, 3 настоящая гомеровская Троя, открытая Дорифельдом, 4 греческий город времен Рождества Христова (при построении этого города частью срыли поверхность Трои).

что он находил по дороге, забираясь все дальше вглубь, не видно было следов пожара. Наконец он добрался, совсем почти внизу, до небольшого поселения, окруженного невысокой стеной; здесь явно прошло пламя, много было обгорелых вещей. Вот он—город Прима, решил Шлиман; вот—Скейские ворота, из которых выходил Гектор, и над которыми собирались троянские старцы смотреть на греческих героев. Особенно радовался Шлиман одной находке, которую назвал кладом Приама: это были несколько серебряных ваз, в одной из них лежали золотые ожерелья, серьги и диадемы из тонкого листового золота (диадема—повязка на голове).

Когда Шлиман напечатал о своих открытиях, его встретило почти общее недоверие. Европейские ученые не могли допустить, чтобы открытое Шлиманом поселение было городом Троей. Ведь города никакого не оказалось; Шлиман нашел замок, внутри которого

стояло лишь немного стросний. Стены замка были плохи, из мелкого камня, переложенного глиной. Орудия были медные, но среди них встречались и каменные; о железе не было и помину, а ведь Гомер считал железо очень нужным материалом.

Многие смеялись над самой затеей Шлимана; по их мнению, рассказ Гомера в Илиаде все равно, что сказка об Иване-царевиче; просто не было никакой Трои. Однако, когда в Хиссарлыке принялся за новую работу архитектор Дерпфельд, бывший сотрудник Шлимана, оказалось совсем другое. Дерпфельд нашел остатки настоящей Трои, которую описал Гомер, только ее надо было искать выше на несколько слоев земли. Шлиман так спешил дорыться до сожженного города, что по дороге не заметил подлинной Трои. Ошибка Шлимана была бы не такой большой бедой, если бы можно было ее поправить. Но неутомимый искатель испортил себе сам все дело тем, что раскидал стены и фундамент настоящей Трои! Можно сказать, он собственными руками разрушил драгоценность, которую так жадно искал.

Микенский замок. После раскопок в Трое, Шлиман обратился в Грецию, к «обильным золотом» Микенам, городу Агамемнона. Тут на его долю выпало больше счастья.

Шлиман решил прямо искать могилы микенских царей, и с каким-то удивительным чутьем безошибочно определил место, где они должны находиться. На холме внутри стены, которая обходила царский дворец, он раскопал большой круглый кромлех, состоявший из двух рядов крупных плит: внутри весь круг был засыпан землею; под насыпью оказалось шесть больших могил в виде глубоких шахт, вырытых в каменистом грунте холма. В могилах лежало несколько скелетов, мужских, женских и детских; нашлось также множество золотых предметов. Видно, что в могилу клали все убранство и все украшения, принадлежавшие умершему, у женщин были широкие пояса из золотого листа с привесками, большие золотые пластинки на груди; они были точно сплошь увешены золотом. Мужчины клали в могилу его парадное оружие: вот, напр., клинок кинжала, на котором золотом и серебром по бронзе искусно выложен рисунок, изображающий охоту на львов. Замечательны еще найденные в могилах золотые маски, которые клались на лицо умершего.

Шлиман был в великом восторге и отправил греческому королю Георгу телеграмму такого содержания: «С беспредельной радостью сообщаю вашему величеству, что я открыл могилы, в которых, по преданию, лежат тела Агамемнона и его спутников, убитых на пиру Клитемнестрой и Эгисфом. В этих могилах я нашел огромные сокровища, которых достаточно, чтобы наполнить большой музей;

«Этот музей будет самым замечательным на свете и в течение будущих столетий привлечет в Грецию тысячи иностранцев».

Спрашивается, что же Шлиман на этот раз был прав, или ошибся так же, как на Хиссарлыке? Посмотрим, каковы были другие его открытия в Микенах.

Кроме могил, он раскопал также стены и строения на Микенском холме. Холм этот гораздо меньше, чем в Хиссарлыке. Скаты

Золотая маска, покрывавшая лицо умершего.

холма крутые, и сейчас же у самого края, точно продолжения его боков, поднимаются крепкие стены из крупных камней, обтесанных и плотно приложенных друг к другу. К подножию стены не было никакой возможности подойти. Только к тому месту, где в стене пробиты ворота, устроен покатым въезд. Сохранились великолепные *львиные ворота*; в них косяки и притолка из цельных больших камней, а над воротами рельеф, изображающий двух львиц, подняв-

шихся на передние лапы. Ворота находятся в углублении: по обе стороны их выступают вперед стены, с которых легко метать камни и стрелы во врага, если бы он вздумал штурмовать вход.

Значит, это—настоящая крепость, или, как мы говорим о старинных крепостях, замок. В таких замках, судя по описанию Гомера, и жили его герои со своими дружинами. У подножия холма расстилался город Микены, где жил остальной народ, ремесленники, торговцы, крестьяне.

Дворец внутри микенского замка не похож на Лабиринт Миноса критского: он состоит из одного зала, к которому прилегают небольшие темные комнаты; в середине зала очаг, и дым от него прямо идет в широкое отверстие наверху; в глубине еще несколько скрытых покоев. Это расположение комнат опять напоминает описание Гомера. Вся семья властителя собирается вечером к очагу в большом зале; сюда приходят гости, здесь принимают чужого, как приняли Одиссея у Алкиноя. Потом родственники расходятся по отдельным ком-

натам; царица и ее дочери уходят в дальние покои. Есть еще такая подробность у Гомера, очень подходящая к виду раскопанного старинного дворца. Когда к царю Нестору в Мессению приезжает Телемах, отыскивающий отца, хозяин кладет гостя спать в большом зале; при этом Телемаху уступает свое место младший сын Нестора; у него нет отдельной спальни, как у других женатых сыновей.

Владетели микенского замка. Казалось, нечего и спорить, что Шлиман открыл подлинный дворец Агамемнона. Однако вот что было странно. Могилы и погребальные обычаи, которые он обнаружил в Микенах, совсем не похожи на то, что рассказывает Гомер. По Гомеру, тело героя сжигали, кости и пепел клали в сосуд, а над ним насыпали курган. Ахилл спешил предать пламени тело Патрокла; ведь умершему нет возврата в здешний мир. В микенских же могилах тело умерших оставалось нетронутым, его даже бальзамировали, лицо покрывали золотой маской, чтобы оно спяло; умершему старались обеспечить долгую, точно вечную жизнь в самой могиле. Шлиман исследовал еще в Микенах постройку, которую греки называли *сокровищницей Атрея* (Атрей—отец Агамемнона и Менелая): в скале у подножия замка была выложена галлерей, ведущая в круглую залу с высоким сводом, похожим на пчелиный улей. Шлиман, как ни доверял всем греческим рассказам, увидел ясно, что это не кладовая для сокровищ, а погребальный склеп, наподобие египетских. Итак, Шлиман, хотя и нашел дворец Агамемнона, но ошибся, когда послал свою восторженную телеграмму об открытии могилы микенского царя! Чьи же это были могилы? И как вообще объяснить несогласия в находках Шлимана?

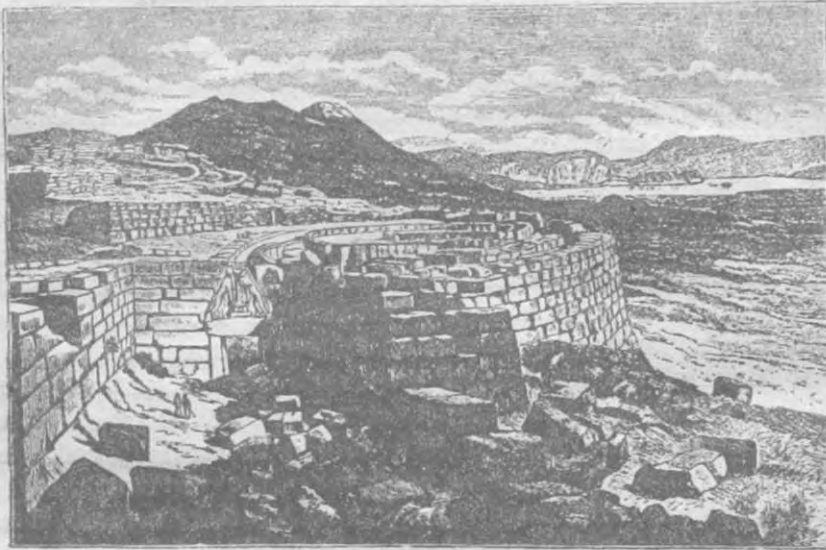
Вот как теперь после смерти Шлимана толкуют различные его открытия.

Греки *не первые* поселились на берегах Эгейского моря. Раньше в этом краю жил *другой народ*; к этому старинному народу принадлежит Минос Критский и строители Лабиринта в Кноссе. Одновременно с Лабиринтом были построены замки в Микенах и в других местах Греции; в них жили богатые князья, подвластные Миносу; они хоронили мертвых на египетский манер в подземных камерах и пирамидах и сохраняли их тела.

Потом пришли с севера *греческие* вожди, дикари сравнительно со старинным народом. Они не знали, что делать с большими великолепными покоями Лабиринта, с его тронной залой, с его театром; поэтому они вытащили из дворца в Кноссе все ценное и сожгли здание. В Микенах дом внутри крепости был небольшой; греческий

предводитель, которому удалось взять замок, забрался туда вместе со своим родством и дружиной; ему незачем было ломать строения крепости. Он остался в ней. Большая гробница в скале была ему не нужна: по обычаю пришельцев, прах мертвых сожигали, а не хоронили. Новый греческий царь стал держать в склепе, как в кладовой, свои драгоценности: оттого пирамиду в скале и называли потом сокровищницей царя Атрея.

Могила в шахтах с их золотыми сокровищами остались нетронутыми вплоть до нашего времени: засыпанные землею, они были

Микенский замок. Направо от львиных ворот каменный круг, заключающий в себе старинные могилы.

не видны, и греческие вожди не подозревали о их существовании. Греки забыли потом и способ кладки крупных тесаных камней; старые микенские стены они стали называть *киклонической* постройкой воображая, что какие-то допотопные великаны, киклопы, ворочали эти большие глыбы.

Города и замки Трои и Микен действительно существовали. Агамемнон и Приам были не сказочные, а подлинные цари, и Троянская война—не сказка только, а настоящее событие. Шлиман нашел очень много принадлежащего героям Гомера; его ошибка была в том, что он относил решительно все вещи, находимые в земле, к рассказам Гомера. Если же хорошо разобраться в находках Шлимана и сравнить их с описаниями Гомера, то можно судить, как жили

греки во времена, когда на востоке царствовали Соломон, Хирам и ассирийские завоеватели.

Быт гомеровских вождей. Богатые воители, называвшиеся царями, жили каждый со своим родством в одном большом доме. Вот как описывает Гомер семью Приама; у него 50 сыновей и 12 дочерей, сыновья все женаты, а дочери замужем; только старшие сыновья, Гектор и Парис, выстроили себе отдельные дома, остальные дети, а также зятья живут при отце. Имущество не разделялось между членами такой большой семьи; у родственников все было общее. За стол у царя садились большим обществом. Царь Алкиной, когда угощал Одиссея, позвал к себе на обед 12 князей феакских; сам он часто обедал у них, переходя по очереди от одного к другому. Гомер называет их «благородными», «жирными» и «счастливыми».

Владелец замка имел у себя в поместьи все, что было нужно для пропитания. В садах и на полях у него работали нанятые люди или рабы. В девичьей сидело множество рабынь; они пряли и ткали одежду для всего дома. Сама госпожа часто сидела за шитьем со служанками. У Одиссея во дворце было 50 рабынь, и к стадам было представлено столько же рабов; всего у него было 72 стада, из них 24 стада свиней в 1200 голов.

На войне победитель забирал большую добычу. Особенно старались взять побольше металла в виде оружия и украшений. «Медью набиты палатки твои» — говорит Агамемнону один воин. При всем богатстве, в доме вождя было много грубости: кругом очага в зале стояла зола и сор; оружие, висевшее на стене, было покрыто копотью от дыма. В комнатах и на дворе бросали в углы, что попало: кости, шелуху, объедки. Когда Одиссей, вернувшись на Итаку, вошел во двор своего дома, то наткнулся на кучу навоза; на ней лежал старый верный пес его Аргус, который тотчас же узнал хозяина и замахал хвостом.

В сражении вождь выделялся от простых воинов своим вооружением: на нем медный шлем с развевающимися наверху перьями, тяжелые латы, т.-е. закрывающие грудь и спину два выпуклых бронзовых листа, на ногах — медные поножи, в руке большой щит (иногда щит был роскошный, разрисованный фигурами с позолотой); в правой руке он держит длинное ясеневое копьё с бронзовым наконечником; на поясе висит широкий меч и кинжал. Только необычайно сильным ударом можно пробить металлическую броню; или надо ловко попасть в незащищенное место, как Ахилл поразил Гектора в шею.

Вождь выезжает в бой на колеснице, которой правит обыкновенно его друг и оруженосец. Когда воины сходятся в рукопашной,

колеснице уже нет места; вождь соскакивает с нее и бьется пеший. Но когда надо преследовать отступающего врага, вождь опять становится на колесницу и с нее поражает бегущих; так несется на своих конях Ахилл, когда мстит за смерть Патрокла. Простые воины шли кучками кругом вождей, пешие в холщевых рубашках и кожаных шапках, к короткими дротиками; они бились враспынную. Такому воину нечего было выступать против тяжело вооруженного вождя. Вожди отыскивали друг друга в бою; только они могли быть героями на войне. Только о их подвигах и рассказывает Гомер.

Перед поединком один герой спрашивает у другого имя, хвастливо вызывает или дразнит другого, кричит обидные слова; так ведут себя Менелай и Парис. Иногда ставят друг другу условия: наприм., Гектор и Аякс уговариваются перед единоборством, чтобы тот, кто победит, снял с убитого доспехи, но выдал бы тело родным для погребения, а не бросил на съедение собакам. Редко бывало, чтобы противники расстались мирно. Так случилось, когда в бою встретились греческий вождь Диомед и союзник троянцев, ликийский вождь Главк (Ликия в южной части Малой Азии). Они узнали имя и происхождение друг у друга, понравились взаимно, заключили дружбу и обменялись оружием. Мена, впрочем, вышла неравная, и можно сказать, совсем честная: Главк отдал золотые латы, которые стоили 100 быков, а Диомед—медные, стоившие только 11 быков.

Совет вождей и собрание воинов. Мы называем греческих вождей царями, но, конечно, они не похожи на великих восточных царей, на фараона, ассирийского повелителя и т. д. У греческих царей гораздо меньше и земли, и подданных, и богатства. Агамемнон и Одиссей вовсе не держатся так недоступно, как Минос, как Рамзес, как Ассурбанипал.

Греческий царь не примет ни одного решения, не посоветовавшись с другими вождями. Когда они сойдутся на совет, каждый по очереди берет царский скипетр и говорит свое мнение. Некоторые были очень искусны в речи, напр., Диомед; их охотно слушали. Ахилл, напротив, огорчался, что он, хотя сильнее всех в бою, но говорить не мастер. По временам вожди в споре распалялись и принимались бранить царя. Иногда совсем не слушались главного вождя. Ахилл, поссорившись с Агамемноном, отстал от остального войска со своими товарищами и слугами и сидел без дела в своей палатке. Диомед и Одиссей, не спрашиваясь Агамемнона, совершают смелый набег на заснувший конный отряд, который только что прибыл на помощь Трое.

Греческий царь и к народу гораздо ближе, чем восточный. Когда

Телемах вместе со своим наставником Ментором приехал к Нестору в гости, то застал следующую картину: на самом берегу, где высадились приезжие, собрался весь народ на большую жертву в честь морского бога. Это—вместе с тем общий народный пир. Стоят 9 рядов скамей, в каждом ряду сидит по 500 человек, и перед каждым рядом лежат 9 зарезанных быков. Царская семья сидит среди пирующих: приближенные старого Нестора и его сыновей готовят для них еду, жарят мясо на вертелах.

Во время войны как только дело поважнее, царь зовет всех воинов на большое собрание. Так Агамемнон, после обманчивого сна, посланного Зевсом, хочет оповестить все войско о своем намерении. Царские вестники скликают всех по лагерю громким голосом. Воины идут, разделившись на отряды и, вступив в круг собрания, усаживаются в правильном порядке; на особом возвышении садятся вожди. Царь сам открывает свое решение или поручает вестнику сообщить, что надумал.

Когда Агамемнон потребовал, чтобы греки пошли на приступ Трои, из среды воинов вышел Терсит и стал бранить вождей: «всегда у вас на уме собственная выгода, а войны за вас отдувайся, получай раны и удары». После таких слов поднялся шум в собрании, Агамемнон растерялся, но ему помог Одиссей, который схватил палку и жестоко избил Терсита за его резкие речи.

Правда, тут очень досталось простому воину, но Терсита после никто и не думал наказывать. Это потому, что он не нарушил обычая; вождю можно было противоречить.

Быт простолюдинов и рабов. Между простыми людьми, не принадлежавшими к родству вождей, на первом месте были челядинцы, которые состояли при богатых владетелях замков: слуги, конюхи, оруженосцы, мастера, работавшие на владетеля. Из самых ловких и отважных слуг своих вождей набирал вроде небольшой гвардии; эти отборные воины получали от него лучшее оружие, бронзовые латы, шлем и длинное копье.

Той части незнатных людей, которые служили вождю, жилось довольно хорошо. Но было много простолюдинов, которые не принадлежали ко двору владетелей замков. Таковы были земледельцы и садоводы, с которых вожди получали дань хлебом, виноградом, оливками, полотном и шерстью. Таковы были разные мастера, кузнецы и оружейники, каменщики, плотники и столяры, ювелиры, между женщинами ткачихи и вышивальщицы. Искусный мастер или мастерица очень ценились и могли хорошо зарабатывать; сделавши все нужное для околотка, мастер переезжал в другое место.

Но плохо было положение того, кто должен был жить черной работой, и у кого не было собственной избы и земли: поденщика нередко обидит богатый и сильный человек, не отдаст ему заработка и прогонит с угрозой.

Вообще жилось трудно тому, кто имел мало родства или тому, кто не отдался под покровительство богатого владельца замка. Воители решали все споры между собой силой. Во время набегов они безжалостно разоряли поля, жгли дома и угоняли скот у сельчан. Гесиод, крестьянин-певец того времени говорит: «простые люди в руках крупных господ беззащитны, как соловей в когтях у ястреба».

Напавши на соседей, воитель старался взять побольше пленников; это было выгодно, потому что родственники захваченных старались для их освобождения заплатить большой выкуп. Если пленник не мог выкупиться, то воитель получал с него другую выгоду: держал его в кабале и заставлял на себя работать. Таким же кавальным на всю жизнь, или рабом становился нередко бедняк, у которого не было пристанища.

Над рабом господин имел полную волю. Доля рабов могла быть различна. Иные вырастали в барском доме вместе с господскими детьми и обладали доверием хозяев: таков был, наприм., раб Одиссея, свинопас Евмей, у которого была выстроена своя избушка, было свое небольшое стадо и даже свой раб; ему первому открылся Одиссей по возвращении домой, раньше, чем сыну и жене. Тот же Одиссей, однако, перебив женихов своей жены, безжалостно расправился с рабынями, которые им служили: он удавил их на дворе своим, и никто не посмел вмешаться.

Представления о богах. Воители были люди удалые, беспечные, с прерывами то жестокости, то великодушия. Они легко ссорились, скоро могли и помириться. Главное только было для них—не сидеть дома, а куда-то лететь, драться, отнимать богатство у других; еще им нравилось слушать рассказы и повести о своих подвигах. Каковы они были сами, такими представляли себе и богов.

Среди богов, есть главный, царь над другими, точно Агамемнон над другими вождами. Это—громовержец Зевс. Он гораздо сильнее остальных богов. Для пробы силы Зевс предлагает всем богам схватиться за веревку и тянуть ее с земли вниз, а он один удержит сверху. Но Зевса не всегда слушаются. Он запрещает, напр., другим богам вмешиваться в битвы; тогда они пробираются тайком. Обещавши Фетиде жестокое мщение за Ахилла, Зевс помогает троянцам. Тогда Гера, которая держит сторону греков, обманывает его: она уговаривается со Сном и усыпляет мужа; тем временем греки бьют троянцев.

Проснувшись, Зевс приходит в ярость; он грозит сбросить Геру вниз на землю, как уже раз и сделал.

Боги часто не знают вперед будущего. Перед решительным боем Ахилла и Гектора Зевс гадает, кому из них должна достаться победа, кому—смерть: он берет весы и кладет два жребия; жребий Гектора опускается книзу, ближе к подземному царству, и его участь решена.

На вершине Олимпа, под облаками у богов есть дворцы, выстроенные божественным художником Гефестом. Они часто сходятся на пир к Зевсу. Иногда между ними поднимается распря. Когда Зевс объявляет богам, что он решил помогать троянцам, чтобы отомстить за обиду, нанесенную Ахиллу, Гера сердится: она видела тайком приходившую к Зевсу Фетиду и недовольна, что Зевс не захотел посоветоваться с богами. Горькие слова говорят они друг другу. Но ссору останавливает Гефест: неуклюже прихрамывая, он начинает суетиться и разливать богам вино; глядя на его ухватки, весь Олимп разражается хохотом (отсюда наше выражение «гомерический смех»). Боги забывают все обиды и успокаиваются; божественный певец Аполлон улаживает их слух пением и игрой на лире.

Светло и беспечно живет богам, потому что они бессмертны, а свою вечную молодость они поддерживают амброзией и нектаром (напитком вроде сомы арийцев). Все несчастье людей в том, что они смертны. Нет лучше земной жизни для счастливого, но она коротка; за гробом его ждут только ужасы подземного мира, да унылое страствование бесприютной души.

Одиссей захотел однажды вызвать души умерших, чтобы узнать от них будущее: выкопал яму, налил крови жертвенных животных и стал произносить таинственные слова. Появились тени, жалкие подобия живых людей; они стали тесниться к крови; только та, которая напьется крови, может говорить с живыми. Среди них была тень Ахилла. Одиссей спросил его: «каково тебе в подземном царстве?» Ахилл ответил: «лучше бы мне было быть последним батраком у самого бедного крестьянина, да жить на земле, чем здесь царствовать над умершими».

В греческих мифах есть и проводник душ в подземный мир, бог Гермес (подобный египетскому Анубису) и лодочник Харон, перевозящий через реку Смерти (как в сказании о Гильгамеше). С того света нет возврата. Только раз удалось певцу Орфею своей сладкозвучной музыкой склонить сурового бога Ада на милость: отдать ему умершую жену Эвридику. Но условие было не оборачиваться назад, пока не выйдут они на поверхность земли. Орфей не выдержал, взглянул на Эвридику; тотчас же бог Гермес увел ее опять в преисподнюю.

Обзор главных событий, упомянутых в книге.

Когда начался каменный век, сколько времени он продолжался мы не знаем. Также трудно определить время, когда началось употребление металлов. Известно, что за 4000 лет до Рождества Христова (т.е. за 6000 лет до нашего времени) уже выделяли медь в Египте. В Европе медь стали применять около 3000 года. Еще позднее, около 2001 года начался бронзовый век.

Царь Менес, объединитель *Египта*, жил за 3000 лет до Р. Х. Самым большим городом Египта в эту пору был Мемфис. На Евфрате в одно время с ним процветали *сумерские* города Ур, Эриду, Нишур. Около 2800 года выстроена большая пирамида Хеопса. Тогда же существовал большой зиккурат в Нишуре. Египтяне в это время писали иероглифами, сумеры—клинописными знаками.

Около 2500 года до Р. Х. надвинулись из сирийско-аравийской степи *семиты*. Семитское племя Амурру село в северной части Сенаара; самым большим городом этого края стал Вавилон. Около 2000 года в Вавилоне правил царь Хаммураби.—В ту же пору в Египте возвысился город Фивы; замечательные фиванские фараоны были Сесострис III, завоеватель Ханаана и Нубии, и Аменемхет III, строитель Лабиринта в Фаюме. Около того же времени на острове Крите Минос выстроил свой Лабиринт, т.е. большой дворец у города Кносса.

Около 1700 года до Р. Х. на Египет напали *хиксы*. Полтора столетия длилось их господство над страной. Наконец хиксов изгнали фиванские фараоны; вслед за уходившими кочевниками они двинулись на завоевание Ханаана и Сирии. Дальше всех египетских завоевателей зашел Тутмес III, в 1480 году до Р. Х. Египтяне образовали *первую* большую державу на Востоке. Опасными соперниками египтян выступили *хетиты*, жившие в Малой Азии. В 1300 году с ними воевал Рамзес II: хетиты удержали Сирию, а фараон Ханаан и Фи-

визию.—На Крит в это время стали прибывать в большом количестве толпы воинственных моряков, между ними *греки*.

Около 1200 года *морские народы* сожгли Кносский лабиринт и двинулись большой силой на кораблях к берегам Египта, Ханаана и Сирии. Фараон Рамзес III отразил их нападение; однако на берегу Ханаана остались филистимляне.

За 1200 лет до Р. Х. в южной Европе и в Азии начался *железный век*. Бронзовые орудия остались еще в употреблении, но железо стало давать большой перевес на войне. В Азии выступила *вторая* большая держава, *ассирийская*. *Ассирийцы* подчинили себе Месопотамию; всюду они брали большие выкупы металлами и особенно железом. Около того же времени начались поездки *финикиян* на запад.

В 1000 году Давид из колена Вениамина стал царем *израильтян*. Его сын Соломон построил большой храм в Иерусалиме и заключил дружбу с царем финикийского Тира, Хирамом. По смерти Соломона государство, основанное Давидом, разделилось на две части: царство израильское, с городом Самарией, и царство иудейское, с Иерусалимом.—В начале железного века также произошла *тройская война*: царь микенский Агамемнон со своими союзниками напал на *тройского* царя Приама.

В 850 году царь *ассирийский* Салманассар II поставил у берега Средиземного моря надпись о своем господстве *над всей Азией*, рядом с камнем Рамзеса II. Израильский царь Иеуи выразил Салманассару свою покорность. Около 800 года финикияне основали Карфаген. В 722 году Саргон разрушил Самарию и отвел часть израильтян в плен. Столицу Ассирии Саргон перенес из Ассура в Ниневию. Во времена царя Ассурбанипала (правил от 668 года), Египет подчинялся ассириянам. Ассурбанипал собрал большую библиотеку старинных *сумерских* и *вавилонских* книг (найденную Лейардом в Кундликке).

Ассирийскую державу уничтожили степняки *халдеи* и горцы *мидяне* (впервые в их лице в Азии выступает *арийское племя*). В 607 году мидяне разрушили Ниневию; их союзники, халдеи, подчинили себе Вавилон. Халдейский царь Навуходоносор в 586 году разрушил Иерусалим и переселил иудеев за Евфрат.

Около 550 года образовалась *третья* великая держава на Востоке, *персидская*, самая большая из всех. Ее основатели были первые три персидские цари. Кир победил мидян, затем завоевал Лидию в Малой Азии и соединил под своей властью всю горную страну от

Инда до Эгейского моря. В 538 году, призванный вавилонскими жрецами, Кир завладел Вавилоном и уничтожил халдейскую державу. В 525 году Камбиз завоевал Египет. В 515 году Дарий совершил поход на скифов.

Около 450 года до Р. Х. Геродот посетил восточные страны, входившие в состав персидского государства, побывал в Египте, в Вавилоне; был Геродот также на северном берегу Черного моря в стране скифов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 3.

1. Каменный век в Европе. Памятники истории 5. Остатки глубокой старины 6. Старый каменный век 8. Пещерные жители 10. Живопись пещерных дикарей 11. Домашние животные 13. Свайные постройки 15. Орудия нового каменного века 16. Нравы людей нового каменного века 18. Мегалитические сооружения 19. Верования нового каменного века 20. Начало бронзового века 22. Торговля и набеги бронзового века 25.

2. Египет. Страны древнего Востока 27. Египет 28. Геродот о древнем Египте 29. Египет от Геродота до наших дней 30. Долина Нила и разливы реки 32. Египетские каналы и плотины 35. Ученые жрецы в Мемфисе и Гелиополе 36. Египетские области и их боги 38. Почитание богов и праздники 39. Сказание об Озирисе 40. Сказание о небесных богах 41. Объединение Египета 43. Строители пирамид 45. Устройство старинных гробниц 45. Картины жизни в большом поместье 48. Фараон и его двор 48. Конец мемфийских фараонов и начало фиванских 50. Могущество фиванских фараонов 52. Новая вера египтян 54. Рисунки и письмо египтян 55.

3. Двуречье. Равнина Двуречья 59. Рассказы Геродота о Вавилоне 60. Разорение черной земли Вавилонской 62. Раскопки в Ассирии и Вавилонии 63. Города древних шумеров 65. Клинообразное письмо 67. Жители пустыни 68. Семиты-завоеватели 69. Хаммураби, царь вавилонский 70. Законы Хаммураби 71. Шумерское письмо в Вавилоне 72. Сказание о сотворении мира 73. Сказания о героях 75. Сказание о Гильгамеше 76. Смерть, ад и злые духи 77. Вавилонские звездочеты 78. Счет времени, веса и денег 79.

4. Великие восточные державы. Господство пастухов в Египте 81. Великая держава фиванских фараонов 82. Переписка фараона с вавилонским царем 84. Хетиты в Малой Азии 84. Хетиты и египтяне 86. Заморские поездки египтян 87. Критские властители 88. Большой дворец в Кноссе 88. Гибель Кносса и нападение морских народов на Египет 90. Ассирияне 92. Начало железного века 94. Ванское царство 94. Финикияне 95. Открытия финикиян 96. Финикийская торговля 98. Ассирияне против Израиля и Финикии 100. Величие и падение Ассирии 101. Халдейское царство в Вавилоне 102. Арийцы 104. Иранцы 160.

Завоевания Кира и Камбиза 107. Поход Дария на скифов 109. Страна и нравы скифов по Геродоту 110. Возвращение Дария из Скифии 112. Устройство персидского государства 113.

5. Героический век в Греции. Европейская Греция 117. Эгейское море 118. Сказания о богах 120. Мифы о первых людях 122. Предания о переселенцах 122. Мифы о Персее, Геракле и Тесее 123. Поход аргонавтов 125. Миф о Троянской войне 126. Илиада 127. Гибель Трои 130. Одиссея 131. Раскопки Шлиманна в Трое 133. Микенский замок 135. Владетели Микенского замка 137. Быт гомеровских вождей 139. Совет вождей и собрание воинов 140. Быт престолюдинов и рабов 141. Представления о богах 142.

Обзор главных событий, упомянутых в книге, 144.

